

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ А.А.ПОТЕБНИ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.С.СКОВОРОДЫ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УКРАИНСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2 (39)

Харьков
2009

Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2009. – № 2 (39). – 94 с.

Утвержден ВАК при Кабинете Министров Украины как специализированное издание.

Учредитель – ООО “Альманах”. Регистрационное свидетельство КВ № 1234 от 09.02.95.

Рекомендован к печати ученым советом Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сковороды (протокол № 1 от 6 марта 2009 г.)

Редакционная коллегия:

СТЕПАНЧЕНКО И. И. (главный редактор)

АНДРУЩЕНКО Е.А.

ГЕТМАНЕЦ М. Ф.

ГИРШМАН М. М.

ГУЛАК А. Т.

ДУБИЧИНСКИЙ В. В.

КАЛАШНИКОВА Г. Ф.

ОЗЕРОВА Н. Г.

ПЕЛЕПЕЙЧЕНКО Л. Н.

ПОБОРЧАЯ И. П.

СИНЕЛЬНИКОВА Л. Н.

СКОРОБОГАТОВА Е. А. (зам. главного редактора)

СТАКАНКОВА Т. П.

ФРИЗМАН Л. Г.

ЮРКОВСКАЯ А. Е. (ответственный секретарь)

Рецензенты – доктор филологических наук, профессор **А.Т. Гулак** (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды)
доктор филологических наук, профессор **М.Ф. Гетманец** (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды)

Адрес редакции: 61002, Харьков, а/я 8748, тел. (057) 702-38-85; (057) 706-19-08

E-mail: istepanchenko@rambler.ru
istepanchenko@ukr.net

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ

Зрительные ощущения индивида играют важную роль в жизнедеятельности всего организма. Помимо света и тени человеческий глаз способен распознавать большое количество цветов и оттенков. Итог познания цветовых качеств, а именно их физические, физиологические, психические и культурно-символические аспекты, нашли свое вербальное отражение в цветообозначениях. Содержательная сфера цветообозначения репрезентирует разноаспектную информацию. Одним из актуальных заданий современного языкознания является комплексный анализ определенных семантических групп лексики. Так, изучением общих закономерностей процесса категоризации цвета в вербальном пространстве занимались Берлин и Кей [Берлин, Кей 1969]. Широко известны работы Н.Б.Бахилиной, М.Ф.Мурьянова, посвященные истории развития русских цветообозначений, [Бахилина 1975], [Мурьянов 1978]. Изучение цветолексики в лингвокультурологическом аспекте – цель многих филологов [Герасименко 2006], [Жаркинбекова 2003]. Изучение цветообозначений в различных идиолектах давно доказало свою перспективность. Вербальное отражение колористических пристрастий поэта или прозаика продиктовано как индивидуальным опытом автора, так и коллективным опытом целого этноса, социальной группы, частью которых является писатель [Колесникова 204]. Изучение цветообозначений привлекает не только славистов, исследователи германских языков также обращаются к изучению данной проблемы. [Козак 2002], [Деменчук 2003]. Заслуживают внимания исследования украинского лингвиста Т.В.Пастушенко. Особый интерес для исследовательницы представляют элементы коннотативного макрокомпонента в структуре цветовых номинаций английского языка [Пастушенко 1998]. Существенный вклад в развитие колористического направления в современной русистике сделала Р.М.Фрумкина [Фрумкина 1984].

В рамках данной статьи мы описываем семантику рекламных цветообозначений. Рекламный дискурс – активно развивающаяся система, востребованность рекламывлечет за собой появление нового типа цветоименований. Изучение эклектики семантического содержания рекламных цветоименований – цель лингвистических изысканий А.П.Василевича. Работы языковеда посвящены изучению роли цвета в рекламе, а также культурно-исторических традиций и психолингвистических факторов восприятия цвета [Василевич 2005]. Идеи А.П.Василевича получили развитие в научных работах российских и украинских лингвистов. Так, донецкая исследовательница

Ю.Н.Ус рассматривает семантические типы рекламных цветообозначений немецкого и русского языков [Ус 2003]. Таким образом, разнообразие научных исследований, посвященных изучению особенностей семантики цветообозначений в разных языках, свидетельствует о лингвистической ценности цветовых кодов, репрезентируемых вербально. Изучение особенностей семантического поля русскоязычных рекламных цветоименований является актуальной темой в современном языкознании, ведь рекламная цветолексика – это важный самостоятельный компонент цветовой номенклатуры всего языка. Целью данного исследования является определение структуры семантического поля рекламных цветообозначений в русском языке. Формат статьи не позволяет детально осветить весь спектр вопросов, связанных с рассматриваемым явлением, поэтому в круг задач входит выявление схематической структуры семантического поля рекламных цветообозначений, роли коннотативных и логико-понятийных сем в данной полевой структуре.

Накопленный опыт теоретиков полевого подхода в изучении семантической структуры языка позволяет структурировать информацию о содержательном плане анализируемых групп лексики. Еще в начале XX века выяснение взаимоотношений между языковыми единицами подтолкнуло исследователей к использованию новых подходов. Идеи изучения лексического фонда по семантическим полям, несомненно, имеют глубокие корни. Начало изучения семантического аспекта языка в русистике ознаменовалось выходом работ А.А. Потебни, Л. В. Щербы. А.А. Потебня обращался к историческому изучению не отдельного слова, а группы слов, связанных “единством представления, что содержится в их названиях” [Потебня 1993, 325]. Работы ученого стали мощным толчком к использованию новых методов изучения смысловой структуры слова. Л. В. Щерба отстаивал идеи системности лексики и отмечал, что изменения значений слов “понятны лишь в рамках такой системы” [Щерба 1974, 304]. Весомый вклад в развитие данного лингвистического направления сделали Ю.Д.Апресян [Апресян 1974], Л.М.Васильев [Васильев 1971], Ю.Н.Караулов [Караулов 1976], Э.В.Кузнецова [Кузнецова 1975], Л.А.Новиков и др. [Новиков 1973]. Как отмечает Л.А.Новиков, “семантическое поле – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением” [Новиков 1973, 54]. По мнению большинства современных исследователей, в структуру семантического поля включаются синонимы, антонимы, гипонимы и

гиперонимы. Названные парадигматические группы встречаются и в рамках семантического поля рекламных цветообозначений. Отношения гиперогипонимии скрепляют компоненты всего семантического поля. Ядерная лексема *цвет* содержит инвариантную сему “цветовой признак”, что проявляется в семантике всего множества рекламных цветоименований. Лексема *цвет* вступает в гиперогипонимические отношения со всеми названиями цветов в рекламе. Лексико-семантическая группа – относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединенных архисемой более конкретного содержания и иерархически более низкого порядка, чем архисема поля, является составной частью поля. Центральная зона семантического поля рекламных цветоименований – это лексико-семантические группы цветоименований, когнитивные семы которых содержат информацию о конкретном тоновом признаке цвета. Имя прилагательное с цветовой семантикой представляет собой традиционное цвето-наименование. Именно эти группы лексем составляют центральную зону анализируемого семантического поля. Ряд прилагательных несет обозначение цвета непосредственно, например, красный, синий, голубой, белый, черный, желтый, оранжевый, зеленый, серый, коричневый, фиолетовый. Эти цветоименования называют базовыми, ведь они являются качественными именами прилагательными, изменяемыми, полифункциональными (объединяясь с другими колоративами, образуют новые имена прилагательные с семантикой цвета), а также доминируют в синонимическом ряду цветоименований. Эти базовые цвето-наименования, по нашему мнению, “стержни” соответствующих лексико-семантических групп цветоименований в центральной зоне рассматриваемого семантического поля. Цветоименование *красный* репрезентирует такую ЛСГ: красный, алый, клубничный, вишневый, брусничный, клюквенный, коралловый, малиновый, бордовый, бордо, гранатовый, гранатово-красный, пурпурный. Цветоименование *розовый* занимает особое положение в центральной зоне семантического поля, формируя отдельную ЛСГ. В рамках ЛСГ “коричневый” мы разграничиваем подгруппы “собственно коричневый” и “бежевый”, руководствуясь установкой различения этих цветовых признаков в рекламном дискурсе, – коричневый цвет и цвет кожи, тела. Лексемы *бежевый/беж* наиболее часто выступают в качестве названия цвета кожи, поэтому данные лексические единицы мы характеризуем как доминанты соответствующей подгруппы (бежевый, беж, светло-бежевый, телесный, кремовый).

Антонимические цветообозначения *белый* и *черный* являются стержневыми лексемами соответствующих лексико-семантических групп. Как заявляет большинство исследователей, разграничение и фиксация в языке черного и белого цветовых признаков происходило еще на первых стадиях развития человечества, и было непосредственно связано с явлениями день-ночь, свет-мрак/тьнь [Берлин, Кей 1969, 24]. Цветоименования *белый*

и *черный* одновременно содержат как информацию о цветовом признаке, так и о световом. Лексико-семантические группы, возглавляемые соответствующими лексемами, тоже фиксируют эту особенность. Центральная зона семантического поля рекламных цветообозначений содержит ЛСГ “черный” с такими компонентами: черный, темный, маренго, а ЛСГ “белый” – белый, серебристый, белоснежный, жемчужный, молочный, перламутровый, серебристый, светлый. Антонимическая связь *черный* – *белый* притягивает к себе еще один компонент парадигмы – цветообозначение *серый*. Лексема *серый* является стержнем отдельной ЛСГ: серый, темно-серый, светло-серый, пепельный, темно-пепельный, светло-пепельный, стальной, серебристый. Световая характеристика присутствует в названиях красных, синих, коричневых, зеленых, желтых, серых, фиолетовых, розовых, оранжевых цветов, но в этих случаях, в семеме цветоименования она присоединяется к тоновой семме: темно-вишневый, светло-бежевый, светло-розовый, темно-русый. Это приводит к образованию антонимических пар среди компонентов одной ЛСГ: русский – очень светло-русый, “Светло-абрикосовый утонченный” – “Абрикосовый утонченный” [Faberlic, 37]. Названные антонимические отношения проявляются и в центральных, и в периферийных зонах анализируемого семантического поля. Разграничение центра семантического поля рекламных цветообозначений по тоновому признаку на 11 лексико-семантических групп подтолкнуло нас условно разбить на 11 секторов все семантическое поле. Благодаря этому мы можем проследить семантические и частеречные метаморфозы рекламных цветоименований от центра к периферии поля. Синонимические ряды – это основа каждого тонового сектора анализируемого семантического поля. Выбор элементов синонимической парадигмы в данном случае не лишен субъективности, так, например, тоновый сектор “синий” содержит 2 синонимических ряда: синий – хрустально-синий – “Элегантный синий” – “Глубокий синий” – “Сияющий синий” – “Полночный синий” – “Небосклон” – “электрик” – “Эбони” и др., а также Голубой – светло-голубой – “дымчато-голубой” – “звездно-голубой” – “светло-голубой графический” – “Голубое небо” – “Голубая Ривьера” – “Голубой неон” – “Голубой бриллиант” – “Голубая волна” – “Бирюзовая лазурь” – “Океаничный бриз” – “Кристалльная вода” – “Лагуна” и т.д. Все представленные цветообозначения взяты из рекламных каталогов. Лишь первые 2 и 3 лексемы в данных синонимических рядах содержатся в центральной зоне семантического поля, все остальные цветоименования относятся к периферийной зоне. Функцией цветоименований становится не только определение цвета товара, но и привлечение внимания покупателя. Причем, чем дальше цветоименование от ядра семантического поля, тем оно более экспрессивно и менее информативно в цветовом аспекте. В тоновом секторе “синий” на краю семантического поля мы расположили англоязычные цветоименования, которые исполь-

зуют в русскоязычном рекламном дискурсе: “Atlanta blue”, “Moroccan blue”, “Deep Sea Blue”, “Aero Blue” [16], [17] и т.д. “Яркость” цветоименования обеспечивается актуализацией сем эмоциональных, оценочных, функционально-стилистических, ассоциативных и потенциальных. Возможна не только прямая апелляция к положительным оцениваемым обществом денотатам, но и метафорическое обыгрывание ценных покупателю образов. Большое значение имеет актуализация потенциальных и ассоциативных сем. Информация, заложенная в коннотативном макрокомпоненте семной структуры рекламного цветоименования, играет важную роль в активизации рекламной коммуникации. Эксплуатация ассоциативных ресурсов слов широко демонстрируется на материале русскоязычных рекламных цветообозначений. Такую цветолексику можно сопоставить с результатами свободного ассоциативного эксперимента, где в качестве стимула используют колерный образец. От того, насколько удачна ассоциация, предложенная маркетологом, будет зависеть востребованность и понятность цветообозначения. Процесс перехода в фонд рекламной цветолексики лексемы, когнитивные семы которой не содержат цветовой информации, сопровождается семантическими изменениями. В семеме лексемы актуализируются периферийные цветовые семы, что приводит к употреблению слова в переносном значении. Сложность содержательного плана этих цветоименований влечет за собой усложнение материальной формы. По набору формальных признаков их нельзя отнести ни к одной части речи. Данные лексемы становятся неизменяемыми, лишь в определенном контексте выступая как цветоименования. Многочисленность примеров этой группы цветоименований подталкивает к выделению их в отдельный класс так называемых “функциональных” колоративов. Они могут быть однокомпонентными (“Страсть”, “Нежность”, “Флирт”) и многокомпонентными (“Кофе с молоком”, “Океаничный бриз”). На краю семантического поля рекламных цветообозначений, на наш взгляд, находятся заимствованные цветообозначения, заимствованный характер которых маркетологи подчеркивают англоязычным написанием или с помощью транслитерации и рансфонизации, например, “Порселайн”, “Хоуп” [Oriflame 2008, 56], [Faberlic 2007, 4].

Наличие сем “отражение / неотражение света”, “излучение света” является важной особенностью семантики рекламных цветообозначений, что располагаются в периферийной зоне рассматриваемого поля: “Сияющий фейерверк” (оранжевый) [Faberlic 2007, 44], “Северное сияние” (серебристый) [Faberlic 2007, 33], “Матовое золото” (яркий желтый) [Infinum 2008, 41].

Нечеткость границ семантического поля рекламных цветообозначений определена качественным составом сем, сосредоточенных в периферийных зонах. Синтетическое содержание семем рекламного цветообозначения включает не

только собственно цветовые компоненты, но и семы из других семантических полей: “еда”, “звуки”, “ткани”, “металлы”, “природные явления” и т.д.

Русские цветообозначения характеризуются сложной семной структурой. Цветовой показатель как признак, несомненно, эклектичен по своему содержанию, поэтому цветообозначения образуют многокомпонентное семантическое поле, репрезентирующее широкий ряд представлений человека о цвете. В рамках семантического поля рекламных цветообозначений лексему “цвет” следует выделить как ядерную. 11 лексико-семантических групп с общеязыковыми цветоименованиями, по нашему мнению, составляют центральную зону семантического поля рекламных цветоименований. Периферийная зона анализируемого семантического поля соответственно представлена широким кругом лексем, в значении которых присутствует сема “цвет”, но их семантика обусловлена актуализацией коннотативных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д.Апресян /АН СССР. Научный совет по комплексной проблеме “Кибернетика”. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288с.
3. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / А.П.Василевич, С.Н.Кузнецова, С.С.Мищенко. – М.: URSS, 2005. – 289 с
4. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. - № 5. – С. 105-113.
5. Герасименко И.А. Колоративное наполнение смысловой парадигмы “тьма” - “свет” / И.А. Герасименко // Нова філологія / гол. ред. Манакін В.М.. – Вип.. 25. – Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – С. 53-60.
6. Деменчук О.В. Колоративна композиція в англійській мові: когнітивно-ономасіологічний аспект: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04. “Германські мови” / О.В. Деменчук – К., 2003. – 20 с.
7. Жаркынбекова Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ш. К. Жаркынбекова // Вестник МУ. Сер. 9. Филология. – 2003. - № 1. – С. 109 – 116.
8. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с
9. Козак Т.Б. Лексико-семантична група слів, яка позначає колір у німецькій мові (діахронічне дослідження): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04. “Германські мови” / Т.Б. Козак. – Одеса, 2002. – 19 с.
10. Колесникова Л.Л. Символ-колоратив чорний – образний компонент віршованого тексту / Л.Л. Колесникова // Лінгвістика. - № 1(2). – Лу-

ганськ: Альма-матер, 2004. – С.8-85.

11. Кузнецова Э.В. Части речи и лексико-семантические группы слов / Э.В. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1975. - №5. – С.78-86.

12. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений / М.Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 93 – 109.

13. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во МУ, 1973. – 267 с.

14. Пастушенко Т.В. Яскравість та насиченість кольору як компоненти семантичної структури колірних номінацій / Т.В. Пастушенко // Studia Metodologica. – Вип. 4.- Тернопіль, 1998. – С.100-105.

15. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 191 с.

16. Сайт компании Dodge [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.dodge.infocar.com.ua/catalog_dodge.html

17. Сайт компании Opel [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.opelukraine.com/dir.html>

18. Ус Ю.Н. Семантические типы цветообозначений современных русского и немецкого языков (на материале текстов рекламы) / Ю. Н. Ус // Матеріали міжвузівської наукової конференції молодих учених “Актуальні дослідження іноземних мов і літератур” 13-14 лютого 2003 р. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – С. 298-300.

19. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба / АН СССР. Ленинград. отд. Лит. и яз. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

21. Avon: [каталог]. - 2005. - №11 (19.09.05 – 16.10.05). – 148 с.

22. Berlin B., Kay P. Basic color terms. Their Universality and Evolution / Berlin B., Kay P. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 171 p.

23. Faberlic: [каталог]. - 2007, декабрь. – 131 с.

24. Infinum: [каталог]. – 2008, август-сентябрь. – 94 с.

25. Oriflame: [каталог]. – 2008 (10. 03. – 29. 03). – № 2. - 104 с.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена вивченню структури семантичного поля рекламних кольоропозначень. Проаналізовано основні структурні компоненти вивчаємого феномена, розглянуті їхні парадигматичні відносини.

Ключові слова: Семантичне поле, кольоропозначення, лексико-семантична група, лексема, значення, сема.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению структуры семантического поля рекламных цветообозначений. Проанализированы основные структурные компоненты изучаемого феномена, рассмотрены их парадигматические отношения.

Ключевые слова: семантическое поле, цветообозначение, лексико-семантическая группа, лексема, значение сема.

SUMMARY

Structure of semantic field of advertising color terms is analyzed in the article. Investigated main components of this phenomenon have wide range of correlation.

Key words: semantic field, color term, lexical-semantic group, lexeme, meaning, sem.

УДК 811.161.1'282

Л. В. Калинина

СОМАТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРАВСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вследствие развития когнитивного направления в лингвистике задачи современных ономастологических исследований расширяются: при помощи анализа номинативных моделей

предоставляется возможность изучить процесс обращения тех или иных фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка. Мотивационные связи носят не

индивидуальный, а системный характер. Т.И. Вендина отмечает: “сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово дает возможность узнать, *о чем* и *как* думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира. А поскольку эта концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых реалий и их актуализируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным. Он носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа” [Вендина 1998, 203]. Таким образом, на базе исследования номинативных процессов возможен анализ ментальности данного этноса и значимых для него культурных факторов.

Изучение мотивированности в диалектной лексике имеет определенные особенности. Диалектологи обращают внимание на то, что в говорах гораздо больше мотивированных слов, чем в литературном языке [Блинова 1987, 234]. Можно предположить, что подобная тенденция связана с устной формой бытования диалектного языка, которая обуславливает сохранение информации исключительно в человеческой памяти. Мотивированные лексемы, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребимости, характер предметной соотносительности и пр.) легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации [Моисеев 1963, 14], поэтому диалектоносители предпочитают их немотивированным.

По-видимому, играет роль также особая выразительность, информативная насыщенность мотивированных лексем. “В самом деле, сказать о каком-то предмете мысли *неровный* (...), *пасмурный*, *лопатка*, *кисть* (...) – это в известном смысле и в определенной речевой ситуации ничего не сказать о нем или определить весьма приблизительно, тогда как слова *дыроватый* или *колдобашный*, *морочный*, *копалка*, *белилка* (...) содержат в себе значительно более конкретную информацию об описываемом предмете мысли, к тому же данный предмет заранее подразумевается, обуславливаясь ограниченной сочетаемостью мотивированных слов” [Раков 1988, 51].

Давно замечено, что объективный мир делится человеком с точки зрения категории ценности. “Сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а *выделяет* в ней *значимые* для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности” [Петренко 1988, 12]. Такая аксиологическая ориентированность характерна для русского словообразования.

Выявление, систематизация и изучение определенных номинативных моделей, формирующих соответствующие лексико-

семантические поля в лексике моральной оценки русских говоров, дает возможность погрузиться в мир ценностей русского народа, приблизиться к осмыслению диалектной картины мира.

Одной из продуктивных мотивационных моделей семантического поля моральной оценки является базовая модель *внешние и внутренние признаки человека > нравственные качества человека*, в рамках которой могут актуализироваться как социальные, так и биологические признаки человека.

Целью данной статьи является исследование реализации модели *часть тела человека > нравственные качества человека* в русском диалектном языке. Отметим, что данная модель предполагает метафорическую словообразовательную мотивацию производных номинаций. При изучении процесса формирования подобных образований нам представляется продуктивным использовать предложенную В.Г. Гаком формулу метафорического переноса: И – П – Р, где И – исходное слово, Р – результирующее слово, а П – промежуточное понятие, общее для И и Р [Гак 1988, 14]. При этом метафоризация может быть многоступенчатой, то есть между И и Р может быть два, три и больше П.

Неоднократно отмечалось, что телесный код оказывается универсальным для разных культур в силу единства анатомии и физиологии всех человеческих существ. При этом соматический код занимает важное место в восприятии окружающего мира, поскольку фактически человек осваивает и конструирует мир с учетом особенностей собственного тела (ср.: меры измерения: *пядь*, *локоть*, *шаг*) [Гудков, Ковшова 2007, 78-80]. Однако понятие телесности не сводимо к представлению о теле как организме, это еще и своеобразный мир символов. “Только собственное тело субъекта становится прототипом всех существующих форм (...). Телесный опыт является необходимой составляющей человеческого существования, условием его полноты и цельности” [Никитина 2005, 54].

В русском диалектном языке элементам анатомической терминологии свойственно развивать этические значения и участвовать в выражении нравственных оценок.

Исследователи предлагают разделить атлас тела человека на три составляющие: верхнюю, срединную и нижнюю. В изучаемой нами группе диалектных лексем названные составляющие актуализируются не в равной мере. Так, нижняя часть тела не находит отражения в диалектных номинациях со значением моральной оценки, хотя и формирует группу абсцентной лексики, которая не представлена в диалектных лексикографических источниках. В верхней и срединной частях тела метафорически актуализируются голова и части лица, туловище, руки.

Первая группа метафор наиболее продуктивна. Это можно объяснить тем, что образ головы, а также некоторых элементов лица (носа, лба),

метонимически в сознании носителей языка могут замещать человека вообще.

Наряду с этим голова воспринимается и как главный орган мысли и памяти, заключающий в себе ум и сознание – необходимые составляющие человеческой личности. Невыполнение головой ее прототипических функций, или вовсе лишение этой части тела означают утрату человеком возможности рассуждать и оценивать свои поступки. На этой основе формируется оценочное значение: *безголовок* “смелый, отчаянный человек”; *безголовый* “смелый, отчаянный, бесстрашный” (*Куды поедешь в экую пургу, безголовый?*) [СРНГ, 2, 185].

Исследователи указывают на наличие в архаической славянской лексико-семантической системе модели “без глаз, безо лба” > “бесстыжий, наглый”, отраженной в таких образованиях как праслав. **bezocitъ* **bezokъ(jь)*, ц.-слав. *безочивый* “безглазый, бесстыдный” и др. [Якушкина 2003, 97]. В диалектной речи подобная модель реализуется в номинации *безлицье* “нравственное ничтожество человека, бесхарактерность” [Даль 1980, т. I, 65], что также подтверждает общую тенденцию регулярного для русской лексики развития оценочных значений у лексем, образованных путем сложения префикса *без-* и анатомических терминов, обозначающих признак отсутствия у человека какого-либо органа (ср. *безрукий* в прямом и переносном значениях). Таким образом, модель метафоризации данных лексем: “отсутствие определенной части тела” > “невозможность ею воспользоваться” > “отсутствие нравственных качеств, которые связываются с данной частью тела”.

В русской языковой картине мира лицо и глаза, как наружная часть тела, отделяющая человека от внешней среды, выступают в качестве основных индикаторов ощущаемого им стыда [Арутюнова 1997, 63]. В диалектной лексике это отражено во фразеологизме *глаза лупятся* “становится стыдно”: *не хочу, чтобы из-за тебя у меня глаза лупились* [СРНГ, т. 6, 185]. Значение негативной оценки может актуализироваться не только в номинациях, называющих изменение нормального состояния органа зрения, но и во фразеологизмах, указывающих на “нечеловечность” глаз: *совиные глаза* – “о жадном человеке” [ДООВС 1858, 249] *волчьи глаза* “бесстыдник, бесстыдница” [СРНГ, т. 5, 80]. В данном случае наблюдается сочетание двух номинативных моделей: соматической и зооморфной, последняя усиливает оценочность фразеологизма. Данные обороты строятся по схеме: “глаза + изменение нормального вида, человеческого вида” > “ненормальность, нечеловечность вообще” > “наличие порока”.

В речи диалектоносителей наблюдается большое количество лексем, производных от *лоботряс*: *лоботр* “с бездельник, лентяй, лоботряс” Курск., Калуж.; *лоботрясина* “лентяй, бездельник” *Чего ты тутто блыкаешься, лоботрясина?* Твер., Пск., Влад., Калуж., Смол.; *лоботёс* “лентяй, бездельник, любящий смеяться, на-

смеяться” Астрах. *Лоботёсом Анисимка звали, потому что он над людьми подграиват, а сам никуда не годен.* Перм. [СРНГ, т. 17, 97-98]; *лоб* “лодырь” Перм., Краснояр. [СРНГ, т. 17, 93].

Подобные наименования, по-видимому, строились по такой модели: “трясти лбом” > “выполнять бессмысленные, бесполезные действия” > “бездельничать, лениться”. Вследствие действия закона языковой экономии со временем лексема *лоботряс* могла сократиться до *лоб*.

Употребление лексемы *мозг* в значении “назойливость, неотвязчивость, нахальство” Твер. [СРНГ, т. 18, 201] О.Н. Трубочев объясняет контаминацией гнезд *mozgъ* и *mezga*: “древняя и.-е. семантика слова, объединявшая обозначения как головного, так и костного мозга, провоцировала широту амплитуды в развитии вторичных значений: “ум, разум”, с одной стороны и “сердцевина, ядро”, с другой стороны. На базе этих значений возникли многочисленные производные употребления, в том числе и значения типа “назойливость, нахальство” [Этимологический словарь, т. 20, 97]. По-видимому, появление значения ?назойливость? связано с той же образной ситуацией, которая воплощена и в устойчивом выражении *докопаться до сердцевины*. Подобная семантика обнаруживается и у производных от *мозг* глаголов *мозжить* “говорить повторять одно и то же, надоедать повторением одного и того же” Новг.; *мозжить* “настойчиво, неотвязчиво просить что-либо, выпрашивать Калуж., Курск. *Такая настырная, мозжит и мозжит, что ни увидит, все вымозжит Влад., Тул.* [СРНГ, т. 18, 204-205]. В данном случае метафоричность формируется за счет совмещения в одном слове нескольких значений: “мозг = ум + сердцевина” > “докопаться до сердцевины” > “назойливость, наглость”.

Слово *мордофиля* “заснайшка, гордец, отвратительная рожа” [ДООВС 1858, 116] образовано путем сложения основ *-морд-* и *-фил-*, этимологию последней М. Фасмер определяет от собств. *Филия*, уменьш. от *Филипп*, *Филимон*, *Филлат* [Фасмер 1986, т. 4, 195]. Использование имен собственных в составе номинаций моральной оценки является продуктивной моделью для русского диалектного языка. Экспрессивная лексема *морда* является рефлексом др.-русск. глагола *мордати* “кривляться, гримасничать”. Лексема *мордофиля* может быть также мотивирована и родственным глаголом **myrditi*, ср. русск. диал. *мордить* (губы) “заснаваться, задирает нос”, *МБрдить* “брезговать” [Этимологический словарь, т. 20, 236]. Здесь также наблюдается сложение двух основ, каждая из которых актуализируется в метафорическом переосмыслении: “гримаса + имя собственное” > “неприятный человек, кривляка” > “заснайка”.

Лексема *нос* представлена в метафорах и во фразеологизмах со сквозным значением “заснаваться”: *нос* “о человеке, отличающемся своенравием, гонором, упрямством” Пск.; *с носом*

“упрямый, капризный, с норовом” **Арх.** (*Ванька-то тоже с носом есть: чуть что неладно, дак губа уж напаяна*) **Волог.**; *закопылить нос* “заважничать, задрать нос” (*закопылила нос, из себя воображает*) **Дон.**; *скривить нос* “заязниться, задрать нос” **Арх.** [СРНГ, 21, 285]; *поднять нос* “заязниться, задрать нос” **Волог.** В подобных образах находит отражение телесная метафора, то есть уподобление того или иного жеста поведению человека в целом. Замечено, что в обыденном сознании такие части тела, как спина, плечи, нос “связаны на основании представления признаков функциональной способности перемещаться в пространстве относительно некоего стандарта расположения по вертикальной и горизонтальной осям координат” [Ермоленкина 2007, 311]. То есть в норме для этих частей тела свойственно определенное положение. Смещение носа человека из горизонтальной линии в вертикальную лежит в основе появления оценочной метафоры, характеризующей нарушение поведенческой нормы.

Можно сделать вывод о том, что в русском наивном сознании символика носа сводится к символически определенным позам и жестам, связанных с данной частью тела.

Подобная мотивация определяет и употребление слова *губа* в значении “упрямый, своенравный человек” **Вят.** [СРНГ, т. 7, 191] – здесь также происходит перенос мимики человека (упрямиться – выпячивать губу) на его характеристику. В номинации *пригубина* “скрытный человек” **Новгор.** [ДООВС 1858, 211], возможно, мотивирующим признаком стал традиционный условный жест, выражающий просьбу о тишине: поднесенный к губам указательный палец, который впоследствии стал символизировать также просьбу о неразглашении тайны. Модель метафоризации для подобных лексем следующая: “мимические изменения определенной части лица, жесты” > “поведение, при котором такие изменения наблюдаются” > “люди, которые себя так ведут”.

Признак “ухо” является мотивирующим для лексем *колоушничать*, *колоушник* “сплетничать”, “сплетник” **Твер.** [ДООВС 1858, 85]. Являясь органом слуха, ухо метонимически связано со слухом как таковым, а поскольку “информация, полученная с помощью слуха, в русской языковой картине мира не считается достаточно надежной” [Гудков, Ковшова 2007, 271], уши связываются с представлениями о неправдоподобных рассказах, сплетнях (ср. семантику лексем *наушничать*, *наушник*). В этом случае переосмысливается функция данного органа: “ухо” > “говорить что-либо на ухо” > “говорить что-либо тайно” > “сплетничать”.

В лексемах с исходным значением “горло” актуализируются два свойства данной части тела: возможность производить звуки и принимать пищу.

В первом случае образ горла связывают с

пустословием, руганью. Так, к примеру, лексема *бадлАть*, производная от *бадлО* “горло, глотка, пасть” [Фасмер 1986, т. 1, 106] в говорах выступает в значении “говорить дурно, плохо о ком-либо или о чем-либо, хаять” **Урал.** [СРНГ, т. 2, 50].

Первоначальное значение слова *глот* – “горло, глотка”. Этой же лексемой называют “крикуна, горластого человека; того, кто “берет глоткой” (обычно о людях, много говорящих, кричащих на собраниях)” **Сиб.** *На сходке-то кричат два, три глота.* **Костром.** *Врешь – кричат глоты* (на собрании в деревне) [СРНГ, т. 6, 201]. Представление о горле как источнике звуков связывают с мнением об излишней громкости крика, смеха, пения и т.д., что, как правило, вызывает неодобрение говорящего (ср. во фразеологизмах: *драть горло*, *лужёное горло* и др.) [Гудков, Ковшова 2007, 175].

Ряд лексем с корнем *глот-* мотивированы признаком “принимать пищу”: *глот* “жадный человек” **Костром.**; “завистливый человек” **Арх.** *Экий ты глот. Все бы сглотил да заграбил.* **Арх.**; “человек, притесняющий людей и присваивающий чужое”. **Курск.**, **Моск.**; “кулак, мироед” **Арх.** *Глоты перетянули, и собрание было открыто; “воришка” Моск.; глоты “жадные старики, ведающие мирскими делами”. Ярослав.* [СРНГ, т. 6, 201]; *проглОт* “жадный человек, любитель брать чужое” **Сев.-Двин.** [СРНГ, т. 32, 108]. Горло как глотательный орган становится олицетворением утоления голода, обжорства, а вслед за этим – жадности. В самом феномене “жадность” закреплена пейоративная коннотация, что определяет негативную общественную реакцию и появление значений “завистливый человек”, “воришка” и др.

Метафоры, образованные от лексем с исходным значением “горло”, формируются по различным моделям: “горло” > “говорить” > “говорить громко” > “кричать, ссориться” > “говорить о ком-то плохо” и “горло” > “есть, глотать” > “жадно есть” > “жадный человек” > “завистливый, вор”.

В группу “туловище” входят лексем, реализующие два типа номинационных моделей: модели, основанные на внешних признаках номината, и модели, имеющие культурно-мировоззренческую мотивацию.

К первому типу можно отнести слова *пузАн* “лентяй” (*работать не хочет, пузан этакий*) **Арх.** [СРНГ, т. 33, 112]; *пенд`ха* (возможно, от *пентюх*, кот. по одной из версий сближают с укр. *бентюх*, *бентюг* “брюхо, внутренности” [Фасмер 1986, т. 3, 232]) “ленивая женщина, соня” (*вон эта пендеха век моталась, нигде не работала. Ну ее, пендеху: век спит*) **Урал.** [СРНГ, т. 25, 337]; *пендер* “лентяй” [ДООВС 1858, 174]; *пендьора* “лентяй” **Нижегор.**, *пендьорить* “лениваться” **Нижегор.** [ДООВС 1858, 154]. В этом случае происходит перенос значения по внешнему признаку: “толстый человек” > “малоподвижный” > “ленивый”.

Семантика руки человека в диалектной лексике моральной оценки связывается с воровством: *близорукий* “вор, человек нечистый на руку” [СРНГ, т. 3, 23]; *долгорукий* “вор” [ДООВС 1858, 42]; *шестой палец* “страсть к воровству” (*Лишнее-то, брат, убирай подальше: я слышал, что у твоего работника есть шестой палец*) **Волог., Костром.** [СРНГ, т. 25, 169]. Мотивированность подобных номинаций объясняется образным представлением одного из основных качеств вора – ловкости, изворотливости, заключенной в его главное орудие – руках. Рука, по мнению исследователей, имеет символическое значение инструментальности, к тому же в результате синекдохи – метонимического отождествления части и целого, рука может “замещать” самого человека [Гудков, Ковшова 2007, 126-127]. Объектом сравнения при образовании данных метафор выступают действия руки и вора: “рука” > “хватать, забирать” > “вор”

Во фразеологизме *шестой палец* также реализуется представление диалектоносителей об особой ловкости воров: дополнительный палец воспринимается как средство, увеличивающее мастерство мошенника.

Семантику лексемы *ногт"вый* “скупой” **Твер.** [СРНГ, т. 21, 267] можно объяснить связью значений слов *скупость* и *мелочность* и восприятием ногтя как чего-то небольшого по размеру, мелкого, не заслуживающего внимания (ср. в пословицах: *мужичок с ноготок, а борода с локоток; жилья с локоток, а житья с ноготок; скажешь на ноготок, а перескажут (вырастет) с локоток; нос с локоть, а ума с ноготь*) [Даль 1980, т. 2, 552]. В данном случае реализуется следующая модель метафорического переноса: “маленький, мелкий” > “мелочный” > “скупой”.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что метафорическая интерпретация частей человеческого тела представляет собой достаточно распространенный способ номинации нравственных качеств человека, при этом метафорический перенос осуществляется посредством нескольких базовых моделей:

1. Перенос функций определенных органов или частей тела на моральные качества человека (сюда же можно отнести и метафоры, связанные с мимикой и жестами): “функция” (глотать, слышать, произносить звуки, брать и др.) > “появление оценки данной функции” (глотать жадно, говорить громко, брать чужое) > “оценка человека в целом” (“жадный”, “лгун”, “вор” и т.д.).

2. Изменение внешнего вида той или иной части тела, характеризующее изменение нравственных качеств: “отклонение от нормы внешнего вида” (“толстый”) > “причины такого отклонения” (“малоподвижный”) > “отклонение от моральной нормы” (“ленивый”).

3. Метафорическая интерпретация утраты части тела, выполняющей определенные функции, как причины появления нравственных качеств, связанных с невозможностью выполнения этих

функций: “отсутствие части тела” (голова, рука) > “невозможность выполнять ее прототипические функции” (безголовый) > “отсутствие качеств, которые связаны с этой частью тела” (осторожности) > “оценка” (“смелый”).

В лингвистической литературе неоднократно указывалось, что человек осваивает и оценивает мир “от себя” (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов и др.). Соматические метафоры в семантической сфере нравственной оценки иллюстрируют антропоцентрическую тенденцию в восприятии и интерпретации человеком окружающего мира. Тот факт, что подобные модели номинации оказываются продуктивными в диалектном языке, свидетельствует об осмыслении макромира сквозь призму микромира (собственного тела). На основании проведенного анализа можно предположить, что в русском языковом сознании *душа* и *тело* человека, несмотря на их противопоставление, находятся в тесной связи и постоянно выявляют себя друг в друге.

В дальнейшем предполагается исследовать другие модели, формирующие семантическую группу нравственной оценки в русском диалектном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59-70
2. Блинова О.И. Сопоставительный анализ явления мотивации в литературном языке и диалекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм), – М., 1998.
4. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988. – С. 11-26.
5. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М., 2007.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, – М., 1980.
7. Дополнение к опыту областного великорусского словаря, – СПб., 1858. (ДООВС)
8. Ермоленкина Л.И. Пространственные метафорические модели этико-эстетической оценки // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. – Томск, 2007. – С. 296-325.
9. Моисеев А.И. Мотивированность слов (Мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке) // Исследования по грамматике русского языка IV. – Л., 1963.
10. Никитина Е.С. Игры с телом // Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А., Реут Д.В., Тхостов А.Ш. Психосемантика телесности / Под общ. ред. и с предисловиями И.В. Журавлева и Е.С. Никитиной. – М., 2005.
11. Опыт областного великорусского сло-

варя, – СПб., 1852.

12. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988.

13. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике). – Томск, 1988.

14. Словарь русских народных говоров, – Л., 1965–2006, т. 1-40 (СРНГ).

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986

16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1974-2003.

17. Якушкина Е.И. Анатомия стыда (этическая семантика соматизмов в славянских языках) // Славянский вестник, вып. 1 / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машковой. – М., 2003. – С. 96-105.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається реалізація моделі номінації *частини тіла людини > моральна оцінка* в російській діалектній мові. В рамках даної базової моделі автор виділяє основні способи номінації етичної оцінки з використанням соматичних метафор, що дозволяє зробити висновок про зв'язок внутрішнього світу людини (у тому числі її уявлень про мораль) з її тілесним світом.

Ключові слова: метафора, номінація, моральна оцінка, діалект

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается реализация номинационной модели *части тела человека > нравственная оценка* в русском диалектном языке. В рамках данной базовой модели автор выделяет основные способы номинации нравственной оценки с использованием соматических метафор, что позволяет сделать вывод о связи внутреннего мира человека (в том числе и представлений о нравственности) с его телесным миром.

Ключевые слова: метафора, номинация, нравственная оценка, диалект

SUMMARY

This article discusses the implementation of nomination Model *part of the human body - a moral assessment* in the Russian dialect language. Within this basic model, the author identifies the main ways the category of moral evaluation, using a somatic metaphor that suggests the relationship of inner world of people (including perceptions of morality) to his corporal world.

Key words: metaphor, nomination, moral evaluation, dialect language

УДК: 811.161.1'367.7

Я.С. Камышникова

ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВАТЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ А.БЛОКА

Стихотворный текст, как доказано, — это “сложно построенный смысл”, элементы которого находятся в сложных семантических отношениях и несут особую смысловую нагрузку. А поэтому каждый элемент в нем, будь то слово или грамматическое значение, становится значимым и незаменимым, приобретая “необычную ... смысловую выразительность” [Лотман 1994, 88, 163]. Ср. об этом ранее у В.В. Виноградова: “Смысловое значение слова в художественном произведении не ограничивается его прямым значением, а обрастает дополнительными, новыми смыслами в зависимости от способа “отражения и выражения действительности в слове” Виноградов 1954, 16). Все это в полной мере можно отнести и к словам-субстантивам, история возникновения которых и функционирование в языке довольно подробно описаны учеными-лингвистами (А. Потебня, А. Пешковский, А. Шахматов, В. Виноградов, В. Мигирин, С. Богданов, Ю. Смирнов и др.). Описания же стилистического использования субстантиватов носили характер попутных замечаний, и только в последнее время стали появляться работы, посвященные роли субстантивированных еди-

ниц в индивидуальных поэтических системах (Л. Филиппова, Н. Ерастова, И. Ковтунова, Е. Ковалевская, Д. Поцепня и др.). Между тем, проблема индивидуального стиля, языковой личности продолжает оставаться актуальной, и описание использования тем или иным автором субстантиватов, как одной из составляющих стиля, поможет дополнить характеристику его художественной картины мира.

Цель данной статьи — анализ мотивированных местоимениями субстантиватов, которые используются А. Блоком, с точки зрения их семантики и особенностей функционирования.

Вначале отметим, что местоимения рассматриваются нами с традиционной точки зрения — как самостоятельная часть речи, единицы которой могут переходить в единицы других классов, в данном случае — в существительные, занимая свойственную последним синтаксическую позицию и приобретая их категориальные признаки и способность определяться прилагательными. В естественной речи довольно часто встречается так называемая эллиптическая субстантивация [Смирнов, Богданов 2004, 52], когда определительное

местоимение употребляется в позиции существительного без определяемого (каждый знает, иной поймет, любой сможет, все придут и др.), нередко случаи и субстантивации личных местоимений (надоели эти ваши “мы”; почему все время “он” да “он”, скажи хоть раз “Миша”; ср. узуальное терминологическое использование “авторское Я” и т.д.). Но в силу избыточности языка субстантивированные элементы становятся практически незаметными в общей речевой ткани.

Зато в художественном тексте, а особенно в стихотворном, который “теряет свойственную обычной русской речи относительную свободу перестановки элементов на уровне синтаксического построения и конструкции высказывания” [Лотман 1994, 89], субстантивированные элементы зачастую выдвигаются на первый план и становятся одной из ярких характеристик индивидуальной манеры автора. Это в полной мере относится как раз к стилю А. Блока-поэта, что неоднократно отмечалось исследователями его поэтического языка, рассматривавшими некоторые аспекты использования адъективных субстантиватов (Н. Кожевникова, Л. Филиппова, Д. Поцепня, Е. Скоробогатова и др.). Прономинальные субстантиваты не становились объектом отдельного анализа. А между тем, они составляют довольно многочисленную группу и дают богатый материал для характеристики индивидуального-авторского словоупотребления.

Переходя к характеристике стихотворных контекстов А. Блока, предварительно отметим, что, исходя из вышесказанного, основным признаком субстантивации местоимений будем считать их использование в синтаксической функции, свойственной имени существительному. Другие признаки субстантивации будем отмечать для каждого случая отдельно.

Итак, как уже говорилось, субстантиваты, мотивированные местоимениями, достаточно частотны в стихотворениях А. Блока. Это, по видимому, обусловлено общей тенденцией символизма к абстрагированию, к отсутствию стремления изображать мир во всей его конкретности, поисками универсальных закономерностей [Кожевникова 1986, 8]. Предмет не называется, к нему лишь отсылают, иногда включая в группу, иногда указывая на отдельный признак.

Именно поэтому наиболее многочисленная группа прономинальных субстантиватов мотивирована определительными и неопределенными местоимениями.

В качестве мотивирующих для субстантиватов выступают определительные местоимения *всё (все), другой (другая, другие), иное (иные), каждый (каждая); сам (сама)*. Как мы отмечали выше, такая эллиптическая субстантивация узуальна в речи, но в поэзии Блока она подчинена задаче завуалировать или глобализовать объект речи: *Все исполняют прихоти его... (2-299); И в комнате моей белеет*

утро./ Оно на всем: на книгах и столах, /И на постели, и на мягком кресле (2-301). Иногда круг лиц или предметов, событий, обозначенных субстантиватами *все, всё*, конкретизируется определенным признаком, вводимым придаточной частью или причастным оборотом: *над всем, что хочется любить (1-444); чуют все, чем божий мир прекрасен... (1-450); о всех, забывших радость свою... (2-79)*. При этом вся конструкция воспринимается как единое смысловое целое – единый сложный субстантиват.

Местоимение *другой/другая*, субстантивируясь, в основном сохраняет свои словарные значения как условные обозначения всего комплекса свойств, присущих тому или иному лицу/предмету: 1) не такой, иной: *И каждый молча сохранял / Другому чуждого завета / От века розный идеал (1-41)*; 2) второй, следующий: *Звезда сорвалась, / За ней другая... (2-217)*; 3) некоторый, какой-нибудь: *Ты обретишь, белеющая тень, / Толпы других, утративших былое (1-52)*. Чаще всего субстантиват *другой/другая* используется в общепоэтическом значении – *другой* возлюбленный/возлюбленная: *Ты мне постыл! Иди же прочь / С другим я буду эту ночь! / Ищи свою жену! (2-284); Я другую за тонкую талию / Обнимаю и мчусь по блистательным залам... (2-326)*. Словом *Другой* обозначается у Блока и двойник, второе Я: *Но в туманный вечер нас двое./ Я вдвоем с Другим по ночам (2-40)*. В данном контексте наблюдаем и дополнительное — графическое — “подтверждение” субстантивации местоимения: *Другой* здесь, написанное с прописной буквы, как бы переходит в разряд онимов, выделяя индивидуальное среди множества подобных. Это явление вообще свойственно блоковской манере, становясь иногда единственным так называемым формантом субстантивации (это касается в основном личных местоимений). Особо интересны контексты, где поэт играет значениями мотивирующего местоимения, превращая субстантиваты в омонимы, выводящие на первый план разные свойства одного объекта: *И эта — прежняя, простая — / Уже другая, уж не та./ Темно, и весело, и душно,/ И, задыхаясь, не дыша, / Уже во всем другой послушна/ Доселе гордая душа (3-29)*.

Синонимичное рассмотренному выше местоимение *иные/иное* при субстантивации также сохраняет свои основные значения в качестве наименования лица или предмета (или их группы), но используется значительно реже и только в двух формах — множественного числа и среднего рода: *Но ведь я немного по-другому,/ Чем иные, знаю жизнь твою (другие, отличающиеся от этого) (3-51); Для иных ты – и Муза, и чудо (для некоторых) (3-7)*. Субстантиват *иное* (в форме среднего рода) во всех трех обнаруженных контекстах обозначает потусторонний мир, нечто неизвестное и загадочное, чему способствует и размытая семантика мотивирующего местоимения: *Глаза уж не глядят — клоками/ Кровавой кожи я покрыт./ Но за ослепшими гла-*

зами *На вас иное поглядит* (2-336); *Я, наконец, смертельно болен, / Дышу иным, иным томлюсь, / Закатом солнечным доволен. / И вечной ночи не боюсь...* (3-67); *Только ладан твой синий и росный / Просквозит мне порою иным...* (3-268).

Достаточно многочисленна группа субстантиватов, мотивированных местоимением *каждый* со значением дискретной всеохватности, и лишь однажды встретился его синоним — *любой*. Интересно, что преобладающая форма — мужского рода, употребляющаяся для обозначения лиц обоего пола: *Ведь каждый старался / свой собственный дом отравить* (3-125); *Каждый душу разбил пополам / И поставил двойные законы* (2-38), и только в одном случае наблюдаем субстантиват женского рода: *И каждая прекрасной ложью / Со мною связана была...* (2-337).

Местоимение *сам/сама* у Блока практически всегда, субстантивируясь, эвфемистически обозначает некое высшее начало (по словарю — б) хозяин (хозяйка), глава), причем в некоторых контекстах на частичную субстантивацию может указывать лишь графика — написание с прописной буквы: *Я боюсь неожиданно колющих ран... / Так может изранить — лишь Она... / лишь Сама...* (1-367); *я шел вперед; а позади — он Сам, / Все проникающий и близкий к цели* (1-176). Наиболее четко это значение просматривается в контексте, где субстантиват приобретает определитель, характерный для существительного: *Не сойдет ли от божницы / Лучезарная Сама?* (2-145).

Наиболее интересна в поэзии А. Блока группа субстантиватов, мотивированных неопределенными местоимениями *кто-то*, *кто-нибудь*, *что-то*. Неопределенность местоименной семантики этих слов преодолевается благодаря текстовому атрибуту, который может представляться как согласованным, так и несогласованным определением и называть элемент внешности лица, а также свойство, качество лица или предмета: *Были верны наши кони, / Кто-то белый помогал...* (2-247); *Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди, / Луч проник в невидимую дверь* (2-43); *Или кто-нибудь жалкий и слабый / Только женщину понял в тебе?* (2-236); *... С головой открытой — кто-то в красном платье / Поднимал на воздух малое дитя...* (2-163). Иногда сочетание неопределенного местоимения с определением (-ми), также составляющее единое смысловое целое, может служить перифразом-эвфемизмом: *В роце хохочет над круглым горбом / Кто-то косматый, кривой и рогатый* (1-306). Если такое (с постпозитивными определениями) употребление допускается языковой традицией [Виноградов 1986, 278], то препозиция определения — уже явный сигнал окказионального использования: *И глухо заперты ворота, / А на стене — а на стене / Недвижный кто-то, черный кто-то / Людей считает в тишине* (1-302). Более абстрактной, обобщенной семантикой обладают сложные субстантиваты, мотивированные место-

имением *что-то*: *И в призывном круженьи и пеньи / Я забытое что-то ловлю* (3-241), — но они не так частотны, как описанные выше.

Субстантивируются в некоторых контекстах и личные местоимения. Иногда это полная субстантивация, когда местоимение приобретает препозиционное определение или, застывая в форме именительного падежа, употребляется в роли дополнения: *Белая Ты, в глубинах несмутима, / В жизни — строга и гневна* (1-185); *Сегодня, разлучаясь с Вами, / Я не скажу Вам больше: “Ты”!* (1-372). Чаше у Блока наблюдается субстантивация, так сказать, условная, сигналом которой становится лишь прописная буква: *Этой смертью отшедших, сгоревших дотла, / Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?* (1-274); *А в лицо мне глядит, озаренный, / Только образ. Лишь сон о Ней* (1-232); *И вот — Она, и к Ней — моя Осанна — / Венец трудов — превыше всех наград* (1-239). Общая тональность контекстов наводит на мысль о том, что здесь наблюдается не просто указание на объект, а происходит эвфемистическая замена онимной номинации.

Подводя краткие итоги сказанному, отметим, что значительное количество прономинальных субстантиватов в стихотворениях А. Блока обуславливается общей символистской тенденцией к абстрактности. Поэт “прибегает к таким средствам, которые создают эффект недосказанности, таинственности” [Кожевникова 1986, 151] и вместе с тем всеохватности происходящего (использование субстантиватов всё, каждый). Наиболее интересной является у Блока группа сложных субстантиватов, мотивированных неопределенными местоимениями, сопровождаемыми различным типом определениями. Эти единицы совмещают в себе обобщенное и конкретное, с одной стороны, указывая на неопределенное лицо или предмет, с другой, — сужая возможный круг обозначаемых. Иногда такие субстантиваты используются в роли эвфемизмов. Особым средством перевода слов из одной категории в другую становится у А. Блока графическое выделение — написание местоимений с большой буквы, что также придает этим знакам эвфемистический характер. Все это способствует созданию особой глубины и возможности множественных толкований, о которых неоднократно упоминали исследователи поэзии Блока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: Учеб. Пособие. — СПб.: Филол. Фак-т СПбГУ, 2004. — 58с.
2. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // ВЯ, 1954. — № 5. — С. 3-26.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. Пособие для вузов/ Отв. ред. Золотова Г.А. — Изд. 3-е, испр. —

М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

4. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. — М.: Наука, 1986. — 253 с.

5. Ю.М.Лотман и тартуско-московская

семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994. — 560 с.

ИСТОЧНИКИ

Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. — М.-Л.: Гос. изд-во худ. л-ры, 1960. — Т.т. 1-3.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається система прономінальних субстантиватів у поезії О.Блока та особливості їхнього функціонування. Описуються основні типи займенників, які переходять в іменники, та ознаки, що засвідчують такий перехід. Аналізуються функції субстантиватів у віршах О.Блока.

Ключові слова: займенник, субстантивация, прономінальні субстантивати, поезія, віршовий текст.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению системы прономинальных субстантиватов в поэзии А.Блока и особенностей их функционирования. Описываются основные типы местоимений, переходящих в существительные, и признаки, свидетельствующие о таком переходе. Анализируются функции субстантиватов в стихотворениях А.Блока.

Ключевые слова: местоимение, субстантивация, прономинальные субстантиваты, поэзия, стихотворный текст.

SUMMARY

The article deals with the consideration of the system of pronominal substantivates and their functioning peculiarities in the poetry by A.Block. The main types of pronouns transmitting into nouns and facts proving such transmission are described. The functions of substantivates in the poems by A.Block/

Key words: pronoun, substantivation, pronominal substantivates, poetry, poetical text.

УДК 811.161.1-81'42

В.Л. Лаврухина

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА-СИМВОЛА ВОДЫ В ЛИРИКЕ

К.Д. БАЛЬМОНТА

Поэзия – это необычайное разнообразие индивидуальных языковых систем, обусловленных внутренним миром каждого поэта. “В языке художественного произведения находит своеобразное, эстетически обусловленное преломление литературный язык автора” [Структура...1985, 11]. Объективное содержание гармонично взаимодействует с индивидуальной интерпретацией. Приоритет индивидуальной семантики влечет за собой вербальное конструирование личного языка как самостоятельной семиотической системы. “Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты”, – писал В.В.Виноградов [цит. по: Болотнова 2007, 31].

В данной статье делается попытка лингвистического анализа образов-символов, воплощающих стихию воды в лирике К.Бальмонта, поэтическое наследие которого не раз являлось предметом исследования ученых-литературоведов (П.В.Куприяновский, Л.Озеров, В.Крейд, Н.А.Молчанова и др.), однако практически не изучалось с позиций лингвистики. Данная работа имеет своей целью раскрыть особенности индивидуальной модели мира писателя, реализованные в языковых средствах воплощения образа-символа воды.

В задачи исследования входит: выделение основных значений указанного образа-символа в художественной картине мира К.Бальмонта,

анализ языковых средств его создания.

К.Бальмонт – представитель одного из доминирующих литературных течений конца XIX –нач.XX веков – символизма, обусловившего ряд конкретных особенностей в способах художественного отражения мира. Традиционному познанию мира символисты противопоставляли идею конструирования мира в процессе творчества. Творчество в понимании символистов – подсознательно интуитивное созерцание тайных смыслов, доступных лишь художнику-творцу [Карласова 1996, 36]. Главное средство передачи созерцаемых тайных смыслов – символ – одна из центральных эстетических категорий данного течения. Поэты использовали старую символику и создавали новую.

Для символизма характерно использование в произведениях образов-символов, связанных с четырьмя первоэлементами мироздания. Стихии – вода, земля, воздух и огонь – являются ключевыми образами в творчестве К. Бальмонта, а следовательно, значимыми для создания художественной модели мира поэта. Стихия и ее проявления – это не только природа, но и отражение чувств, эмоций, это все, что окружает лирического героя.

Образы-символы стихий неразрывно связаны с мифологией. Энциклопедия “Мифы народов мира” дает следующую информацию о значимости стихии воды в мировосприятии: “Вода – одна из фундаментальных стихий мироздания. В самых

различных мифологиях Вода – первоначало, исходное состояние всего сущего...<...>. Вода – это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и рождения. <...> Брачный союз неба как мужского начала с землей или водой является широко распространенным у индоевропейцев мифологическим мотивом<...> Вода <...> выступала эквивалентом всех жизненных “соков” человека. <...> Соединение в мифологии мотивов рождения и плодородия с мотивами смерти находят отражение во встречающемся во многих мифологиях различении живой и мертвой воды. <...>С мотивом Воды как первоначала соотносится значение Воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте... <...> Водная бездна или олицетворяющее эту бездну чудище – олицетворение опасности или метафора смерти. <...> Вода животворящая – небесная, а нижняя, земная, соленая непригодная ни для питья, ни для орошения. <...> Наконец, являя собой начало всех вещей, Вода знаменует их финал, ибо с ней связан мотив потопа” [Мифы... 1982, с.240].

К. Бальмонт реализует в своем творчестве практически все указанные значения, дополняя их ряд своими, авторскими. Мифологема “вода” представлена в творчестве Бальмонта достаточно разнообразно: океан, море, река, озеро, ручей, волна, водопад, болото, родник, дождь, роса, капля, тучи/облака, снег/лед, зеркало. Частотность употребления этих образов достаточно высока. Они перерастают в символы, а следовательно, значимы для автора. Результаты анализа ряда стихотворений позволяют нам рассмотреть составляющие образа воды как оппозицию “ВОДА ЖИВАЯ” – “ВОДА МЕРТВАЯ”.

1. ВОДА ЖИВАЯ. В стихотворениях Бальмонта самой различной тематики довольно часто встречается описание природы, пейзажа. При этом стихия воды во всех ее проявлениях присутствует как неотъемлемая часть окружающей действительности. Это и “звенящий ручей”, и “безжизненные тучи”, и “немая синь озер, их вод густых”, и “прозрачная волна”, и “бессмертный водопад”, “бездонные моря”. Поэт говорит о том, что вода “всюду, всегда неизменно живая”, “всюду, всегда, / Различно-прекрасна вода”. Повтором обобщающих местоимений со значением места и времени **всюду** и **всегда** автор подчеркивает ее вездесущность. Адъективный композит **различно-прекрасна** не создает единого смысла, так как образован относительно самостоятельными лексемами. В его значении усматриваем характеристику воды (всегда разная) и отношение автора к стихии (восхищение).

Описывая воду в природе, Бальмонт прибегает к использованию колоративов, что помогает создать яркие зрительные образы: “И то изумрудная, то голубая, / То полная красных и желтых лучей, / Оранжевых, белых, зеленых и синих, / И тех, что рождается только в пустынях”. При этом поэт говорит об оттенках, “что видны лишь избранным взорам”, видя себя

частичкой природы, индивидом, во власти которого общение со стихией.

Противоположные смыслы наблюдаем и в следующих строках: “Кто заглянет в лоно вод, / Где в прозрачности зеркальной, / В вечно-близкой – вечно-дальней / Опрокинут небосвод”. Бальмонт делает двойниками стихию воды и небо, а это своеобразное воссоединение составляющих мироздания.

Однако, говоря о воде разной, порой противоречивой (“Но переменная вода / Быть хочет разною всегда”), поэт утверждает: “Как ясно, что Вода – одна” – и приводит пример “Ручей различно-схож с рекою”. Природа воды остается неизменной – роса ли это, снег, лед, вода морская, речная или болотная. Особая экспрессия достигается благодаря употреблению сложного оксюморонного эпитета **различно-схож**.

Вода как источник жизни – образ, продиктованный библейскими и мифологическими мотивами, – представляется поэту и как “живой родник”, несущий “влагу целебную жизни”, и как “разлитье реки”, от которого все та же “целебная влага жизни”, это и источник энергии – “Мы черпаем силу для наших созданий, / В живом роднике, не иссякшем донныне”, и возрождающая сила – “Как будто ожил даже миштый пень, / Склонясь к воде, бестрепетной и чистой”, “...Вода. / В ней вечность возрожденья”, “Мы крестились Водой, / Навсегда молодой”. Вода – живительная сила для растений. При этом Бальмонт и саму стихию при помощи метафор уподобляет растениям: “Ливни веселы в Небе созрели, / Стебли дождя от небес до Земли. / <...> / Травы, цветите, поют вам свирели, / Медом вам будет живая вода”.

Но не только вода уподобляется чему-то, но и с ней сопоставляются, метафоризируясь, различного рода сущности и реалии жизни. Например, человека Бальмонт уподобляет “капле”: “Мы только капли в вечных чашах”, “Все мы капли в вечном Море, / Нет различья в нас”. Существительное “капля” совмещает в себе несколько смыслов. Поэт говорит о человеке как об индивидуальности, и в то же время подчеркивает абсолютную идентичность его с другими. Прибегая к литоте, поэт как бы напоминает о ничтожности людей в масштабах мироздания.

Жизнь человека – это мысли, мечты и раздумья, которые по своей переменчивости также подобны воде: “Я предан переменчивым мечтаньям, / Подвижным, как текущая вода” (сравнение). Своими мечтами поэт делится с морем и волнами. Общение со стихией подвластно ему: “Когда я в сумерки у волн мечтаю долго, / И шестует прилив, за валом плещет вал, / Я снова в юности. Сильна в разливе Волга. / И Каспий шепчет...”. Уподобляя стихию человеку, поэт использует антропоморфные метафоры. Воспоминания у поэта – это родник “...и в душу мне проник / Дремотных помыслов мерцающий

родник. / Я вспомнил молодость”. В поэтическом контексте актуализируется более широкое значение эпитетов “дремотных” и “мерцающий”. Атрибутив “дремотных” подчеркивает, что воспоминания – это те мысли, которые спят в нашем сознании. Человек вспоминает главным образом яркие страницы своей жизни (“мерцающий”), ему всегда есть что вспомнить (родник – постоянно бьющий источник).

Мечта и мысль, постоянные спутники человека, тоже уподобляются воде: “Мне дорого, что не одна мечта, / А также мысль всегда владеет мною. / <...> / Одна бежит взывавшей волною, / Другая – как лесной подземный ключ, / Во тьме густой, с целительной водою”. Наблюдаем характерное для Бальмонта объединение оппозиций в одно целое. Так, мечта – это взывавшая волна – то, что появляется и быстро исчезает. Мысль – “подземный ключ” с “целительной водою” – это постоянно бьющий источник, к тому же целебный. Мечты могут быть пустыми и иллюзорными, мысль же – здравая и возвращающая к реальности.

Тема творчества и, как его условие, тема вдохновения занимают ведущее место в поэзии К. Бальмонта. Вдохновение поэт черпает в мире, непосредственно воспринимаемом им. Одним из основных элементов этого мира и источником вдохновения является вода, которая представлена в текстах разными словами-образами: ручья “Хорей и ямбы с их звуком коротким / Я слышал в журчаньи ручьев”, родника “Я в душе у себя отыскал / Гармонически бьющий родник”, росы “творить из мглы, расцветов и лучей, / Включить в оправу стройную сонета / Две капельки росы, три брызга света”. Однако основным источником творчества является море (волна). Море (волна) – это и молчаливый друг, и собеседник поэта: “... у волн мечтаю долго...”, “Я внимаю <...> легендам приморской волны...”, “Морями южными поил мои размеры”. Поэту под силу общение с природой, он понимает ее: “Мне людское незнакомо, <...> / Мне понятней звуки волн”. Метафорический образ объединяет два пространства – пространство моря и пространство поэтического творчества.

Море – не только источник вдохновения, но и некое наделенное даром слова божество, к которому обращается поэт, чтобы постичь смысл жизни: “Я спросил у могучего моря, / В чем великий завет бытия. / Мне ответило звучное море: / “Будь всегда полнозвучным, как я!”. Возможно, автор таким образом определяет смысл жизни, предназначение поэта – звучать вечно, быть бесстрашным и бессмертным.

Жизнь человека немислима без экспрессии чувств, эмоций. И вода для поэта – это воплощение, прежде всего, чувства любви. В 1904 году К. Бальмонт писал: “Вода – стихия ласки и влюбленности, глубина завлекающая, ее голос влажный поцелуй. <...> Вода нежнее Огня, оттого, что в ней женское начало, нежная влажная все-

воспринимаемость” [Бальмонт, 1994, с. 7]. “Вода стихия сладострастия, / <...> / Стихия страстная и страшная, / Твой голос – влажный поцелуй”.

В мифологии вода чаще всего тоже женское начало. Отражение мифологических мотивов находим и в лирике К. Бальмонта: “Опрокинулось Небо однажды, и блестящею кровью своей / Сочеталось, как в брачном союзе, с переменною Влажной морей”. Отмечаем эпитеты **блестящею кровью** (небо заката) и **переменная** (море всегда изменчиво), а также написание с заглавной буквы слов “небо” и “влажа” (происходит одушевление, одухотворение стихий, перевод их в ряд единичных сущностей).

Слово-образ “волна” занимает особое место среди метафор, обозначающих сферу эмоциональной жизни человека. Переменчивость моря (волн) дает возможность образно и полно описать и передать человеческие чувства: спокойствие и умиротворение (“еле плещет, еле дышит просветленная волна”), неудовлетворенность и досаду (“горька в морях души вода”), тревогу (“море времени и мысли бьется в бездне голубой”). Идея равноправия человека и природы может выражаться сменой их позиций. Такая перестановка, олицетворяющая стихию, происходит в укрупненном плане: позиции человека и природы меняются целиком. Прием перестановки универсален, поскольку в его основе лежит философская идея о неразрывной связи всех звеньев природы.

Волна – это и образ самоотверженной, безумной в своей любви женщины. Поэт персонифицирует волну, соотнося ее действия и поступки с возможными действиями и поступками возлюбленной. Сопоставляя поведение волны и поведение возлюбленной, Бальмонт использует метафору, осложненную эпитетами, которые делают женский образ более полным “Набегает, уходит и снова, **светясь** возвращается, / Улыбается, манит и плачет с **притворной** борьбой, / И украдкой следит, и **обманно** с тобою прощается...”.

Любовь для поэта – это чувство, которое преображает, вдохновляет, обновляет. Метафора в сочетании со сравнениями помогает раскрыть это чувство, которое усиливается со временем: “Я так тебя люблю. Но в этот час предлунный, / Когда предчувствием волнуется волна, / Моя любовь растет, как рокот многострунный, / Как многопевная морская глубина”.

Со стихией воды неразрывно связан присутствующий в творчестве К. Бальмонта мотив владычества Луны (Месяца) над земной жизнью, над человеческими чувствами и рассудком. Однако здесь вода выступает уже не как живительный источник, а как стихия, несущая сон и забвение, олицетворение потустороннего мира: “Там, над бледною водой, / Глянул месяц молодой, / Волны темные воззвал, / В море вспыхнул мертвый вал”. Жизнь превращается в иллюзорный сон. Звучит один из сквозных мотивов лирики Бальмонта

– жизнь есть отражение: “Жизнь – отражение лунного лика в воде, / <...> / Жизнь – трепетание моря под властью луны”. Как видим, образ Луны соединяет два полюса оппозиции, подтверждая философскую концепцию единства.

2. ВОДА МЕРТВАЯ. Вода – воплощение смерти, потустороннего мира, воплощение колдовских чар, среда обитания темных сил. Для раскрытия данного значения поэт прибегает к различным образам. Это море, океан, болото, омут. Атрибутивы, характеризующие эти образы, отличаются негативными оттенками в значении: “Над омутом жутко-немым”, “грязные, спящие воды”, у болота – “тусклое мерцанье”, “холодный полумрак”, “ядовитые цветы”, море “пустынное”, “мертвое”; океан “туманный”, “зловещий”. Темные силы оживают под покровительством Луны. Ведь она сама “сибилла и колдунья”. Это – водяной, у которого “Власть внушать пред жизнью страх, / Цепко сеять опьянение / В затуманенных мечтах”. В топях болот живет Болотняник – “Дух смешливый, болотняник, / А иначе водовик / Так тихонько, так без злобы / Заберет и засосет”. Среди обитателей водной стихии “Утопленники в темном океане”, русалки “с глубокого, тихого, темного дна”, “нимфы”, “... там – на дне, / В Атлантике, в загадке, в океане, / В те ночи, как колдует здесь луна, / <...> / Проходят приведенья, духи сна”.

Для раскрытия значения “вода мертвая” Бальмонт использует наиболее часто образы моря и океана: “Вода морская – горькая, и пить ее нельзя”. Довольно часто поэт описывает пребывание на дне морском после своей смерти: “Я в Море утонул. Теперь моя стихия – / Холодная вода, безмолвие и мгла. / Вокруг меня кишат чудовища морские, / Постелью служат мне подводная скала, / Подводные цветы цветут без аромата. / И к звездам нет пути, и к Солнцу нет возврата”. В стихотворении “Меж подводных стеблей” поэт передает упоение загробной жизнью. Отметим частотность употребления деривационного повтора – слов с префиксами **не-, без- (бес-)**, а также с созвучными им предлогом **без** и частицей **не** со значением “отрицание” и “отсутствие”, которые подчеркивают статичность и призрачность потустороннего мира: “не доходит волна”, “неподвижные стебли”, “бестревожно цветут”, “безглагольно глубокое дно”, “без шуришанья морская трава”. Ту же статичность передают односоставные предложения, в которых отсутствуют глаголы. Приведем первые и последние строки стихотворения: “Хорошо меж подводных стеблей. / Бледный свет . Тишина. Глубина. / <...> / Самоцветные камни. Песок. / Молчаливые призраки рыб. / Мир страстей и страданий далек. / Хорошо, что я в Море погиб”. Начало и конец – сильные позиции стихотворения. Поэт удовлетворен своим пребыванием в мире покоя и уединения. Он отождествляет понятия “море” и “смерть”, используя заглавные буквы для написания этих существительных (снова

наблюдаем перевод обычных номинаций в единичные, в онимы): “Я умираю у Моря ночью. / Песок затаянет, зальет волна / У Моря ночью, у Моря ночью / Меня полюбит лишь Смерть одна”.

Каждого человека, уходящего в мир иной, поэт представляет рекой: “В великое Безликое уйди как бы навек, / Хотя без нас там каждый час так много-много рек”. Звуковое сходство слов для Бальмонта – свидетельство их смысловой связи. Автор не видит в смерти вечного небытия, что передано использованием сравнительного союза “как бы”. Перевоплощение человеческой жизни в реку делает ее вечной. Река выбрана поэтом неспроста: ср. жизнь течет – река течет.

Воплощение воды мертвой усматриваем в образах снега и льда (льдин, глетчеров). Поэт видит в ледяном просторе – пустыню смерти: “... Где белою смертью одет океан, / Что люди зовут Ледовитым / Где стелются версты и версты воды / И вечно звенят и ломаются льды”. Для Бальмонта смерть не уход в небытие, а переход в другое состояние. Автор показывает мощь и всеохватность образа “версты и версты воды”. Обстоятельство образа действия “вечно” подчеркивает постоянство происходящего и некую статичность, которая свойственна льдам. Говоря о воде, Бальмонт прибегает к глаголу “стелются”, который выражает скорее не движение, а состояние.

В стихотворениях Бальмонта находим библейский мотив всемирного потопа: “Не потому ль, храня незримую обиду, / Природа вольная замыслила потоп”. Метафора дает возможность поэту иносказательно обвинить человечество в попытках поработить природу, а эпитет “вольная” подчеркивает невозможность полного подчинения человеком вселенной.

Жизнь и смерть неразделимы в мире Бальмонта. Возможность перехода из одного состояния в другое – воплощение философской идеи единства универсума. Потому, возможно, море у поэта – это и жизнь, и смерть. Поэт снова на дне морском. Однако вопреки тому, что “сладок сон”, “сердце шепчет мне: “Скорей! Ты будешь в жизнь влюблен”. Преодолеть “сон смерти” помогает поэту все та же вода, только в ином ее проявлении: “Поет прибой. Растет прилив: / “Проснись! Проснись! Бежим! / Ты знаешь, мир земной красив, / Мы овладеем им!”. Статика сна сменяется динамикой жизни. Отмечаем преобладание глагольных форм повелительного наклонения. Местоимение “мы” эксплицирует значение совместности. Смерть – это переход в иное состояние, и оно связано с жизнью земной. Такова философия символизма.

Кратко проанализировав фрагмент художественной картины мира К Бальмонта, представляющей стихию воды, можем констатировать, что вода репрезентирована здесь оппозицией ВОДА ЖИВАЯ – ВОДА МЕРТВАЯ и воплощена в многочисленных образах-символах.

Краткое описание основных образов символов, соотносящих человеческую жизнь и смерть со стихией воды, позволяют утверждать, что символ воды для К. Бальмонта – один из ведущих на протяжении всего его творчества. Он тесно взаимосвязан с другими, определяющими идиостиль поэта образами, которым будут посвящены наши дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений в двух томах / К.Д. Бальмонт. – Можайск: Терра, 1994. ;
Т. 1. – 1994 – 832 с.,

Т. 2. – 1994 – 704 с.

2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. / Н.С. Болотнова. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.

3. Карласова Е.В. и др. Серебряный век русской поэзии. / Е.В. Карласова. – М.: Новая шк., 1996. – 191с.

4. Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики / Отв. ред. А.Н. Кожин. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

5. Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. – Т.1 – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 672 с.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджуються мовні засоби реалізації образу-символу води у художній картині світу К. Бальмонта. Двоплановість зазначеного символу доводиться через розкриття поданих у ліриці поета численних значень даного символу, які у процесі аналізу розглядаються як опозиція: “вода жива – вода мертва”.

Ключові слова: художня картина світу, індивідуально-авторська картина світу, символізм, міф, символ, стихія, вода.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются языковые средства реализации образа-символа воды в художественной картине мира К. Бальмонта. Двоплановость данного символа доказывается раскрытием представленных в лирике поэта многочисленных значений символа, которые в процессе анализа рассматриваются как опозиция: “вода живая – вода мертвая”.

Ключевые слова: художественная картина мира, индивидуально-авторская картина мира, символизм, миф, символ, стихия, вода.

SUMMARY

In the article the linguistic means used by K. Balmont for representing of the image-symbol of water in his artistic picture of the world have been investigated. Double nature of this symbol has been proved by analyzing its numerous meanings. The meanings are given in opposition “water of life – water of death”.

Key words: artistic picture of the world, author’s individual picture of the world, symbolism, myth, symbol, element, water.

УДК 811.161.1’373.611

О. А. Лапшина

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОДОБИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из наиболее перспективных направлений современного языкознания является функциональное изучение единиц языка и его системы в целом. В основе функционального подхода лежит исследование языка со стороны означаемого, содержания, путь от функций к средствам их выражения, от значения к форме его реализации в языке. Этот подход нашел свое воплощение в таком направлении лингвистики, как функциональная грамматика, объектом исследования которой являются наиболее универсальные, ядерные для всех языков понятия, лежащие в основе мышления человека и в той или иной мере получившие отражение в языке. Стержневыми понятиями функциональной грамматики являются понятия семантической категории и функционально-семантического поля. Семантическая категория представляет собой инвариант значения, объединяющий языковые

средства воплощения мыслительного содержания. Вокруг основных семантических категорий группируются функционально-семантические поля: “Функционально-семантическое поле – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и “строевых” лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций” [Теория функциональной грамматики 1987, 11].

Основной задачей функциональной грамматики на современном этапе ее развития является установление списка семантических категорий и группирующихся вокруг них функционально-семантических полей, описание их плана содержания и плана выражения и определение иерархических отношений между

категориями разных уровней. Одной из наименее изученных семантических категорий является категория подобия. Лингвисты уже на протяжении нескольких десятилетий обращают пристальное внимание на данную категорию, однако ее изучение ведется, как правило, на одном уровне языка (словообразовательном [Аддиванкин 1974; Милославский 1977; Огольцева 2006; Петров 2007; Янко-Триницкая 1975]), фразеологическом [Огольцев 1978; Черемисина 1967] или синтаксическом [Санников 2008, 383–403; Черемисина 1976; Широкова 1960]. В данной статье категория подобия характеризуется как категория, которая может получать выражение на различных уровнях языка.

Цель данной статьи – определение содержательной стороны категории подобия. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: устанавливается связь между семантической категорией подобия и мыслительными категориями, разграничиваются понятия сравнения и подобия, категории компаративности, меры и подобия, устанавливаются отношения между ними.

Семантическая категория подобия базируется на мыслительной категории подобия, или сходства. “Словарь по логике” определяет категорию сходства следующим образом: “Сходство – это наличие хотя бы одного общего признака у изучаемых предметов” [Ивин, Никифоров 1998]. Следует отметить, что в литературе по логике и философии для обозначения такого мыслительного содержания обычно употребляется термин “сходство”, однако мы используем синонимичный ему термин “подобие” как устоявшийся в лингвистической литературе. В сфере семантической категории подобия включаются все средства передачи отношений сходства между предметами или явлениями.

Как уже отмечалось выше, термины “подобие” и “сравнение” не синонимичны. Подобие – это тип отношений между объектами, установленный путем логического приема сравнения. Н. И. Кондаков дает следующее определение сравнения: “Сравнение – это установление сходства и различия предметов и явлений действительности” [Кондаков 1954, 129]. Данные понятия взаимосвязаны, но не тождественны: сравнение выражает процесс, а подобие его результат.

Важно отметить, что результатом сравнения может быть не только выявление отношений подобия. Для доказательства этого положения обратимся к анализу структуры сравнения в логике. Так, В. М. Огольцев отмечает, что логическое сравнение проходит несколько этапов. На первом этапе устанавливается общий признак сравниваемых предметов, он установлен, но не расчленен, не дифференцирован. Такое сравнение В. М. Огольцев называет качественным. На следующем этапе предметы сопоставляются на

основе обнаруженного общего признака. Результатом этого этапа становится установление меры признака. Такое сравнение называется количественным. При этом “если результат качественного сравнения всегда однозначен, то результат количественного сравнения имеет три варианта. Так, для сравнения “*Брат так же (столь же) скромн, как и сестра*” возможны еще два варианта: “*Брат более скромн, нежели сестра*” и “*Брат менее скромн, нежели сестра*”” [Огольцев 1978, 20]. На первом этапе сравнения устанавливается наличие общего признака у предметов и собственно сам этот признак, степень его проявления либо не важна, либо еще не определена, и только на следующем этапе – устанавливается его мера. Соответственно, на разных этапах процедуры сравнения мы получаем принципиально разные результаты. При этом результаты количественного этапа также различаются: отношения равенства признака или его неравенства.

Кроме того, результатом сравнения также может быть установление тождества. “Тождество – категория, выражающая равенство, одинаковость предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов. О предметах А и В говорят, что они являются тождественными, одними и теми же, если и только если все свойства (и отношения), которые характеризуют А, характеризуют и В, и наоборот” [Философский словарь 1981]. Для установления тождества сравнение должно пройти все этапы, чтобы установить как общность признаков, так и их равенство (см. о проблеме соотношения тождества и подобия в статьях Н. Д. Арутюновой “Тождество или подобие?” [Арутюнова 1983] и “Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов)” [Арутюнова 1990]).

Все эти факты свидетельствуют о необходимости разграничения понятий “подобие” и “сравнение” в языковедческой литературе и четкого определения иерархических отношений семантических категорий подобия и компаративности (термины “сравнение” и “компаративность” мы рассматриваем как синонимичные), что не всегда делается лингвистами.

Так, в системе функционально-семантических полей, выделенной авторами “Теории функциональной грамматики”, мы не находим функционально-семантического поля подобия, однако исследователи рассматривают поле компаративности. Семантическая категория компаративности, по мнению исследователей, представляет собой “синтез категорий качества и количества” [Теория функциональной грамматики 1996, 6], но в большей степени относится к категории качества, при этом авторы отмечают, что “компаративность может быть истолкована как самостоятельное поле, которое занимает срединное положение между полями качества и количества” [Теория фун-

кциональной грамматики 1996, 7]. Исследователи дают следующее определение компаративности: “Компаративность – термин, которым обозначаются различные типы и случаи сравнения” [Теория функциональной грамматики 1996, 107]. В рамках категории компаративности ученые рассматривают 2 типа отношений – отношения равенства и неравенства: “Операция сравнения может иметь два принципиально разных результата – установление равенства и установление неравенства. Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени; при констатации неравенства возможно два случая: констатация превосходства и констатация “инфериорности”, то есть более низкой степени” [Теория функциональной грамматики 1996, 108]. К сфере отношений равенства авторы относят как использование местоимений *такой, столько (же)* и т. п. и соотносительных с ними слов *как, сколько* и др., лексических средств: *равный, тождественный, идентичный, одинаковый, аналог, параллель, синоним* и др., так и сравнительных конструкций типа *сладкий как мед, мчаться как стрела, пошел камнем на дно*, а также словообразовательных средств типа *свинцово-тяжелый*.

Мы видим, что в данной работе не разграничиваются отношения тождества, недифференцированного подобия и такой разновидности категории меры, как равенство признака. Включение этих категорий в поле компаративности не вызывает сомнений, однако, с нашей точки зрения, уместно дальнейшее их разграничение. При этом если выделение категории тождества в рамках поля компаративных отношений не представляет особой сложности, то разграничение недифференцированного подобия и установленного равенства признака представляется нам серьезной проблемой. Ведь, помимо специфических средств выражения этих двух типов отношений (предложения с предикатами *похож, подобен* служат для выражения качественного сравнения, конструкции с союзными средствами *такой же... как* – для выражения равного проявления признака), есть и средства, используемые для выражения обоих типов отношений, в частности союз *как*.

Для разграничения этих отношений важно учитывать формальную выраженность признака, на основании которого происходит сравнение. Сравним конструкции “*Мужчина похож на медведя*”, “*Мужчина как медведь*” и “*Мужчина сильный, как медведь*”. В первых двух примерах сравнение служит для определения признака субъекта, для говорящего важно охарактеризовать субъект, выделить признак, найти его, что и делается через сравнение с медведем. При этом не имеет значения степень проявления общего признака (или признаков, так как такое сравнение может подразумевать сходство одного или нескольких признаков). В третьем примере мужчина сравнивается с медведем по конкретному

общему признаку. Признак уже выделен, субъект охарактеризован, на данном этапе важно определить степень проявления выделенного признака. Мужчина сравнивается с медведем именно для того, чтобы показать, что он такой же сильный, как медведь, то есть не просто сильный, а очень сильный. Медведь в данной конструкции выступает как эталон максимальной силы. В основе сравнения лежит отождествление признака, утверждение его равенства, однако, по сути, это отождествление служит для интенсификации признака субъекта. На этом свойстве сравнения, выражающего равенство признака, основано использование средств передачи компаративных отношений для интенсификации (ср. *сладкий как мед* (очень сладкий), *быстрый как олень* (очень быстрый), *зверский голод* (сильный голод), *огненно-рыжие волосы* (очень рыжие), *изумрудно-зеленые глаза* (ярко-зеленые)).

Следовательно, для разграничения количественного и качественного (выражающего отношения равенства) сравнения важно наличие в его структуре выделенного признака. Главную сложность при этом составляет то, что признак в речи может быть выражен в более широком контексте, чем конкретное высказывание. Например, в ситуации, когда мужчина в одиночку перенес шкаф, будет понятно, что в произнесенном в его адрес высказывании “*Он как медведь*” сравнение происходит по признаку “сильный”. Во многих случаях разграничение таких отношений представляется затруднительным. Поэтому, несмотря на функциональные различия, мы считаем, что в рамках категории подобия следует рассматривать как результаты качественного сравнения, так и количественного, выражающего равенство признака.

Итак, мы считаем, что в поле компаративности в соответствии с логической структурой сравнения, на основе которой строится сравнение языковое, следует выделять более узкие категории подобия, тождества и меры признака. При этом отношения равенства признака находятся на пересечении категорий меры и подобия.

Такой подход поможет избежать определенной противоречивости в исследованиях функционально-семантического поля компаративности. Так, например, в диссертационной работе Н. П. Шаповаловой “Функционально-семантический статус сравнительных конструкций в современном украинском языке” в функционально-семантическое поле сравнения включаются только конструкции со значением подобия [Шаповалова 1998]. В работе Л. В. Прокопчук “Категория сравнения и ее выражение в структуре простого предложения” приоритет отдается рассмотрению сравнительных конструкций со значением подобия, однако некоторое внимание уделяется и конструкциям с семантикой меры [Прокопчук 2000]. В диссертации О. А. Щепки мы наблюдаем противоположный подход: в центре внимания находятся сравнительные конструкции с семантикой

меры, конструкции со значением подобия оказываются на периферии исследования [Щепка 2008]. Кроме того, параллельно с исследованиями категории компаративности ведется изучение категории меры [Мусиенко 1997].

Различие категорий подобия и меры проявляется на разных уровнях языка. Так, грамматическим ядром категории меры является морфологическая категория степеней сравнения прилагательных и наречий, а ядром категории подобия – сравнительные синтаксические конструкции. Наиболее четкое противопоставление категорий подобия и меры наблюдается в словообразовании. Принципиальное различие словообразовательных типов, служащих для выражения этих категорий, не предполагает возможности их смешения. Так, например, в большинстве случаев значение меры в производных прилагательных, как правило, является модификационным, а значение подобия – мутационным.

В целом отношения категорий подобия и меры признака очень сложны. С одной стороны, они тесно взаимосвязаны, с другой – лингвистическое описание требует их четкого разграничения. План содержания семантической категории подобия можно определить следующим образом: подобие – это такие отношения между предметами, явлениями и действиями, которые предполагают наличие у них одного или нескольких одинаковых признаков при несовпадении других признаков. При этом характер соотношения меры проявления совпадающих признаков, как правило, не определен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адливанкин С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 7–32.
3. Арутюнова Н. Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 3–22.
4. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. – М., 1998. – 384 с.
5. Кондаков Н. И. Логика. Пособие для учителей. – М., 1954. – 512 с.
6. Милославский И. Г. О словообразовательном значении “подобия” в русском языке // Русский язык в школе. – 1977. – № 6. – С. 90–92.
7. Мусиенко В. П. Функциональная категория меры в русском языке. – М., 1997. – 250 с.
8. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. – 160 с.
9. Огольцева Е. В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (Структурно-семантический аспект). – М., 2006. – 392 с.
10. Петров О. В. Складні слова зі значенням подібності у російській мові // Вісник Прикарпатського національного університету. Філологія. Вип. XV–XVIII. – Івано-Франківськ, 2007. – С. 242–244.
11. Прокопчук Л. В. Категорія порівняння та її вираження в структурі простого речення. Автореф. дис. ... філол. наук. – К., 2000. – 18 с.
12. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 626 с.
13. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 350 с.
14. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
15. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
16. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
17. Черемисина М. И. Сравнительные фразеологизмы русского языка // Русский язык за рубежом. – 1967. – №2. – С. 72–77
18. Шаповалова Н. П. Функціонально-семантичний статус порівняльних конструкцій у сучасній українській мові: Автореф. дис. канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 1998. – 16 с.
19. Широкова Н. А. Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 1960. – 154 с.
20. Щепка О. А. Функціонально-семантичне поле компаративності: Автореф. дис... канд. філол. наук. – Сімферополь, 2008. – 20 с.
21. Янко-Триницкая Н. А. Членимость слов типа *ножка, ручка* // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 175–185.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається семантика категорії подібності, її співвідношення з категоріями логіки, зіставляються поняття порівняння й подібності, встановлюються ієрархічні відношення між ними.

Ключові слова: категорія подібності, міра ознаки, функціональний підхід.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается семантика категории подобия и ее соотношение с категориями логик, сопоставляются понятия сравнения и подобия, устанавливаются иерархические отношения между ними.

Ключевые слова: категория подобия, мера признака, функциональный подход.

SUMMARY

In the article semantics of a category of similarity, its correlation with logic categories is considered, concepts of comparison and similarity are compared, the hierarchical relations between them is established.

Key words: the category of similarity, the measuring degree of specification, functional approach.

НЕОЛОГИЗМЫ В РОССИЙСКИХ СМИ

Проблема возникновения и употребления новых слов интересовала лингвистов всегда, но особую актуальность она приобрела в современную эпоху, отличительными чертами которой стали раскрепощенность носителей языка, ослабление “внутреннего цензора” [Попова 2005, 2] и, как следствие, обилие всевозможных новообразований. Динамизм и открытость – существенные признаки лексической системы любого языка – всегда интересовали лингвистов, но лавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в обществе, образно определяемую как “праздник вербальной свободы” [Попова 2005, 2], обусловили актуализацию проблем, связанных с анализом языковых инноваций. Исследовательский интерес к процессам, происходящим в русском языке на рубеже XX-XXI веков, вполне понятен – редко лингвисты могут наблюдать столь стремительный виток языковой эволюции [Дуличенко 1999; Земская 1997; Костомаров 1999; Караулов 1991; Крысин 1989; Скляревская 1998 и др.] Политические, социальные и экономические преобразования, произошедшие в России и ближнем зарубежье с момента начала перестройки, вызвали появление в языке большого количества новой лексики, отражающей новые условия жизни общества, изменения в общественном и индивидуальном сознании его членов. Процесс обновления в лексике происходит постоянно, но есть периоды, когда он особенно интенсивен. Последние десятилетия прошлого века стали таким “неологически активным” [Колесов 1998, 34] периодом в истории русского языка. Процесс обновления лексического фонда продолжается и сегодня. Неологический бум последних десятилетий находит яркое отражение в публицистике, в языке средств массовой информации и литературной критике, которые особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни и языке. Язык СМИ стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, пронизанных элементами жаргона и просторечия. Многие исследователи отмечают своеобразный “неологический взрыв” [Колесов 1998, 28] в современных средствах массовой информации.

Неология – сравнительно молодая, но активно развивающаяся наука, возникшая в к. 60-х гг. XX в. В 80-е и 90-е гг. в рамках новых, становящихся научных парадигм начали формироваться особые направления в изучении неологизмов: психолингвистическое, когнитивное, коммуникативное и др. Таким образом, неология образует особую активно развивающуюся область лингвистического знания. В общетеоретическом плане можно выделить два основных вопроса неологизации: внеязыковой – зачем создаются новые слова, каковы те сферы общественной жизни, которые “притягивают” неологизмы, и внутриязыковой – каковы те средства, с помощью которых образуются новые слова. Неологизация представляет собой комплексный феномен, отражающий этап развития языка на лексическом и фразеологическом уровнях, социокультурные преобразования, ценностные доминанты, социальные запросы. Изучение условий появления и функционирования неологизмов позволяет определить основные тенденции развития лексической системы языка в целом.

Материалом нашего исследования послужили современные интернет-версии таких массовых российских газет, как “Комсомольская правда”, “Правда”, “Аргументы и факты”, “Известия”, “Взгляд” и интернет-журнал “Космополитан”. В данной статье мы сделали попытку продемонстрировать, как язык газеты приобретает индивидуально-творческий характер и таким образом оказывает мощное воздействие на языковое сообщество и тем самым на современный общелитературный язык в целом, откликаясь на все новое, что позволяет использовать газету как материал для изучения живых процессов, происходящих в настоящее время в языке.

Наиболее важный и очевидный источник новой лексики – заимствования (преимущественно из американского варианта английского языка), массовый характер которых обусловлен экстралингвистической причиной – открытостью современного общества для международных контактов: *бренд, вип, дампинг, диджей, гастарбайтер, инсталляция, интерфейс, консалтинг, кэш, лизинг, мейнстрим, мониторинг, он-лайн, оффшор, пиксель, пин-код, прет-а-порте, рейв, римейк, роуминг, сингл, спеллер, спичрайтер, стример, тайм-шер, таун-хауз, тендер, уик-энд, фумигатор, фьючерс, хай-тек, хилер, холдинг, хэдлайнер, чартер, шопинг, эксклюзивный*, и множество других, разной степени освоенности. Некоторые заимствования сохраняют написание латиницей, большинство же имеет кириллическое написание: *Сериалы показывают вечером, в так называемый прайм-тайм, потому что у них рейтинг*. АиФ от 11.02.09г.; *Новогодние «вирканикулы»: Барвиха, Аспен, Майями (заголовок) «Взгляд»* от 4.01.09г.; *Weekend с Cosmo* (рубрика) “Космополитан” от 25.11.08г.; *Зритель при просмотре гарантированно испытает сложную гамму чувств: любители трэша искренне повеселятся, особенно на невыносимо пафосной сцене молитвы д’Артаньяна – на весь экран крест, перисто-кучевые облака и слезы в голубых глазах Боярского. Русский православный китч, да и только*. “Взгляд” от 12.01.09г.

Следует отметить, что не все вышеперечис-

ленные неологизмы сохранили так называемую “степень новизны”, что, прежде всего, связано с большей частотностью их употребления в сфере массовой культуры, которая, бесспорно, лидирует по количеству слов-заимствований.

На обновление словарного состава влияет также продолжающаяся интенсивная демократизация языка, которая в сочетании с отменой цензуры привела к тому, что потоки сниженной жаргонной, а нередко и нецензурной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов. По словам Е.А.Земской, “наиболее сильным потоком, влившимся в русскую литературную речь в последние десятилетия, стал поток жаргонизмов”, как профессиональных, так и социальных. [Земская 1996, 47]

Как показывает анализ, большую группу жаргонизмов, используемых в текстах СМИ, составляют заимствования из молодежного жаргона: *бабки* (деньги), *динамо* (человек, который постоянно не выполняет свои обещания), *ехать* (вести себя подобно сумасшедшему), *забить* (договориться о чем-либо), *зависать* (оставаться где-либо какое-либо время), *зависнуть* – комп. (дать сбой), *конкретно* (хорошо, как полагается), *крышевать* (обеспечивать защиту от рэкета), *мутить* (организовывать, совершать что-либо), *нагреть* (обмануть кого-либо), *париться* (волноваться, переживать о чем-либо), *понт* – неодобр. (1. Обман, хитрость, уловка; видимость чего-либо; 2. Вызывающее, самоуверенное поведение; гонор, важный вид), *прикол* (шутка, розыгрыш, остроумное высказывание), *сейшн* (вечеринка, тусовка, сборище), *развод* (ложь, обман), *тупить* – шутил.-ирон. или неодобр. (не понимать чего-либо), *центровой* – одобр. (1. Авторитетный человек, руководитель, лидер; 2. Качественный, хороший, отличный; 3. Остромодный)

Приведем некоторые примеры: *Просто попробуй, а если это окажется чем-то новым и по-настоящему интересным, то бабки найдутся.* “Взгляд” от 31.12.08г.; *Типичный русский понт, бессмысленный и беспощадный.* “Взгляд” от 12.01.09г.; – *Алла Борисовна, вы обещали мне навалить, если концерт будет плохим! – обратилась в глубину зала Лолита.* АиФ от 3.11.08г.; *Они вовсе не поссорились, нет. Звезды так друг друга подкалывают.* АиФ от 3.11.08г.; *Поступлю, не затуплю* (заголовок) АиФ от 26.02.09г.; *Впрочем, цитируемая Ксения – одна из немногих, кто признает, что кризис затронул и экономику «понтюв».* “Известия” от 17.11.08г.; *“Развод” страховщика* (заголовок) “Известия” от 3.12.08г.; *Безусловно, меня парит этот вопрос, меня волнует, что слушают мои дети.* АиФ от 16.02.09г.

Приведенные примеры являются иллюстрацией явления, отраженного в исследованиях языка газеты последних десятилетий: жаргонизмы в

публицистических текстах не только “организуют” стилистически сниженные высказывания, но и становятся хроно- и персоноактуализаторами, то есть своеобразным языковым тестом на знание журналистом актуальных и “модных” лексем. Активность использования многих жаргонных лексических единиц массовой культуры в современном русском языке способствует в ряде случаев переходу таких словесных знаков в разряд разговорных и измВ процессе неологизации участвуют и обычные, привычные “старые” слова, подвергнувшиеся актуализации, т.е. претерпевшие семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения. Это, во-первых, расширение сочетаемости и изменение ее характера, образование новых значений слов, в том числе переносных, а также изменение значений слов в связи с идеологической переориентацией; во-вторых, возникновение серий устойчивых сочетаний; наконец, формирование словообразовательного гнезда с новыми единицами.

Семантические преобразования, хотя они не всегда очевидны, протекают сейчас чрезвычайно интенсивно и существенно влияют на состояние современного русского языка. Расширяется сочетаемость слов, что приводит к быстрому образованию новых значений.

В качестве примера можно привести прилагательное *живой*, употребляемое преимущественно в сфере массовой культуры, которое сформировало такие новые значения, как “производимый или транслируемый непосредственно, без предварительной записи” – *живая музыка, живое пение, живой концерт, живой эфир* (– *На этом альбоме можно услышать полностью переработанные и по-новому аранжированные треки, при записи которых использовались исключительно “живые” инструменты, – рассказывает лидер и солист группы Владимир Воленко.* КП от 3.12.08г.), или существительное *вливания*, используемое в экономической сфере и образовавшее устойчивые сочетания *вливания денежных средств, валютные вливания, постоянные денежные вливания в нерентабельные шахты* (**Вливание** все новых и новых средств в экономику не приведет к оздоровлению, а только лишь усилит диспропорции и сделает выход из кризиса более тяжелым. “Правда” от 12.12.08 г.). В информационной сфере деятельности достаточно давно появилось метафорическое значение на основе сходства существительного *мышь* – “небольшое вспомогательное устройство для ввода информации в компьютер, перемещением которого по поверхности (столу) контролируется положение курсора на мониторе”. (*Гаджет дня: Милая мышка со стразами Swarovski. Интересно, дают к ней меховой коврик? Ути-пути...* КП от 3.03.09г.). В данном примере мы наблюдаем и словообразовательный процесс – образование нового слова с уменьшительно-ласкательным значением, которое является омонимичным слову *мышка* (уменьшительно-ласкательное наименование животного). Немало устойчивых сочетаний (с

разной степенью терминологичности) образовало существительное *деньги*, что свидетельствует о его “повышенной” актуализации: *быстрые деньги* (о крупных суммах, получаемых при окупаемости исходных затрат в кратчайшие сроки), *горячие деньги* (средства, получаемые в результате спекулятивных финансовых операций, быстро переводимые из одной страны в другую в целях получения прибыли от изменения валютных курсов или разницы в налогах этих стран), *грязные деньги* (заработанные нечестным, незаконным путем), *деревянные деньги* – ирон. (обладающие низкой покупательной способностью), *дешевые деньги* (о вкладах физических или юридических лиц, принимаемых банками под низкий процент), *длинные деньги* (выдаваемые на длительный срок кредиты), *живые деньги* (наличные или реально существующие), *пластиковые деньги* (о кредитных карточках), *черные деньги* (доходы, скрытые от налогообложения; вообще, о доходах, полученных незаконным путем, с нарушением законодательства), *необеспеченность денег* (отсутствие товаров, услуг и т.п., которые можно купить), *отмыть/отмывать (грязные) деньги* (легализовать незаконно полученные доходы путем инвестирования их в промышленность, отчисления на благотворительные цели и т.п.)

Из наиболее актуальных причин иноязычных заимствований и возникновения новых слов и значений можно выделить следующие:

1) наименования новой реалии, нового предмета, нового понятия, появившегося в общественной жизни (*маркетинг, паблисити, бренд, ремикс, сайт, холдинг* и др.);

2) новые слова возникают в результате необходимости подчеркнуть частичное изменение социальной роли предмета в меняющемся социуме (*офис – контора, служебное помещение, сбербанк – прежде сберкасса, салон красоты – парикмахерская: Фонды и банки стали открывать офисы, учреждать дочерние фирмы...* АиФ от 26.02.09г.

3) новое слово является более удобным обозначением того, что прежде называлось при помощи словосочетания (*рейтинг – положение фирмы, политического деятеля, передачи в списке себе подобных; имидж – образ «себя», который создает тележурналист, политический деятель, фотомодель и др.): Это не у сериалов рейтинг, а у прайма. Что в прайм ни поставишь, у всего будет рейтинг. Куда ему деваться-то?* АиФ от 11.02.09г.

4) заимствование новых слов обусловлено влиянием иностранной культуры, диктуется просто-напросто модой на иностранные слова: *Shopping, Must have, Гид по шоппингу, Weekend с Cosmo* – рубрики журнала “Космополитан”

5) новые слова обозначают явления, которые и ранее присутствовали в жизни общества, но они не имели соответствующего обозначения, так как их существование замалчивалось. Это слова типа *мафия, коррупция, рэкет, теракт, сутенер, отказник* (тот, кто отказывается от

исполнения своих обязанностей, в частности, от службы в армии): *Никто не взял на себя ответственность за этот чудовищный теракт.* КП от 27.11.08г. *Как видим ситуация с искоренением коррупции в России не улучшается, а только усугубляется. Коррупцией поражены все органы власти, от ЖЭКов до министерств.* КП от 10.10.08г.

6) потребность ввести более краткое обозначение или более кратко выразить мысль (языковая экономия): *Небрежное отношение к газовым контрактам, в котором опять уличён Киев, наверняка поубавит пафоса в истории о вступлении Украины в ВТО.* АиФ от 13.02.09г.

7) стремление дать более экспрессивное, стилистически дифференцированное наименование, желание дать оценку, характеристику: *Водители маршруток давно превратились в героев столичных анекдотов. Еще недавно на маршрутках “рассекали” в основном выходцы с Кавказа, езда которых определялась горским менталитетом.* КП от 21.02.08г. *Там Алла Пугачева рулила традиционные “Рождественские встречи”.* АиФ от 8.01.06г.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в процессе трансформации лексической системы русского языка на рубеже XX-XXI веков одну из главных ролей играют средства массовой информации, которые в силу устойчивой популярности одновременно отражают и формируют живую речь.

Нами были отмечены достаточно частые и регулярные употребления заимствований, обусловленные прежде всего экстралингвистическими причинами, значительное количество актуализированных лексем, относящихся к общеупотребительной лексике языка, а также актуализацию стилистически ограниченной лексики – жаргонной в первую очередь, что свидетельствует о действии процесса демократизации, свойственного в целом развитию русского языка на рубеже XX-XXI веков. В целом, проведенное исследование свидетельствует о тенденции к интернационализации и о снижении уровня речевой культуры носителей языка. Все это в той или иной степени отражает общие тенденции развития русской лексики конца XX – начала XXI века, которая формируется в новых социополитических и культурных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия. – М., 1996
2. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. – М., 1999
3. Караулов Ю.Н. Состояние русского языка современности. – М., 1991
4. Колесов В.В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб., 1998.
5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб., 1999

6. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989

7. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга. – М., 2006

8. Попова Т.В. Русская неология и неография. – Екатеринбург, 2005.

9. Языковые изменения: толковый словарь современного русского языка конца 20 века / Под ред. Г.Н. Скляревской. – СПб., 1998.

10. Языковые изменения: толковый словарь современного русского языка начала 21 века / Под ред. Г.Н. Скляревской. – СПб., 2006.

АНОТАЦІЯ

В статті розглядаються процеси оновлення лексики, які мають місце в сучасній російській мові останніх десятиліть та відображаються у ЗМІ, зокрема, актуалізація жаргонної лексики, розширення пласту загальноживаної лексики, запозичення.

Ключові слова: Неологізми, засоби масової інформації, сучасна російська мова, запозичення, актуалізовані лексеми

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются процессы обновления лексики, происходящие в современном русском языке последних десятилетий и нашедшие отражение в СМИ, в частности, актуализация жаргонной лексики, расширение пласта общеупотребительной лексики, заимствования.

Ключевые слова: неологизмы, средства массовой информации, современный русский язык, заимствования, актуализированные лексеми

SUMMARY

The processes of lexics refreshing in the contemporary Russian language of last decades reflected in mass-media are examined in this article, in particular, jargon lexics actualisation, common lexics stratum widening, borrowings.

Key words: neologisms, mass-media, the contemporary Russian language, borrowings, the lexemes actualized

811.161.1”38.

И.А.Логвиненко

ПАРАЛЛЕЛИЗМ ОБРАЗОВ “ГОРОД” - “ЖЕНЩИНА” В СТИХОТВОРЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА “МАРБУРГ”

Исследователи творчества Пастернака, выделяя основные образы его поэзии, называют такие как Я, природа, женщина [Лотман 1996], триединство Бог, женщина, природа [Фатеева], Бог, женщина, природа, призвание, смерть [Пастернак 1989]. Как видим, образ женщины является в творчестве поэта одним из ключевых. Обращает на себя внимание тот факт, что практически неисследованной осталась у поэта тема города. Возможно, потому что данная тема более выпукло звучала у его современников Андрея Белого, Александра Блока, Владимира Маяковского.

Сам автор уделял большое внимание образу города. Во многих его стихотворениях город проходит фоном, в некоторых – становится одним из главных действующих лиц: “Венеция”, “Марбург”, “Петербург”, “Город” и т.д. О важности города для Пастернака говорит и замечание в романе “Доктор Живаго”, где мы читаем, что главный герой “составлял начерно очерки статей <...> и записывал отдельные куски напрашивающихся стихотворений, начала, концы и середки, попеременно, без разбора... Статьи и стихотворения были на одну тему. Их предметом был город.” [Пастернак 2006, 609-610]. Город Пастернака так же уникален, как и его поэзия. Он наполнен дви-

жением, “каждая малость” его представляется нам живой сущностью, действующей наряду с лирическим героем. В письме своей кузине О.М. Фрейденберг от 23 июля 1910 года Пастернак пишет: “Тогда, на извозчике, этот город казался бесконечным содержанием без фабулы, материей, переполненной самого фантастического содержания, темного, прерывающегося, лихорадочного, которое бросалось за сюжетом, за лирическим предметом, лирической темой для себя к нам” [Пастернак 1989, 13]. Одной из лирических тем, связанных с городом, у поэта стала тема женщины. И эта пара становится закономерной реализацией одной из первых выделенных А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым типичных пар партнеров в поэзии Пастернака – “человек и макромир” [Жолковский, Щеглов, 1996, 216].

Соотношение женского образа и образа города в прозе Б. Пастернака проанализировано Е. Степанян на примере романа “Доктор Живаго” [Степанян]. Ученый приходит к выводу, что в описаниях России, революции и Москвы у автора присутствуют черты “портретной женственности” вообще и Лары в частности: “И вот на страницах эпилога, когда произошло уже последнее прощание Лары с Юрием, когда и о ней сказано, что она ис-

чезла бесследно (возможно, в одном из женских лагерей), она словно заново возрождается в образе города, вдруг выдвинувшемся на первый план и вобравшем в себя ее женственность, ее завершившееся земное бытие”.

В общекультурном контексте образ города - женщины появляется еще в библейских текстах, где некоторые города, такие как Вавилон, Рим, Иерусалим, выступают как сущности женского рода – невеста, мать, дева, блудница и т.д. Данная традиция восходит к периоду матриархата, когда божество местности и земли являлось божеством женского рода. Позднее оно становится божеством города, поэтому во многих древних языках, в частности в еврейском и греческом, слово “город” женского рода (более подробно см. Франк-Каменецкий 2004). С.Ю. Неклюдов в статье “Тело Москвы: к вопросу об образе “женщины-города” в русской литературе” [Неклюдов 2005], исследуя историю проблемы, приводит примеры из устного народного творчества, где города уподобляются невестам, вдовам и матерям, на которых женятся, которых завоевывают и которыми овладевают.

Цель данной статьи - исследовать специфику соотношения образов “город” и “женщина” в стихотворении Б. Пастернака “Марбург”.¹

В “Охранной грамоте” Пастернак отмечает, что искусство в его понимании строится на двух понятиях – силы и символа. Сила – чувство, любовь – видоизменяет реальность, даёт “чувство настоящего”, открывает иной взгляд на действительность. Поэт пишет: “...в отличие от науки, берущей природу в разрезе светового столба, искусство интересуется жизнью при прохождении сквозь неё луча силового. Понять силы я взял бы в том же широчайшем смысле, в каком берёт его теоретическая физика, с той только разницей, что речь шла бы не о принципе силы, а о её голосе, её присутствии. Я пояснил бы, что в рамках самосознания сила называется чувством” [Пастернак 1985, 174]. Это высказывание Б. Пастернака объясняет, почему в анализируемом нами стихотворении поэта мы наблюдаем женщину не как конкретную личность или хотя бы конкретный образ, а как силу, чувство, энергию, нематериальную субстанцию женского рода, которая наполняет весь мир (в нашем случае город), преобразовывая его, оживляя его, являясь призмой, через которую автор смотрит на действительность.

Основа стихотворения “Марбург” Б. Пастернака – реальное событие – объяснение поэта с И. Высоцкой. Начало произведения представляет нам лирического героя и его чувства после получения отказа. Женский образ предстаёт перед нами косвенно, через ощущения лирического героя: “как жаль её слёз!”. Также упоминание о

женщине мы находим в двух срединных строфах стихотворения, и опять-таки женский образ не приобретает физической формы, а представлен нам только на уровне ощущений, переданных через сравнения: женщина - как драма Шекспира в руках провинциального трагика, лёд, туман, вихрь духоты: *В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,/ Как трагик в провинции драму Шекспирову,/ Носил я с собою и знал назубок,/ Шатался по городу и репетировал. / Когда я упал перед тобой, охватив/ Туман этот, лёд этот, эту поверхность/ (Как ты хороша!) – этот вихрь духоты.../ О чём ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.* (Подобный приём Б. Пастернак использует и в стихотворении “Ты здесь, мы в городе одном...”. Поэт при описании женщины прибегает к абстрактным существительным (*твоё присутствие, как зов; ты вся, как мысль*) и к конкретным существительным отвлечённого порядка (*как жалобная книга*). В заключительной строфе произведения женщина выступает как стимул к началу творчества: *Твоё присутствие, как зов / За полдень поскорей усесться / И, перечтя его с азов, / Вписать в него твоё соседство.* (ср. в “Марбурге” поэт также сравнивает женщину с книгой: *как трагик в провинции драму Шекспирову*). По наблюдению А. К. Жолковского, совмещение темы эроса (любви) и логоса (творчества) является одной из особенностей творчества Б. Пастернака, поэзию которого пронизывает “всемогущий мировой эрос, источаемый провидением и сообщающий вечный смысл краткому земному существованию” [Жолковский, 2002, 112]).

Образ женщины в стихотворении “Марбург” чётко не очерчен, но именно этот образ является стимулом, силой, изменяющей сознание лирического героя, заставляющей его видеть город в ожившем виде: *Плитняк раскалялся, и улицы лоб/ Был смугл, и на небо глядел исподлобья / Бульжник, и ветер, как лодочник, грёб/ По липам. И всё это были подобья.* Здания, явления природы, улица, мостовая оказываются одушевлёнными. Но, несмотря на кажущуюся активность действий частей городского пейзажа, данных в виде деталей, мазков, частностей, – они смотрят (*и полдень смотрел,/ Не смаргивая, на кровли*), приветствуют (*Я не замечал их приветствий*), плывут (*Плыла черепица*), обладают памятью (*И всё это помнит и тянется к ним*), действуют один через другого (*Предгрозьё играло бровями кустарника*) – они в своём действии не пересекаются с лирическим героем, не являются равными ему персонажами, а представляют собой фон, картину его видоизменённого мировоззрения, хотя действуют в унисон с его настроением. А вот душевные состояния у Пастернака в данном стихотворении получают полное олицетворение и действуют как самостоятельные очеловеченные образы, с которыми лирический герой вступает в контакт: мудрый инстинкт – “старик-подхалим”, который ведёт лирического героя через город; тоска, которая “*пассажижкой скользнёт по томам/ И с книж-*

¹ Существует и более поздняя редакция стихотворения “Марбург”, сделанная Б. Пастернаком в 1928 году, но в данной статье исследуется первая редакция данного произведения.

кою на оттоманке поместится”; бессонница, с которой лирический герой играет в шахматы и которая является его союзницей; страсть, которая “как свидетель сидит в углу”. Такое одушевление внешнего мира и облечение в предметные формы внутреннего мира у Пастернака отмечал и Ю.М. Лотман: “Деление на внешний и внутренний мир у Пастернака снято: внешний наделён одушевлённостью, внутренний – картинной пейзажностью и предметностью. Граница “я” и “не-я” демонстративно снята” [Лотман 1996, 713].

Принимая во внимание такую всеобщую одушевленность, встаёт вопрос о семантической роли грамматического рода в поэзии. Хотя категория рода в русском языке – облигаторная категория, но, не являясь ни чисто грамматической, ни чисто лексической, она даёт поэтам и писателям особую возможность использовать её как художественный приём. Об этом хорошо сказал А.А. Потебня: “О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нём сосредоточиться, т.е. по произведениям поэтическим” [Потебня 2003, 245].

Л. Дубшан, исследуя стихотворение Б. Пастернака “Памяти Демона” [Дубшан], выделяет там параллелизм женского и мужского образов – Демона и Земли. Анализируя их характеристики, он приходит к выводу, что у Пастернака мужское начало (Демон) – демонстративное, волевое, действенное, воинствующее, страстное; а женское начало (Земля) – тайное, объемлющее, впитывающее, впечатлительное и созерцательное. Это частично соответствует традиции русского языка, о которой говорят многие исследователи категории рода существительных (см. работы Зубовой Л.В., Хайрутдиновой Г.А.). По мнению Г.А. Хайрутдиновой, “у русских людей мужской род – большой (по величине), сильный, активный, могущественный, положительный. Женский род – небольшой, слабый, пассивный, женственный, негативный” [Хайрутдинова 2003, 152]. Однако если проанализировать творчество Б. Пастернака, можно увидеть, что женщина и всё женское для Пастернака не является слабым и маленьким. Наоборот, женское начало является всеобъемлющим, близким к природе, способным говорить с мирозданием на одном языке, непостижимым голым разумом. В ходе анализа стихотворения “Марбург” мы увидели, что большинство абстрактных сущностей у Пастернака – женского рода. В “Охранной грамоте” поэт, описывая свои впечатления о Венеции, упоминает гондолу, которая была: “...по-женски огромна (курсив мой – И.Л.), как огромно всё, что совершенно по форме и несоизмеримо с местом, занимаемым телом в пространстве” [Пастернак 1985, 186].

В связи с вышесказанным интересно следующее наблюдение. В стихотворении “Марбург” можно условно выделить “мужскую” и “женскую” части, параллелизм мужского начала и женского начала. К мужской относится пер-

вая часть стихотворения, в которой описывается город. Большинство существительных здесь – а соответственно и определяющие их прилагательные, причастные обороты, местоимения-прилагательные, а также глаголы – мужского рода. Эта часть характеризуется телесностью описания, городской пейзаж олицетворяется не только посредством наделения возможностью действия, но и прямо или косвенно приобретает черты человеческого тела, то есть автор использует приём развёрнутой антропоморфной метафоры: “улицы лоб был смугл”, “предгрозье играло бровями кустарника”, “полдень смотрел, не смаргивая” (предполагает наличие глаз), “желтел, облака пожирая, песок” (предполагает наличие рта). Для этой части характерен также динамизм образов, который достигается частотным употреблением глаголов с высокой интенсивностью действия: *подымалась, раскалялся, грёб, вырывался, разревелся, ослепляло, пожирая, спекалось*. Можно наблюдать здесь и обилие фонетических повторов, что придаёт большую внутреннюю связь строфам. Эта часть также отличается насыщенностью деталями, которые находятся в состоянии разного вида контакта друг с другом: *улицы лоб глядел на небо, ветер грёб по липам, полдень смотрел на кровли, солнце наблюдало за лирическим героем, песок пожирал облака*, и т.д. Бросается в глаза и сложность синтаксических конструкций (употребление сложноподчиненных предложений и обособленных обстоятельств). В этой же части стихотворения лирического героя сопровождает инстинкт в образе старика-подхалима, т.е. тоже сущность мужского рода. Вторая часть стихотворения – “женская”. Здесь преобладают существительные и их атрибуты женского рода. Именно в этой части соседками лирического героя становятся страсть, бессонница, тоска и ночь – полуабстрактные–полуконкретные у Пастернака сущности женского рода. Эта часть отличается меньшей активностью и интенсивностью действия, спокойствием, отсутствием фонетических сгущений, большей простотой синтаксиса (употребляются в основном простые предложения), что делает её более лёгкой и лиричной.

Таким образом, проанализировав способы выражения и соотношение образов женщины и города в творчестве Б. Пастернака на примере стихотворения “Марбург”, мы можем сказать, что у Пастернака соотношение “город-женщина” решается через ряд лексических и грамматических параллелей на разных уровнях языка: мужское начало – женское начало, телесное – бестелесное, активное действие – пассивное действие, конкретное – абстрактное, женский грамматический род – мужской грамматический род, простой синтаксис – сложный синтаксис, наличие аллитерации – отсутствие аллитерации.

Городу Пастернака присущи активность, динамизм, быстрота ритма – то есть характеристики, традиционно приписываемые мужскому началу. Также в описании заметно преобладают существительные и их атрибуты мужского рода. Го-

род предстаєт одушевлєнным, но одушевлєнным не в общем, а в своих деталях, конкретных частях городского пейзажа, которые наделяются телесностью (они приобретают шею, лоб, брови). И наоборот, в описании женского образа превалируют существительные и их атрибуты женского рода, большинство из которых – абстрактные существительные. Женский образ предстаєт перед нами не через физический образ, а через ощущения лирического героя, через сравнения с какими-либо конкретными (книга, драма, лёд, вихрь духоты) предметами или явлениями, через антропоморфизацию душевных состояний лирического героя (бессонница, страсть, тайна становятся действующими лицами стихотворения), женское начало представляется читателям разлитым в пространстве, одухотворяющим пространство и видоизменяющим его. По свидетельству самого Б. Пастернака, “Наставленное на действительность, смещаемое чувством, искусство есть запись этого смещения. Оно его списывает с натуры. Как же смещается натура? Подробности выигрывают в яркости, проигрывая в самостоятельности значения. Каждую можно заменить другою. Любая драгоценна. Любая на выбор годится в свидетельства состоянья, которым охвачена вся переместившаяся действительность” [Пастернак 1985, 174].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубшан Л. Близнец Демона // Звезда. – 2000. – №9. – С. 23-31.
2. Жолковский А. Грамматика любви (Шесть фрагментов) // Жолковский А.К. Инвенции - М.: Гендальф, 1995. – С. 105-121.
3. Жолковский А. Щеглов Ю. Работы по поэтике выразительности. – М: Прогресс, 1996. – 344 с.
4. Зубова Л.В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии. – <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html>.
5. Клинг О. Борис Пастернак и символизм // Вопросы литературы. – М, 2002. – №2. – С. 29-40.
6. Лотман М.Ю. Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурального изучения текста // Лотман М.Ю. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство, 1996. – С. 688-253.
7. Неклюдов С.Ю. Тело Москвы: к вопросу об образе “женщины-города” в русской литературе // Тело в русской культуре. – М: НЛЮ, 2005. – С. 361-385.
8. Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б. Избранное в двух томах. – М: Художественная литература, 1985. – Т.2. – С. 136-223.
9. Пастернак Б. Доктор Живаго: Роман. – СПб., 2006. – 520 с.
10. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. - М.: Цитадель, 1997 - 728 с.
11. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – СПб: Академия, 2003. – 384 с.
12. Степанян Е. Москва Б. Пастернака: топонимика и символика. – <http://www.ruiskusstvo/journal/1-2005/a81>.
13. Фатеева Н. А. О неявной грамматике поэтического текста (на материале поэзии Б. Пастернака) // Die Welt der Slaven XLV, 2000. - С. 45-59.
14. Франк-Каменецкий И.Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии. – М: Лабиринт, 2004. – С. 224-236.
15. Хайрутдинова Г.А. Экспрессивность грамматического рода субстантивов: анализ семантической структуры // Сопоставительная филология и полилингвизм. Сб. научн. трудов. – Казань, 2003. – С. 151-161.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена проблемам дослідження специфіки співвідношення паралельних образів “місто” - “жінка” у вірші Б. Пастернака “Марбург”. Просліджується механізм передачі змістовного паралелізму мовними засобами. Описуються лексичні, синтаксичні, морфологічні і фонетичні опозиції, використовані Б. Пастернаком для вираження співвідношення образів “місто” - “жінка”. Досліджується роль граматичного роду іменників в створенні даного співвідношення. Робиться висновок про зіставлення образів міста і жінки як чоловічого і жіночого початку.

Ключові слова: паралелізм образів, місто, жінка, лексичні паралелі, граматичні паралелі, семантика граматичного роду.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам исследования специфики соотношения паралельных образов “город” - “женщина” в стихотворении Б. Пастернака “Марбург”. Прослеживается механизм передачи содержательного параллелизма языковыми средствами. Описываются лексические, синтаксические, морфологические и фонетические оппозиции, используемые Б. Пастернаком для выражения соотношения образов “город” - “женщина”. Исследуется роль грамматического рода существительных в создании данного соотношения. Делается вывод о противопоставлении образов города и женщины как мужского и женского начал.

Ключевые слова: параллелизм образов, город, женщина, лексические параллели, грамматические параллели, семантика грамматического рода.

SUMMARY

The article deals with the specificity of correlation of parallel images of “city” and “woman” in the poem of B. Pasternak “Marburg”. The mechanism of transmission of parallelism of content by language means is observed. Lexical, syntactic, morphological and phonetic oppositions used by B. Pasternak to express the correlation of images of “city” and “woman” are described. The role of grammatical gender of nouns in creation of this correlation is analyzed. There has been made a conclusion about contrasting images of city and woman as masculine and feminine bases.

Key words: parallelism of images, city, woman, lexical parallels, grammatical parallels, semantics of grammatical gender.

УДК 81”374.3=161.1

Н.А. Ярошенко

НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г.Н. СКЛЯРЕВСКОЙ: ДИНАМИКА СОСТАВА

Развитие современной лингвистики, как известно, в первую очередь определяется действием такой тенденции, как антропоцентризм. Так, А.А. Кибрик говорит о проблеме *лингвистической интерпретации человека*, которая охватывает по крайней мере два круга вопросов: 1) антропоцентрический характер самого языка; 2) лингвоцентрический характер понимания человеком окружающего мира [Кибрик 1995, 93]. Следовательно, языковая личность становится точкой отсчета при изучении явлений языка.

В связи с этим в современной языковой картине мира особую значимость приобретают те средства, с помощью которых осуществляется обозначение того фрагмента действительности, который в терминосистемах разных направлений лингвистики может быть назван концептом (лексико-семантической группой, лексико-деривационной парадигмой и т. п.) ЧЕЛОВЕК.

В лексикологии и дериватологии последних лет в числе прочих проблем в разных аспектах и на разном языковом материале активно исследуется лексико-словообразовательная категория наименований лица (см., например [Бритікова 2007; Галактионова 2001; Грязнова 2004; Дорофеева 2003; Караева 2004; Розова 2004; Скляревская 2001 и др.]).

Н.С. Валгина, анализируя активные словообразовательные процессы конца XX века, которые выявили “наиболее продуктивные словообразовательные модели сегодняшнего дня”, среди других называет активное производство имен лиц [Валгина 2003, 138].

Что же касается фиксации изменений в лексической системе русского языка конца XX — начала XXI вв., то в первую очередь необходимо вспомнить толковые словари русского языка под редакцией Г.Н. Скляревской [Толковый 1998; Толковый 2006].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выявить динамику состава наименований лица в таких лексикографических источниках, как “Толковый словарь русского язы-

ка конца XX века. Языковые изменения” (далее — Словарь 1998) [Толковый... 1998] и “Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика” (далее — Словарь 2006) [Толковый... 2006].

Объектом исследования являются существительные и субстантивированные прилагательные, представляющие собой наименования лица, которые зафиксированы в названных словарях. В то время как **предмет исследования** составляют особенности динамики количественного и качественного состава номинаций лица в сопоставляемых толковых словарях под редакцией Г.Н. Скляревской.

Достижению поставленной цели способствует решение таких **задач**:

1) выявить и систематизировать наименования лица в “Толковом словаре русского языка конца XX века” и “Толковом словаре русского языка начала XXI века”;

2) установить, какие из зафиксированных номинаций лица являются общими для обоих анализируемых словарей;

3) определить, какие наименования лица представлены только в каком-то одном из рассматриваемых лексикографических источников;

4) установить основные причины невнесения в Словарь 2006 тех единиц, которые представлены в Словаре 1998, а также определить наиболее продуктивные типы и наиболее представленные группы новых слов анализируемого типа в Словаре 2006;

5) сопоставить количественный и качественный состав номинаций лица в Словаре 1998 и Словаре 2006.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки из названных лексикографических источников. Сводная **лексическая картотека**, объединяющая данные двух словарей, охватывает 1409 единиц.

Количественное распределение анализируемых словарных статей относительно сопоставляемых лексикографических источников представлено в таблице.

Таблица

Распределение словарных статей группы “номинации лица” в толковых словарях русского языка под редакцией Г.Н. Скляревской

Тип словарной статьи	Словарь 1998		Словарь 2006	
	кол-во	%	кол-во	%
Присутствует в обоих словарях	703	84,3	703	55
Присутствует только в одном из словарей	131	15,7	575	45
Всего номинаций лица в словаре	834	100	1278	100

Как видно из таблицы, количество словарных статей, заголовочные слова которых являются номинациями лица, зафиксированными обоими рассматриваемыми лексикографическими источниками, равняется 703 единицам. При этом в процентном соотношении в Словаре 2006, по сравнению со Словарем 1998, большим является удельный вес наименований, которые не были представлены в Словаре 1998.

Если рассмотреть по названному параметру сводную лексическую картотеку, включающую, как уже отмечалось, 1409 наименований лица, то получаем следующие данные: 1) совпадение словарных статей (703, или 49,9 %); 2) номинации лица, представленные только в Словаре 1998 (131, или 9,3 %); 3) наименования лица, отраженные только в Словаре 2006 (575, или 40,8 %).

Очевидно, следует отметить тот факт, что основу словника “Толкового словаря русского языка конца XX века”, как следует из “Введения”, составили источники языкового материала за период с 1985 г. по 1997 г. [Толковый 1998, 5], в то время как “Толковый словарь русского языка начала XXI века” составлен на основании источников 1997-2005 гг. [Толковый 2006, 5].

Наименования лица, зафиксированные только в Словаре 1998 и не включенные в Словарь 2006, в основном можно распределить по таким группам на основании причины их “выпадения” из словника Словаря 2006 (понятно, что общей причиной этого будет факт отсутствия данных слов в источниках 1997-2005 гг.):

1. Номинации лица, зафиксированные уже в Словаре 1998 с пометой *уходящее в пассив* (в подавляющем случае это единицы, отражающие понятия советской эпохи, в том числе перестройки): *антиперестроечник*, *ваучерист*, *ваучеродержатель*, *вожак* ‘в советское время: руководитель какой-н. общественной организации, движения, течения’, *кредитор* ‘в советское время: тот, кто не лоялен к советскому строю, кто умышленно наносит вред государству, народу’, *единоличник* ‘в советское время: тот, кто не вступил в колхоз и имеет собственное хозяйство’, *затейник* ‘в советское время: организатор массовых игр, развлечений (в клубе, домах отдыха, на массовых гуляниях и т. п.)’, *звеньевая*, *звеньевой*, *им-*

периалист, *коллективист*, *крайкомовец*, *летун* ‘человек, который часто меняет место работы’, *лишенец*, *лишенка*, *обкомовец*, *общественник*, *общественница*, *обществовед*, *оппортунист*, *особист*, *отщепенец* ‘в советское время: о том, кто противостоял официальной идеологии’, *плановик*, *политинформатор*, *правофланговый*, *правофланговая* ‘в советское время: тот, кто превосходит других своими успехами в работе, является образцом’, *райкомовец*, *юнармеец*, *юнкор*, *юннат*.

2. Номинации лица, которые не выдержали испытание временем (условно их можно отнести к так называемым словам-однодневкам) и были вытеснены в пассивный состав языка, поскольку называют явления, не актуальные для периода 1997-2005 гг.: *арендатор-единоличник*, *видеобизнесмен*, *видеоредактор*, *видеоинженер*, *видеоаркоман*, *военнопромышленник*, *возрожденец*, *вохровец*, *демосоциалист*, *демохристианин*, *дээсовец*, *лысенковец*, *народнофронтовец*, *национал-коммунист*, *отсидент*, *постперестройщик*, *прокоммунист*, *талонщик* ‘владелец талонов; покупатель, отоваривающий талоны продуктами и товарами’.

3. Наименования лица, которые не выдержали конкуренции в борьбе синонимов: *блатник*, совпадающее по значению с *блатной*, ‘тот, кто пользуется блатом (для поступления куда-л.; приобретения чего-л. и т. п.)’; *блатняк*, *блатняга*, совпадающие по семантике с тем же *блатной*, но в значении ‘представитель преступного мира’; *бомжовка* ‘женск. к *бомж*’ (ср. *бомжиха*); *законоотступник*, *гуманитар* (ср. *гуманитарий*), *инакодумящий* (ср. *инакомыслящий*), *инвеститор* (ср. *инвестор*), *индивидуальщик* (ср. *индивидуал*) ‘тот, кто занимается индивидуально-трудовой деятельностью’, *корруптант* (ср. *коррупционер*), *мануалист* (ср. *мануальщик*), *сексотерапевт* (ср. *сексопатолог*), *экологист* (ср. *эколог*), *яблоковец* (ср. *яблочник*) ‘член партии ЯБЛоко’.

4. Оказионализмы, не вышедшие за рамки породившего их контекста: *бывшевики* ‘о бывших членах КПСС’, *желтопрессник* ‘представитель желтой прессы’, *спидовец* ‘специалист, занимающийся изучением причин заболевания СПИДом и способов его лечения’.

Номинации лица, представленные только в Словаре 2006, в большинстве случаев представляют собой наименования, впервые зафиксированные в лексикографии. К ним относятся и новообразования, и разного рода заимствования, включая калькирование.

Следует отметить, что данные номинации языка отражают те две разнонаправленные тенденции, которые, по словам составителей Словаря 2006, в целом характеризуют состояние лексической системы русского языка начала XXI в.: с одной стороны, “онаучивание” языка (освоение общим языком терминологии, потоки заимствованных слов), а с другой, — встречное движение жаргонизации языка (см.: [Толковый 2006, 5]).

В единичных случаях появление новой

фиксации номинации лица в Словаре 2006, по сравнению со Словарем 1998, связано с отражением явления распада полисемии или же с появлением омонимичного наименования.

Так, например, к существительному *администратор*₁, которое и в Словаре 1998, и в Словаре 2006 зафиксировано с такими двумя значениями, как ‘совокупность информационно-вычислительных средств, управляющих порядком выполнения программ в компьютере, компьютерной сети’ и ‘специалист, осуществляющий контроль над использованием компьютерной базы данных, сети; правильностью ввода и своевременностью пополнения данных, методами доступа к ним’ [Толковый 1998, 41-42; Толковый 2006, 48], в Словаре 2006 добавилось омонимичное существительное *администратор*₂ ‘должностное лицо управления какой-л. организации, учреждения’ [Толковый 2006, 47-48].

Аналогично омонимы появились у таких наименований, как *безработный* [Толковый 2006, 117], *русскоговорящий* [Толковый 2006, 871].

Распад полисемии и одновременное появление новых омонимов, не относящихся к сфере номинаций лица, зафиксирован для существительного *левак* [Толковый 2006, 530-531], в результате распада омонимии возникли два омонима *молитвенник*₁ и *молитвенник*₂ [Толковый 2006, 605].

Появление многочисленных наименований лица, как представляется, в первую очередь обусловлено такой экстралингвальной причиной, как специализация в сфере профессиональной, политической, общественной и др. деятельности и необходимость как-то обозначить новые профессии, увлечения, политические и др. взгляды. Показательна в этом плане статья, опубликованная в еженедельнике “Телескоп” в апреле 2008 г. (№ 15), посвященная новым профессиям, спрос на которые, по мнению автора статьи, возрастет на рынке труда в ближайшее время: *блогер* ‘человек, ведущий сетевой дневник и имеющий возможность стать привлекательным для рекламодателей’, *шопер* ‘человек, увлекающийся шопингом, профессиональный закупщик гардероба’, *коучер* ‘психолог, подготавливающий клиента к восприятию жизненных трудностей’, *веб-садовник* ‘человек, ухаживающий за виртуальным пространством и убирающий ненужную информацию’, *фуд-стилист* ‘стилист еды, сервирующий столы в ресторане и под.’, *гав-адвокат* ‘юрист, специализирующийся на защите прав животных в судах’ (Телескоп, 2008, № 15).

Наименования лица данного типа, отраженные в Словаре 2006, охватывают такие сферы, как политика, экономика, информатика (в том числе Интернет), спорт, религия, массовая культура и др. (*автодизайнер, админ, аниматор, антивирусолог, арт-менеджер, веб-мастер, веб-серфер, вертеброневролог, виджей, вип-гость, геймер, геймоголик, геополитик, грантодатель,*

граффитчик, дайвер, евродепутат, интернетчик, лизингодатель, медиа-менеджер, модератор, натовец, номинант, политехнолог, правоцентрист, приколлист, промоутер, путинец, резидент, рекламщик, русификатор, саунд-продюсер, сноубордист, спамер, спичрайтер, стритлейслер и др).

Таким образом, как мы видим, динамика номинаций лица в толковых словарях русского языка под редакцией Г.Н. Складневской отражает те изменения, которые происходят в общественной жизни, и прежде всего связана с обновлением качественного состава номинативных единиц анализируемого типа и их внутренней дифференциацией.

Следующий этап нашего исследования будет заключаться в сопоставительном анализе тематических групп, словообразовательных типов и стилистических параметров номинаций лица в рассматриваемых лексикографических источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бритікова, К. В. Узуальне та оказіональне в інноваціях сучасної української мови (тенденції оновлення лексико-словотвірної категорії назв особи) [Текст] / К. В. Бритікова : Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — Харків, 2007. — 20 с.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н. С. Валгина : Уч. пособ. для студ. вузов. — М. : Логос, 2003. — 304 с.
3. Галактионова, И. В. Система русских существительных — названий лиц, занимающихся воспитанием и обучением [Текст] / И. В. Галактионова // Труды и материалы I Междунар. конгресса исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”, Москва, 13 — 16 марта 2001 г. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2001. — С. 164.
4. Греченко-Журавская, В. М. Новообразования социально-политической и идеологической сферы в “Толковом словаре русского языка конца XX в.” [Текст] / В. М. Греченко-Журавская, О. В.-Бровина // Материалы II Междунар. науч. конф. “Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках”, Днепропетровск 14-15 апреля 2005 г. — Днепропетровск : Пороги, 2005. — С. 101-103.
5. Грязнова, В. М. Мотивированные наименования лица в русском языке XIX-XX вв. в их истории [Текст] / В. М. Грязнова // Труды и материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”, Москва, 18 — 21 марта 2004 г. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та. — 2004. — С. 272.
6. Дорофеева, О. М. Оказіональне слово в сучасній російськомовній журнальній комунікації (Комунікативно-прагматичний та соціокогнітивні аспекти) [Текст] / О. М. Дорофеева : Автореф. дис. ... канд. філол. наук. — К., 2003. — 20 с.

7. Караева, О. М. Наименования лиц в структуре социально-политического словаря современности [Текст] / О. М. Караева // Труды и материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность", Москва, 18 — 21 марта 2004 г. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та. — 2004. — С. 186.

8. Кибрик, А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? [Текст] / А. Е. Кибрик // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 5. — С. 93-103.

9. Розова, К. Особливості творення нових відіменних іменників — назв особи в сучасній

українській мові [Текст] / К. Розова // Лінгвістичні студії. — Вип. 12. — Донецьк, 2004. — С. 252-259.

10. Скляревская, Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы перспективы [Текст] / Г. Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. — № 6. — Сеул, 2001. — С. 177-202.

11. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / под ред. Г. Н. Скляревской. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 944 с.

12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г. Н. Скляревской. — М. : Эксмо, 2006. — 1136 с.

АНОТАЦІЯ

Статтю присвячено вивченню динаміки лексико-семантичної групи номінацій особи в тлумачних словниках російської мови за редакцією Г.М. Скляревської. Зіставлено кількісний та якісний склад номінацій особи в зазначених лексикографічних джерелах.

Ключові слова: номінація особи, тлумачний словник, динаміка лексики.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению динамики лексико-семантической группы номинаций лица в толковых словарях русского языка под редакцией Г.Н. Скляревской. Сопоставлен количественный и качественный состав номинаций лица в названных лексикографических источниках.

Ключевые слова: номинация лица, толковый словарь, динамика лексики.

SUMMARY

The article deals with the analysis of lexical group "nominations of persons" dynamics in the thesauruses of Russian language under the editorship of G.N. Sklyarevskaya. The quantitative and qualitative composition of person's nominations in the mentioned dictionaries has been compared.

Key words: nomination of persons, thesauruses, lexical development.

УДК 81.112.2.

А.В. Заморева

КОНЦЕПТ "ОБЩАЯ ОЦЕНКА" В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Знания о мире, полученные человеком в процессе жизнедеятельности, существуют в его сознании в виде картины мира. В этой картине обнаруживаются категории, которые являются универсальными в плане их обязательной представленности и изменчивыми по своему содержанию. К подобным базовым категориям относятся ценности [Караулов 1987]. Отраженные в ценностной картине мира, они выделяются в качестве аспекта языковой картины мира [Вольф 1985; Телия 1986 и др.].

Итак, в своей статье мы анализируем способы и средства вербализации одного из базовых концептов русской языковой картины мира, а именно концепта "общая оценка" в русском языке. В своем исследовании мы различаем два вида образов (фреймов), характерных для общей оценки: статические и динамические. Статические

фреймы представляют собой некий набор знаний о каком-либо объекте действительности. Динамические фреймы, или сценарии, дают представление о стереотипных ситуациях. Они могут включать знания об участниках ситуации, их ролях, последовательности событий и т.п.

Осмыслению положительной и отрицательной оценок в русском языке способствует образ-схема в виде списка, ряда, десятка и т.п. В языке положительное трактуется как что-либо выдающееся, выступающее из ряда, представляя позитивную модель отклонения от нормы [Арутюнова 1987, 4-14]: *отличный, отлично, изрядный, изрядно, исключительный, выдающийся, превосходный, превосходно; из десятка не выкинуть* и др. Возможна также негативная интерпретация: *из ряда вон (выходить)* [Федоров 1997 I, 95]. Например: *Сегодня ночью*

вышел проверить часового, на посту нет – оказывается, спит. Это уж – из ряда вон!

Хорошее интерпретируется в языке как красивое в противовес безобразному, отвратительному и т.п. Образность соответствующих общеоценочных единиц имеет в основном наглядный характер. Не случайно русистами отмечается тесная связь общей и эстетической (во многом имеющей наглядную основу) оценок. Следует также вспомнить, что красота в русском языковом сознании является неотъемлемым свойством блага (см., например, работы русских философов Серебряного века). Так, лексемы *загляденье, картинка, красота, красотища, цвет* способны в определенном контексте развить общеоценочное значение, что отмечают толковые словари [например, Ожегов 1999]. Аналогично для фразеологизмов (ФЕ) *на загляденье, ни в сказке сказать, ни пером описать и рылом не вышел*.

Общая оценка генетически связана и со вкусовым восприятием. Противопоставление “хороший - плохой” рассматривается в плане оппозиции “сладкий - горький”, при этом лексемы *конфетка, мед, сладь* и ФЕ *антик с гвоздикой (с мармеладом), разлюли-малина* выражают положительную оценку, а *не мед, не сахар, сойдет с горчичкой, хрен редьки не слаще* – отрицательную.

В современном русском языке аналогом хорошего выступает ценность, высокая цена, а плохого – низкая цена. Так, лексемы *золотой, золотко, золотце, золото, клад, подарок, перл, сокровище*, имеющие основное значение ‘ценный в материальном отношении, дорогой’, используются при выражении общей положительной оценки. Их семантическое развитие отражает эволюцию потребностей и ценностей человека. С данной интерпретацией связан прототипический фрейм купли-продажи, где переосмыслению подвергаются бытовые ситуации заказа / приобретения товара / услуги. Вспомним стоимостную модель значений слова *ценность* [подробнее см.: Сергеева 2004, 52 и далее]. Ситуация продажи / покупки предполагает наличие продавца, покупателя и товара / услуги, а также включает в себя эмоции и чувства участников торговли, их взаимоотношения, саму коммуникацию, свойства и качество товара / услуги и т.д. Так, в ситуации заказа предполагаются некие требования к высокому качеству, оформлению и т.п. заказываемого (*как по заказу*). Со слотом “оплата” связана образность ФЕ *цены нет (нету), грош цена, гроша медного (ломаного) не стоит* (дешевизна товара наталкивает на мысль о его очень низком качестве, недостатках, а бесценность или дорогая цена объясняется обычно высоким качеством товара или услуги).

Отрицательно оцениваемый объект в русском языке образно приравнивается к сору. Так, основу образности ФЕ *выбросить на помойку,*

оторви да брось, хоть брось можно, на наш взгляд, увидеть в ситуации выбрасывания мусора.

В образной составляющей ряда единиц общая положительная оценка связывается с понятием о чуде, волшебстве: *волшебный, дивный, чудесный, чудный, чудо, чудо как хорош, сказка*. Плохое, отрицательное отражается в образах, имеющих явные отрицательные ассоциации, ср., например: *гад, гадина, клоака, а также дрянь, дрянцо, дело дрянь*. Общеотрицательная оценка связана в данном случае с сенсорной оценкой ‘мерзкий, отвратительный’. Кроме того, плохое связывается со страданием, горем, ср. внутреннюю форму следующих единиц: ..., *а слезы, беда в том, что..., что за беда!*

Осмысление хорошего / плохого возможно через оппозиции “годное – негодное”, “нужное – ненужное”. Само слово *дело* получает положительные коннотации, вспомним особенности русского менталитета [подробнее см.: Колесов 1991]: *ну и дела!; дела!; не дело*. Из ремесленного дискурса, в частности профессионального языка сапожников, в сферу общей оценки попали ФЕ *в подметки не годится (не станет) и не лыком шит*. Ср.: *как сапожник*. Данная профессия, судя по всему, имела отрицательные коннотации. В основе же образности ФЕ *высшей (чистой) пробы* лежит ситуация оценки качества драгоценного металла в ювелирном деле. С тем или иным ремеслом, возможно, связана семантика ФЕ *никуда не годится, куда (это) годится, что надо*. Здесь сохраняет свое значение утилитарный критерий оценки, так как во внутренней форме языковых единиц просматривается первоначальная ситуация оценки качества предмета.

Своеобразным символом всех возможных положительных качеств выступает в русском языке и культуре Бог. Данный антропоморфный образ актуализируется во внутренней форме лексем *божеский, по-божески, божественный, божественно, дивный, дивно, убожество* и ФЕ *как у Бога (Христа) за пазухой; ни Богу свечка, ни черту кочерга: Ты живешь здесь как у бога за пазухой. Еда своя, вино преотличнейшее*. Во внутренней форме ФЕ *как Бог на душу положит; не Бог весть (знает) как (какой, что); благодарение Богу; слава Богу; слава тебе, Господи; давай Бог; дай Бог (Боже) (каждому); не дай (не приведи) Бог (Боже); упаси (избави, сохрани) Бог (Боже)* отражается представление о Боге как управителе земными делами: *Земля там была не дай бог – камни, песок, который в засушливый год становился как скала*. Аналогично: *чертям тошно; черт-те что; черт знает как (какой, что); ни к черту*. Кроме того, общая положительная и отрицательная оценки связаны с христианским образом ангела, например: *(не) ангел*. Противопоставление хорошего плохому аналогично оппозиции рая и ада в основе образности лексем *райский, адский, ад, рай* и ФЕ *как в раю: Сегодня райский день....*

Осмыслению параметрических различий общей оценки в русском языке служит графическая схема – вертикальная или горизонтальная шкала. Первый тип шкалы актуализируется во внутренней форме лексемы *средний* и ФЕ типа *середина на половину*, второй – ФЕ *на уровне* и *на высоте* [Федоров 1997 I, 126, II, 330]: *Новый преподаватель оказался не на высоте*.

Осмыслению параметрических различий помогает образ-схема “десяток”, актуальный для лексемы *первый* и ФЕ *в первой десятке, из десятка не выкинуть, номер один, не из последних, первый парень на деревне*, с одной стороны, и лексемы *последний* и ФЕ *это уже последнее дело*, с другой: – *Была и я, в мое время, хоть куда: из десятка бы меня не выкинули*. Сюда мы относим и группу единиц, внутренняя форма которых связана с сортностью, классностью, разрядностью: *первоклассный, перворазрядный, первосортный, первостатейный, первоклассно, (за) первый сорт, вот это класс, высший класс, люксовый, люкс – второразрядный, второсортный, второклассный, второй сорт, третий сорт*. Например: – *Квартирка приготовлена, первый сорт!*. Общеоценочное значение данных лексем и ФЕ сформировалось на основе переосмысления терминологических наименований, принятых, например, в промышленном производстве. Как показывает анализ, в образном компоненте значения данных языковых единиц акцентируется мысль о престижности первых позиций (например, десяти первых мест) в каком-либо ряду, списке и непрестижности последних.

Высокая степень положительной оценки находит свое отражение во внутренней форме ФЕ *на большой палец*: *Все в хозяйстве было сделано с умом, на большой палец*. Основой образности здесь служит соответствующий жест, характерный для русской коммуникативной культуры. Ср. *закачаешься!* Обращение к подобным вещам подчеркивает субъективно-объективный характер оценки.

Субъективность общей оценки проявляет себя в образности единиц, внутренней формой которых является описание чувств: *с ума сойти!*, *обалденный, обалдеть* и т.п. Оценочное поведение человека составляет основу образности ФЕ *выбросить на помойку, оторви да брось, хоть брось, даром не возьму, пех ногой, поискать такой надо* и др. Представление об объекте, который можно либо выбросить, либо убрать подальше, актуализируют лексемы *бросовый, завалищий*. Ср. *не фасон*: отрицательная оценка товара (очевидно, одежды) объяснялась его несовременностью.

Основой, первоначальным шагом к формированию общей оценки является ситуация сравнения. Данный динамический образ наблюдается во внутренней форме лексем *бесподобный, бесподобно, несравненный, несравненно, несравнимый, ФЕ не идет в сравнение (ни в какое сравнение), ни с чем не сравнится, ни на что не похоже*. Ср. негативную интерпретацию: *На что это похоже?! Фрейм кон-*

курса, тоже связанный со сравнением, стал основой образности ФЕ *вне конкурса (конкуренции)*.

Ситуация оценки соответствия параметров объекта чему-либо легла в основу образности ФЕ *ни в какие ворота не лезет*. Аналогично: *более или менее; дай да мало; на все сто процентов; ни два, ни полтора*. Образность лексемы *плевый* связана с переосмыслением ситуации постройки чего-либо: перед тем как брать для работы топор в руки плевали на ладони. Ср. интерпретацию той же ситуации: *без (ни) сучка, без (ни) задоринки*.

Таким образом, образные средства языка являются особым способом представления общей оценки в русском языке. С течением времени образность может утрачиваться (например, образность лексем *путный, путем* и т.п.). Константными же остаются архетипы.

Многие исследователи пишут об “этимологической (“культурной”, “когнитивной”) памяти слова”, под которой понимаются смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка [Апресян 1995]. В основе первых мифологических представлений лежали элементарные семантические оппозиции, соответствующие пространственно-чувственной ориентации человека. Под архетипами мы понимаем архаические культурные образы, представления о человеке, его месте в мире и обществе, сохранившие свое значение в современной культуре.

Выделяются три группы архетипов (см.: [Колесов 2006, 381-386]): 1) архетипы физической ориентации (*правое – левое; верхнее – нижнее*), подвидами которых являются архетипы социальной ориентации (*свой – чужой; можно – нельзя; хорошо – плохо*) и архетипы оценки свойств и состояний объектов, процессов, явлений (*подвижное – недвижимое; известное – неизвестное*): *оказаться на высоте, идти в гору, и шатко и валко (и на сторону)* и под.; 2) архетипы-объекты (*огонь, тень* и т.п.); 3) архетипы-ситуации, т.е. образы типичных взаимоотношений людей в тех или иных условиях. В сфере общей оценки преобладают архетипы социальной ориентации и архетипы-ситуации.

В процессе исследования нами были выявлены следующие архетипические противопоставления, актуальные для общеоценочных смыслов: “верх – низ”, “свет – тьма”, “чистота – грязь”, “левый – правый”, “прямой – кривой”, “четный – нечетный”.

Древняя аксиологическая оппозиция “верх – низ” находит свое выражение в области диахронии лексем со значением общей оценки в современном русском языке (ср., *благой, добрый* и др.). У славян, а позже у русских писателей XI – XIII вв. *добр-* и *благ-* распределились в оппозиции “земное – небесное” [Колесов 2001, 107]. С данной оппозицией связаны внутренние формы лексем

превосходный, высокий, высший, ФЕ на высоте, верх совершенства, высший сорт, высший класс, идти в гору / под гору и др.

Следующим культурно значимым архетипом, сыгравшим важную роль в формировании и развитии оценочных смыслов, является аксиологическая оппозиция света и тьмы. В Древней Руси “свет” был абсолютной ценностью и носителем абсолютной красоты. Идея света связалась в христианской мифологии с представлением о Боге (ср. санскр. **-div-* ‘светить, блистать’, *дивный*). Для славянской культуры данные составляющие архетипа приобрели особое значение в связи с особенностями религиозного сознания народов. Свет был связан с духовными исканиями, поисками Бога и Его Образом. Данный архетип актуализируется в образных компонентах лексем *блестящий* (в знач. прил.), *блестяще, блистательный, неблестящий, неблестяще, черный, блеск и ФЕ с блеском, в (самом) черном виде (цвете)*.

Архетипы “четный – нечетный”, “прямой – кривой” находят отражение в диахронии лексем со значением общей оценки. Так, общеславянское **lichъ*, имея исходное значение ‘лишний’, ‘нечетный’, оказывается связанным с языческой символикой “четный – нечетный”, “правый – левый” [Дронова 2003, 43]. Этимология слова *злой* отражает связь с понятием “ложный, обманный (< ‘кривой’)”. С архетипом “правый – левый” связана внутренняя форма ФЕ *левой ногой (пяткой)*.

В древнерусской языковой картине мира особую роль играл концепт “здоровье”: он выступал в качестве аксиологического идеала, своеобразного аналога нормы [подробнее см.: Яковлева 2000, 281-288]. С данным концептом связаны лексемы *паршивый, скверный*, прошедшие путь семантического развития от *нечистый (больной)* до *плохой*. Аналогично: *паршиво, паршивец*. Основой образности лексемы *зараза* является представление о заразной болезни, негативное отношение к ней. С данным архетипом связаны ФЕ *подобру-поздорову (подобру да поздорову), будь здоров*.

Архетип “отрицательное – отрицательно”, в котором отражается “нравственный запрет на разъятие живого” [Колесов 1991; Сергеева 2001 и др.], связан с существовавшим в славянском сознании “наивным” представлением об уничтожении предмета при его отрицании. Он предопределил связь отрицательной оценки с отрицанием в русском языке. Так, большое количество лексем со значением общей отрицательной оценки являются производными с *не-*: *нехороший, неудовлетворительный, незавидный* и др. Данный архетип актуализируют лексемы *никакой, гиблый, никто, ничто,*

ничтожество, никудашка и ФЕ ничего себе, еще ничего, ни то ни се, ни шатко ни валко (ни на сторону).

Все вышеперечисленные архетипы продолжают сохранять свою актуальность до сих пор.

Таким образом, многообразие образных средств выражения концепта “общая оценка” указывает на его древность и значимость для русского языка и культуры в целом. Концепт “общая оценка” имеет этнокультурную специфику. Она отражается, в частности, в особенностях образного отражения действительности, архетипах сознания и т.п.

Образные средства языка служат особым способом концептуализации общей оценки в русском языке. Общая положительная и отрицательная оценка осмысливается с помощью образов-схем “ряд”, “десяток”, образа, олицетворяющего все положительные качества (“Бог”), а также специфических аксиологически значимых противопоставлений “сладкий – горький”, “годный – негодный”, “ценный – не ценный” и т.п. Образным аналогом параметрических различий общей оценки выступает образ-схема “шкала” и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т.2. – М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык к проблеме языковой картины мира // ВЯ. 1987. №3. – С. 4-14.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценка. – М., 1985.
4. Дронова Л.П. Лексика общей отрицательной оценки русского языка // Славистические чтения. – СПб, 2003 – С. 42-44.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. – Л., 1991. – С. 106-124.
7. Колесов В.В. Оценка (психология и прагматика оценки). М. – Воронеж, 2006.
8. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа (на материале русского языка). Дисс. ...докт. филол. наук. – Уфа, 2004.
9. Сергеева Л.А. Теория поля и когнитивная научная парадигма // Теория поля в современном языкознании. – Уфа, 2001. – С. 145-154.
10. Федоров 1987: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х тт. / Сост. А.И. Федоров. – М., 1997.
11. Яковлева Е.С. О языковой картине мира в аспекте ее динамики // Слово в тексте и словаре. М., 2000.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена опису концепта «загальна оцінка» – одного з найважливіших концептів російської мовної картини світу. Його відрізняє культурологічна своєрідність. В статті проаналізовано усі типи образів, що пов'язані з загальною оцінкою в російській мові.

Ключові слова: концепт, загальна оцінка, російська мовна картина світу, загальнооцінювальний смисл, аксіологічна опозиція.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию концепта “общая оценка” – одного из важнейших концептов русской языковой картины мира. Его отличает культурологическое своеобразие. В статье проанализированы все типы образов, связанных с общей оценкой в русском языке.

Ключевые слова: концепт, общая оценка, русская языковая картина мира, типы образов, общеоценочный смысл, аксиологическая оппозиция

SUMMARY

In the article we describe the concept of common value. It is one of the most important concept in Russian linguistic picture of world. It has cultural originality. In our article we try to analyze all types of images connecting with common value.

Key words: Concept, common value, Russian linguistic picture of world, types of images, evaluational meaning, axiological opposition

УДК 81”366.52 + 811.161.1 + 81”42

Е.Д. Козлов

ГРАММАТИЧЕСКАЯ РОДОВАЯ ДОМИНАНТА В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЮННЫ МОРИЦ

Среди грамматических категорий с точки зрения экспрессивного потенциала наиболее полно исследована категория рода имен существительных. Она стала предметом отдельного рассмотрения в работах И.А. Ионовой “Морфология поэтической речи” и Я.И. Гина “Поэтика грамматического рода”. И.А.Ионова отмечает, что “главным стимулом художественной актуализации рода в поэтическом тексте является семантическая база категории” [Ионова 1988, 69], что, по сути, означает соотношение категорий биологического пола живых существ и грамматического рода называющих их существительных.

Принято выделять следующие случаи функционирования категории рода в поэтических текстах: одновременное использование граммем, составляющих соотносительные родовые пары одушевленных существительных; метафорическое олицетворение; окказиональное употребление рода граммем; изменение родовой отнесенности существительных. Кроме этого в последние годы описана так называемая грамматическая доминанта (см., напр., [Скоробогатова 2000]), в частности, родовая доминанта – преимущественное или исключительное использование граммем одного рода в структуре целого произведения.

В своих стихотворениях Юнна Мориц использует категорию рода как текстообразующую (в качестве композиционного приема). Для Мориц характерно использование родовых доминант в целых стихотворениях или во фрагментах, организованных граммемами того или иного рода: встречаются случаи использования родовых доминант как мужского, так и женского или среднего рода, родовые чередования и соположения.

В данной работе мы рассмотрим 4 стихотворения, в основе которых лежит грамматический отбор.

В стихотворении “Сохраняя улыбку и юмор” представлена мужская родовая доминанта: среди 85 граммем, которые имеют независимый и зависимый род, 69 слов и словоформ мужского рода, 11 женского рода и только 5 среднего.

Смысл этого стихотворения аллегоричен: оно рассказывает о человеке, который различными способами укорачивал свое существование; но стихотворение содержит и элемент черного юмора – при любом образе жизни ее финал одинаков и неизбежен.

Рассмотрим грамматическую структуру данного стихотворения, связанную с реализацией в нем выразительного потенциала категории рода.

Стихотворение состоит из 9 четверостиший, во всех граммемы мужского рода составляют большинство граммем, имеющих род.

В данном стихотворении поэт использует глагольные формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Первые строфы стихотворения организованы глаголами в форме условного наклонения, которая является аналитической и образуется сочетанием глагольной формы на -л, совпадающей с формой прошедшего времени, которая имеет родовые окончания, и частицы бы. Здесь создается модальность ирреальности, подкрепляется семантика условности, воображаемости ситуации, скелет оказывается живым. Формы условного наклонения обозначают не только предполагаемый или возможный процесс, но могут также употребляться для выражения желания, а также совета.

Глаголы первых четырех из девяти строф имеют форму условного наклонения. Здесь находятся 17 из 20 глаголов с окончаниями

мужского рода, которые усиливают родовую доминанту, созданную существительными и местоимениями. В качестве примера приведем вторую строфу данного стихотворения:

*Не буянил бы он по ночам,
А ложился бы в десять часов,
Он во цвете бы лет не зачах,
Он бы, этот скелет, не засох!*

[Мориц 1982, 308]

В пятой строфе выразительной работе категории рода, помимо общей мужской родовой доминанты, способствует наличие гендерной оппозиции *кавалер – медички*:

*А теперь уже выхода нет,
И на нем изучают медички,
Как способны плохие привычки
Превратить кавалера в скелет...*

Одна из строф содержит граммемы только мужского рода:

*Как Вольтер, я похож на скелет,
Да, с таким не пойдешь на балет, –
Но стихи мои, даже вот эти,
Хорошо говорят о скелете...*

Упоминание в данном контексте Вольтера, ставшего своеобразным символом эпохи Просвещения, представляется нам не случайным. Противоречивость – одно из свойств его мировоззрения, сарказм – неотъемлемая черта творчества. Кроме того, как известно, к концу жизни Вольтер стал испытывать сильные боли (у него обнаружили рак), это вынуждало его, несмотря на приверженность культу разума и идее “естественного человека”, принимать большие дозы опиума.

Последние строки стихотворения сродни морали басни и содержат риторический вопрос, в котором представлены граммемы среднего рода:

*Если это не стоит вниманья, –
Что такое тогда обаянье?*

[Мориц 1982, 309]

Этот фрагмент оказывается выделенным не только семантически, но и грамматически, за счет того, что все граммемы, которые имеют независимый или зависимый грамматический род, являются граммемами среднего рода.

Для поэзии Мориц наиболее характерны стихотворения, грамматической основой которых являются слова и словоформы женского рода.

В стихотворении “Ладья” наблюдается ярко выраженная родовая доминанта. Мы выделили в тексте все слова и словоформы, имеющие грамматические показатели рода.

Граммем, имеющих независимый или зависимый род, в тексте стихотворения 51. Из них только две имеют мужской род (*ветры, путь*). Средний род имеют также только две граммемы (*два весла*). Женский род имеют остальные 47. Первая строфа полностью состоит из слов и словоформ, обладающих формальными показателями женского рода:

*Грудью всей ладья плыла ж (ж) ж (ж)
По своей морской отчизне, (ж) (ж) ж*

*Гибкость жизни в ней была, ж ж ж (ж)
Молодая гибкость жизни. (ж) ж ж*

[Мориц 1982, 79]

Вторая строфа также состоит из слов и словоформ женского рода, за исключением двух – *два* и *весла*, где в первом случае средний род зависим, а словоформа *весла* среднего рода множественного числа винительного падежа имеет флексию *-а*, которая, как и флексия граммемы *два*, омонимична типичному женскому окончанию единственного числа именительного падежа, вследствие чего они фонетически и грамматически сливаются с общим женским родовым фоном строфы. Третья строфа помимо граммем женского рода содержит одну граммему мужского рода – *ветрам*.

Четвертая строфа так же, как и первая, полностью состоит из слов и словоформ женского рода. А пятая строфа кроме них содержит одно существительное мужского рода – *путь*. Оно созвучно и формально подобно односложным инфинитивам *дуть* и *петь*.

Женская родовая доминанта непосредственно соотносится с темой и идеей стихотворения – изображением молодого, полного жизни, ощущения движения и готовности любить женского начала, утверждением неукротимости этого начала, готовности и способности к преодолению всех возможных преград ради жизни и любви. Автор особым образом использует прием синтаксического параллелизма: стихотворение содержит ряд параллельных конструкций (*Всем ветрам забава – дуть, Всем волнам забава – петь и А ее забава – путь*), при этом соотносятся первые стихи третьей, четвертой и пятой строф. Инфинитивы *дуть* и *петь*, как и существительное *путь*, находятся в сильной позиции конца стиха и рифмы, что способствует сближению существительного с формами инфинитива (вспомним, что инфинитив обладает рядом именных свойств).

Граммема *путь* входит в состав и другого ряда параллельных конструкций: *Всем ветрам забава – дуть, Чтобы эта грудь вздымалась и Всем волнам забава – петь, Чтобы эта грудь томилась*, где *ветры* изображены как стихия, сопутствующая ладье (важно отметить, что *ветер* мужского рода), а *волны* (*волна* женского рода) – как стихия, ей препятствующая. (В данном контексте ветры олицетворяют мужское стихийное начало, а волны – женское.)

“Путь” – цель ладьи, то, ради чего ладья живет, грамматический строй вторит образному: мужская граммема *путь* имеет гендерную пару – *грудь*. Важным является то, что эта пара находится в стихотворении в позиции рифмы. Женскость ладьи подчеркивается повтором слова *грудь*, которое в тексте стихотворения встречается 5 раз. Женская родовая доминанта и наличие гендерной оппозиции способствуют персонификации.

В стихотворении “Случай с Афродитой” мы встречаем женскую родовую доминанту, вы-

раженную не так явно, как в стихотворении “Ла-
дья”. В тексте стихотворения из грамем, имею-
щих независимый и зависимый род, 52 относятся
к женскому роду, 16 – к мужскому и 3 – к средне-
му. В “Ладые” женский род, несомненно, домини-
рует, а в “Случае с Афродитой” наличествует не
только доминанта, но и намеренное столкновение
женского и мужского. Мы можем говорить, что уже
в названии сталкиваются грамемы мужского и
женского рода, в тексте стихотворения также пред-
ставлены грамемы женского и мужского рода. Гра-
мемы женского рода связаны с мифонимом
Афродита. Согласно культурной античной тради-
ции Афродита является богиней красоты и вопло-
щением всего женского, ей присущи чистота и
красота.

*Эта женщина вышла из пены морской,
Наготу на свету прикрывая рукой,
И в толпе затерялась людской.*

[Мориц 1982, 182]

Фрагмент, который концентрирует в себе
женскую родовую доминанту, повторяется в тексте
4 раза. Он имеет связь с прецедентным текстом
мифа о рождении Афродиты. Поэтическим
развитием античного сюжета является строка “*И
в толпе затерялась людской*”. Остальные части
текста описывают мир, в который вошла
Афродита, здесь мы видим все 3 рода, но грамемы
среднего рода описывают интерьер, не влияя на
столкновение женского и мужского.

Существительное *младенец*, которое в
тексте стихотворения встречается дважды, хотя и
имеет мужской род, только усиливает женскую
доминанту, ибо ребенок в нашем сознании связан
со стихией женскости.

Во второй строфе стихотворения мужское
и женское начала представлены как
противоположности:

*Потный пекарь дышал над мешками с мукой,
Потный плотник сколачивал доску с доской,
Два цирюльника в окна смотрели с тоской.
Эта женщина вышла из пены морской
И в толпе затерялась людской.*

А в последней строфе они от гендерного
антагонизма приходят к гармонии, гармонии
внутри женского и гармонии женского с мужским:

*Эта женщина вышла из пены морской,
И она преисполнена воли такой,
Что внушает блаженный покой.*

Концовка стихотворения не вызывает у
читателя тревоги, она воспринимается как
органичное развитие античного сюжета,
естественное сочетание мужского и женского.

Стихотворение “Холод. Утро ранее...”
содержит 55 грамем, имеющих независимый и
зависимый род, из них 37 относятся к среднему
роду, 9 – к мужскому и 9 – к женскому. Это
позволяет говорить о наличии в стихотворении
родовой доминанты среднего рода, особенно если
учитывать меньшую частотность употребления
существительных среднего рода в языке. Большин-
ство грамем среднего рода расположены в конце

строки в сильной позиции – позиции рифмы.

*Спит мое мечтание,
Плод воображения,
Вот ему питание –
От стихосложения,
Вот ему летание,
С миром сочетание,
Лица очертание*

С бликом выражения. [Мориц 1982, 205]

Локализованные таким образом грамемы
среднего рода образуют вертикальный
грамматический ряд. Его единство нарушают 2
граммемы мужского рода, являющиеся финалиями
второй и четвертой строк, и 2 грамемы женского
рода, которые заканчивают предпоследнюю и
четвертую строку от конца. Таким образом, в
рамках правого вертикального стихового ряда
образуется симметрия.

Стихотворение посвящено материнству и
ребенку. Все слова, которые описывают ребенка
или относятся к нему, имеют средний род. Это
связано с языковой исторической традицией не
дифференцировать маленьких детей по признаку
пола. Так как грамматическая категория рода часто
соотносится с полом, в языке такое отсутствие
дифференциации, “нейтрализация” пола, выража-
лось в том, что существительные, обозначающие
детей человека или детенышей животных, имели
средний род. Наименование незрелых существ
такого типа сохранилось в украинском языке. В
нем присутствуют существительные, которые ре-
ализуют оппозицию взрослость/детскость при по-
мощи грамматической категории рода: наимено-
вания детей имеют средний род. В русском языке
примером такой “нейтрализации” пола является
слово *дитя*.

Называет ребенка автор словами среднего
рода – *желание, мечтание, солнышко, зернышко*,
исключение составляют слова женского рода,
которые нарушают вертикальный грамматический
ряд, – *деточка, веточка*, но женский род этих
грамем не является значимым, это также
нейтральные по отношению к полу ребенка
номинации. В тексте нет никаких уточнений по
поводу ребенка, нет его имени, и не указывается
его пол. Степень абстракции всей темы
материнства и детства усиливается наличием слов
среднего рода, обозначающих абстрактное:
*мечтание, воображение, питание,
стихосложение, летание, сочетание, очертание,
выражение, мытье, катание, трепетание,
топтание, головокружение, ожидание, обладание*.
Автором задается максимальная неопределенность
описываемого и описывающего. Стихотворение
написано не только о конкретном ребенке и матери,
но о ребенке и материнстве вообще. Это напрямую
соотносится с идеей стихотворения: мать (любая
мать) ради своего ребенка готова пойти на любые
жертвы. В тексте мы находим этому подтвержде-
ние:

*За это обладание
Любое съем страдание,*

Граммемы мужского и женского рода (кроме *деточка*, *веточка* и сочетания *плод воображения*) не относятся к самому ребенку. Но две граммемы мужского рода, которые нарушают вертикальный грамматический ряд среднего рода, – *умывальныйник* и *свивальныйник* – связаны с миром детства. Остальные слова и словоформы мужского рода являются первыми словами в строке, все они односложны (за исключением слова *холод*), таким образом, грамматическая однородность этих слов подкрепляется однородностью фонетической.

Представленный в статье анализ стихотворных текстов Юнны Мориц позволяет сделать вывод о том, что мощным внутриязыковым средством создания выразительности в ряде стихотворений данного автора является родовая доминанта. Нами отмечены примеры использования родовой доминанты как женского и мужского, так и среднего рода, которое всегда непосредственно связано с темой и идеей стихотворения. Очевидно, что концентрация слов и словоформ одного рода в поэтических текстах Мориц является неслучайной: автор намерено производит отбор грамматических единиц для создания определенного семантико-грамматического эффекта. Благо-

даря отбору и особой локализации граммем их грамматический род актуализируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. – Петрозаводск: КГПИ, 1992. – 169 с.
2. Ионова И.А. Морфология поэтической речи. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 164 с.
3. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы. – Киев: Вища школа, 1981. – 184 с.
4. Мориц Ю. Избранное. – М.: Советский писатель, 1982. – 496 с.
5. Скоробогатова Е.А. Лингвопоэтические особенности трагедии Марины Цветаевой “Федра” // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія літературознавство. Вип. 2 (26). – Харків: ХДПУ, 2000. – С.172 – 179.
6. Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 26-44.
7. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 462-482.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена аналізу функціонування категорії роду в поетичних текстах Юнни Мориц. У ній розглядається використання прийому родової домінанти в якості текстоутворюючого. Описані тексти з домінантою чоловічого, жіночого та середнього роду. На підставі проведеного аналізу виявлено, що концентрація слів та словоформ одного роду в поетичних текстах Ю.Мориц є не випадковою: автор навмисно відбирає граматичні одиниці для створення певного семантико-граматичного ефекту. Завдяки відбору та локалізації грамем їхній граматичний рід актуалізується.

Ключові слова: граматична категорія роду, родова домінанта, гендерна опозиція, поетичний текст.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу функционирования категории рода в поэтических текстах Юнны Мориц. В ней рассматривается использование родовой доминанты в качестве текстообразующего приема. Описаны тексты с доминантой мужского, женского и среднего рода. На основе проведенного анализа выявлено, что концентрация слов и словоформ одного рода в поэтических текстах Мориц является неслучайной: автор намерено производит отбор грамматических единиц для создания определенного семантико-грамматического эффекта. Благодаря отбору и особой локализации граммем их грамматический род актуализируется.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, родовая доминанта, гендерная оппозиция, поэтический текст.

SUMMARY

The article is dedicated to analysis of functioning of category of gender in Junna Moritz's poetic texts. It contains a survey of using dominant gender as a text-forming method. We have described texts with male, female and neutral dominant gender. On the basis of analysis we have discovered that concentration of words and word forms of one gender in Junna Moritz's poetic texts is intentional; the author had made a selection of grammatical units to create a definite semantic-grammatical effect. Due to this selection and localization of grammemes their grammatical gender becomes actualized.

Key words: grammatical category of gender, dominant gender, gender opposition, poetic text.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖЕЙ
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО “АННА КАРЕНИНА”

Первая встреча с литературным персонажем должна быть отмечена узнаванием. Термин “узнавание героя” часто означает раскрытие тайны его имени, происхождения, общественного положения, родственных связей. Персонаж художественного произведения существует в различных измерениях. Он соотносён с социальной действительностью, с существующими в ней представлениями о человеке. В плане социальном эти представления мыслятся как социальные роли [Гинзбург 1979].

Как известно, Л. Толстой вырос и сформировался в среде помещичьей знати. Поэтому неудивительно, что внутренняя структура произведений писателя насыщена широким социальным содержанием. Социальная характеристика персонажа – неперенный элемент портретного описания и поэтому, обращая внимание на социальную характеристику, автор даёт анализ портретов персонажей, широко используя выразительные средства: перифраз, метафоричность, метафорическое сравнение, метафорический эпитет, выразительную метафору, противопоставление, анафору.

Как считает М.Б. Храпченко, в “Анне Карениной” Л.Н. Толстой ясно отражает ту “социальность”, которая глубоко проникает в личное бытие героев [Храпченко 1965].

Наряду с физическими формулами узнавания существуют и формулы социальные. В старом, сословном обществе социальная принадлежность человека проявлялась в его наружности, одежде. Кроме того, при социальной характеристике автор использует лексику, которая определяет: титул (граф, князь, княгиня, баронесса, графиня, принц), сословную принадлежность (барыня, дворовый, мужик, дама, интеллигент, лакей, дядька), профессию или род занятий (извозчик, казак, ямщик, чиновник, учитель, профессор, адвокат, посланник, титулярный советник), чин или звание (поручик, полковник, генерал).

В романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина” частотность описания социального портрета персонажей составляет 9,5%, причём чаще всего писатель изображает социальность эпизодических персонажей – 7,5%; 1,25% составляют второстепенные персонажи, 0,75% – главные.

Рассмотрим описание одного из главных героев, Алексея Вронского, данное Степаном Аркадьичем Константином Левину: “Вронский – это один из сыновей *графа Кирилла Ивановича Вронского* и один из самых лучших образцов *золочёной молодёжи петербургской*... *Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант* и вместе с тем – *очень милый, добрый малый*. Но *более, чем просто добрый малый*... он и образован и очень умён; это человек, который далеко

пойдёт” [Толстой 1987, Т. 7, 47]. Описывая Вронского, Облонский упоминает не только его титул и чин, но и через косвенные характеристики подчёркивает принадлежность героя к высшему свету (представитель золочёной молодёжи, большие связи), гиперболизируя его достоинства (страшно богат, более, чем просто добрый малый, очень умён).

Приведём примеры социальных портретных описаний эпизодических персонажей: “*Баронесса Шильтон, приятельница Петрицкого, блестя лиловым атласом платья и румяным белокурым личиком и, как канарейка, наполняя всю комнату своим парижским говором, сидела перед круглым столом, варя кофе*” [Толстой 1987, Т.7, 128]. Описывая приятельницу Петрицкого, автор говорит о “баронессе”, представительнице аристократического класса, и употребляет лексико-семантическое выразительное средство, метафорическое сравнение “как канарейка”, имея в виду особенности её говора и темп речи.

“*Извозчик был прелестен в белом, высунутом из-под кафтана и натянутом на налитой, красной, крепкой шее ворота рубахи*” [Толстой 1987, Т.7, 446]. Лексема “извозчик” указывает на род занятий человека. В описании подчёркивается его крепкое здоровье.

Социальные формулы узнавания скрещиваются, как правило, с морально-психологическими (грубый, простой, задумчивый, милый, неуклюжий, свежий, сухой). Например: “*Это была княгиня Мягкая, известная своей простотой, грубостью обращения и прозванная enfant terrible*” [Толстой 1987, Т.7, 150]; “*Графиня Лидия Ивановна была высокая полная женщина с нездорово-жёлтым цветом лица и прекрасными задумчивыми чёрными глазами*” [Толстой 1987, Т.7, 122]. Говоря об эпатажном поведении княгини Мягкой и её не менее эпатажных высказываниях и суждениях, Толстой использует графико-фонетическое языковое средство “enfant terrible”. Графиня Лидия Ивановна, по-видимому, больна, о чём свидетельствует её “нездорово-жёлтый” цвет лица.

Наряду с социальным описанием портретов главных и эпизодических персонажей Толстой уделяет внимание и социальным формулам узнавания второстепенных персонажей.

Что касается характеристики социального портрета по количеству описываемых персонажей в романе, они могут быть монотематическими (6,5%), битематическими (1,5%) и политематическими (1,5%).

Приведём примеры монотематических социальных портретных описаний:

“*Сухой англичанин в высоких сапогах и в короткой жакетке, с клочком волос, оставленным только под подбородком, неумелою походкою*

жокеев, растопыривая локти и раскачиваясь, вышел навстречу” [Толстой 1987, Т.7, 201]. Описывая жокея, который ухаживал за лошадьёю Вронского, писатель не только делает акцент на его национальности, говоря о сухости англичанина (то есть сдержанности), что является одной из отличительных черт представителей вышеупомянутой нации, но и об особенной походке жокеев, в данном случае можно говорить об употреблении метафорического эпитета.

А вот примеры битематических социальных описаний портретных персонажей: *“Увидав воздымающиеся из корсета жёлтые плечи графини Лидии Ивановны, вышедшей в дверь, и зовущие к себе прекрасные задумчивые глаза её, Алексей Александрович улыбнулся, открыв неувядающие белые зубы, и подошёл к ней”* [Толстой 1987, Т.8, 94]. В данном битематическом описании (когда описывается два персонажа), характеризуя Каренина, Толстой использует выразительную метафору – *“неувядающие белые зубы”*.

Приведём примеры политематических социальных портретных описаний: *“Некоторых своих Левин узнал. Тут был старик Ермил в очень длинной белой рубахе, согнувшись махал косою; тут был молодой мальчик Васька, бывший у Левина в кучерах, с размаха бравший каждый ряд. Тут был и Тит, по косьбе дядька Левина, маленький, худенький мужичок”* [Толстой 1987, Т.7, 278]. Данный пример представляет интерес с точки зрения конвергенции, то есть скопления на небольшом участке текста стилистических приёмов, выполняющих общую стилистическую функцию [Риффатер 1980]. Например: метафора (неровный голос, посинелые внизу глаза, мясистый мальчик).

В произведениях Толстого можно наблюдать и взаимодействие между различными формами описательных контекстов, когда наряду с описанием портретов персонажей даются и описания места действия (портрет + интерьер, портрет + пейзаж). Например: *“ – Не угодно ли? – Он (адвокат) указал на кресло у письменного, уложенного бумагами стола и сам сел на предсе-*

дательское место, потирая маленькие ручки с короткими, обросшими белыми волосами пальцами и склонив голову” [Толстой 1987, Т.7, 405] – портрет + интерьер;

“Под дрожащею кругами тенью листьев, у покрытого белою скатертью и уставленного кофейниками, хлебом, маслом, сыром, холодной дичью стола, сидела княгиня (Бетси) в наколке с лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки” [Толстой 1987, Т.7, 259] – пейзаж + интерьер + портрет.

Анализ социальных портретных описаний персонажей романа “Анна Каренина” показал:

1. а) частотность изображения “социальности” эпизодических портретных описаний наиболее высока;

б) частотность описания второстепенных персонажей выше, нежели главных;

г) удельный вес монотематических социальных описаний портрета персонажа больше, чем битематических, а битематических – больше, чем политематических.

2. а) социальная характеристика персонажей даётся однолексемно;

б) социальная характеристика персонажей касается их социальной принадлежности;

в) различные виды описаний, в том числе и портретные, могут переплетаться. Портретные описания сочетаются и с пейзажем, и с интерьером;

г) все вышеперечисленные лексические группы (титул, социальность, род занятий, звание) присутствуют в портретных описаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 222с.

2. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. – Вып. IX. – М.: Прогресс, 1980.

3. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Собр. соч.: В 12 тт. – ТТ. 7, 8. – Москва, 1987.

4. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. – М.: Советский писатель, 1965.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається соціальна характеристика персонажів у романі Л.М. Толстого “Анна Кареніна”. Відомо, що поряд із фізичними формулами ідентифікації існують і формули соціальні. Соціальний статус людини відображається у її зовнішності, одязі. Даючи герою соціальну характеристику, автор використовує лексику, яка вказує на титул (граф, графиня, князь, княгиня, баронеса, принц), родову приналежність (бариня, дворовий мужик, дама, інтелігент, лакей, дядько), професію чи рід занять (іздвий, чиновник, адвокат, посол, титулярний радник), чин або звання (поручик, полковник, генерал). “Соціальний” опис персонажів спостерігається й у взаємодії з іншими видами описових контекстів (портрет + інтер’єр, портрет + пейзаж).

Ключові слова: персонаж, соціальний статус, рід занять, описовий контекст.

АННОТАЦІЯ

В статье рассматривается социальная характеристика персонажей в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина”. Известно, что наряду с физическими формулами узнавания существуют и формулы социальные. Социальная принадлежность человека проявляется в его наружности, одежде. При социальной характеристике автор использует лексику, которая определяет: титул (граф, графиня, князь, княгиня, баронесса, принц), сословную принадлежность (барыня, дворовый, мужик, дама, интеллигент, лакей, дядька), профессию или род занятий (извозчик, ямщик, чиновник, адвокат, посланник,

титularный советник), чин или звание (поручик, полковник, генерал). “Социальное” описание действующих лиц можно наблюдать и во взаимодействии с другими видами описательных контекстов (портрет + интерьер, портрет + пейзаж).

Ключевые слова: персонаж, социальная принадлежность, сословная принадлежность, род занятий, описательный контекст.

SUMMARY

The presented article deals with characters' social status in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina". It is known that there are physical and social features of identification. Appearance and clothes of a person reflects his or her social status. Giving a social characteristics to a personage the author uses lexis which describes his title (count, countess, prince, princess, baroness), background (squire's wife, peasant, lady, an intellectual person, servant, dyadka), profession or occupation (cabman, coachman, official, lawyer, ambassador, titled advisor), rank or military rank (colonel, general). The description of the characters' social status is also observed in the interrelation with other types of descriptive contexts (interior and landscape).

Key words: personage, social status, profession, occupation, descriptive context.

УДК 81“37:32+801.8

Н.А. Сегал

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНАЯ СЕМАНТИКА КЛЮЧЕВЫХ ЕДИНИЦ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В лингвистических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется структуризации знаний о мире, способам выражения в языке экстралингвистической действительности, одним из которых является концептуальная метафора.

Актуальность предлагаемой статьи обусловлена необходимостью описания метафорических значений ключевых единиц политического дискурса и значимостью систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса. Как отмечает А.Н. Баранов, интерес к изучению политических текстов можно объяснить несколькими факторами: во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории, которая в разные периоды истории обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы – к речи. Во-вторых, политологическими проблемами изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; необходимостью построения предсказывающих моделей в политологии, а также значимостью разработки методов анализа политических текстов и текстов СМИ для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания. В-третьих, социальным заказом – попытками освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [Баранов 2001, 245]. В научных работах последних десятилетий (А.Н. Баранов, Ф.С. Бацевич, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Н.А. Купина, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Г.М. Яворская и др.) политический дискурс опре-

деляется как особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации с целью “выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...” [Баранов, Казакевич 1991, 6].

Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу политического дискурса, ряд вопросов до сих пор остается нерешенным. Так, в современной лингвистике одной из актуальных задач при описании политического дискурса является исследование способов реализации языковых значений вторичной номинации, организующих коммуникативное единство политического текста.

В современной дискурсологии политический текст (далее – ПТ) принято рассматривать как многовекторную структуру, представляющую собой определенную систему координат. Базовыми осями в этой системе становятся время и пространство. Как справедливо отмечает П. Серио, не существует высказывания, в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих [Серио 2002, 21].

Категории “время” и “пространство” являются основой реализации в ПТ одного из ключевых концептов русской культуры – концепта *дорога*.

Целью настоящей статьи является описание метафорических моделей с пространственной семантикой, организующих

политический дискурс. Поставленная цель определила решение следующих задач:

– установить семантические особенности лексической единицы *дорога* и ее роль в русской языковой картине мира;

– описать метафорическое значение лексем *дорога* в политических текстах;

– раскрыть механизмы структуризации метафорического поля *дорога* с обозначением его метафорических моделей.

Материалом нашего исследования послужили украинские и российские СМИ (“Московские новости” (МН), “Независимая газета” (НГ), “Аргументы и факты” (АиФ), “Зеркало недели” (ЗН), “Крымское время” (КВ), “Крымские известия” (КИ), “Первая крымская” (ПК), “День” (Д), “Новые известия” (НИ), “2000” (2000), тексты Интернет-коммуникации (официальные сайты украинских и российских политиков, политические форумы, блоги, Интернет-конференции за 2004-2008 гг.).

При концептуальном анализе необходимо исследование не только семантических компонентов содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. Номинативное поле концепта *дорога* объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данного концепта будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о его релевантности в языковой картине мира.

Концепты *пути, дороги*, как отмечают исследователи, представляют собой универсалии мировой культуры. Являясь важным фрагментом русской картины мира, *дорога* присутствует на различных уровнях культуры, в обрядах и ритуалах, фольклоре, высокой и церковной книжности, художественных произведениях, живописи, музыке и т. д. Изучение семантических особенностей *дороги* проводится на материале художественных текстов (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Гусева, Л.П. Иванова, О.О. Ипполитов, Ю.М. Лотман, А.С. Пальчевская, Т.В. Радзиевская, Т.Чепелевская, О.А. Черепанова, С.М. Шакиров), рассматривается в ряде философских публикаций (Э.Блох, М.К. Мамардашвили, М.Хайдеггер), а также фольклористике.

Как показал анализ корпуса политических текстов, ключевое слово *дорога* в ПТ обычно приобретает метафорическое значение. По замечанию Н.Д. Арутюновой, “...*дорога* стремится к описанию. Ее семантика стремится к конкретизации, то есть к сужению сферы референции: имя *дорога* легко принимает дескриптивные атрибуты” [Арутюнова 1999, 6]. Приведенный тезис подтверждается и материалами политических текстов. Как правило, в ПТ *дорога* функционирует в атрибутивном словосочетании. Следует отметить, что в политическом тексте сочетаемость возможности *дороги* расширяются и наряду с

типичными для данной единицы атрибутивными конструкциями (большая, верная, вредная, губительная, единственная, желательная, жизненная, извилистая, короткая, крутая, легкая, открытая, скользкая, правильная, узкая, широкая и т.д. *дорога* – всего более 150 сочетаемостных моделей), выявляются конструкции, характерные только для данного вида текста (политическая, правительственная, стратегическая, украинская и т.д. *дорога*): *Предпринимательство, малый и средний бизнес остались на обочине правительственной дороги* (ЗН, 02.07.2005-08.07.2005).

По замечанию А.П. Чудинова, “метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание”. Особенность политической метафоры заключается в том, что, по наблюдению исследователя, она представляет собой своего рода комплекс “зеркал”, в котором “отражается ментальный мир человека и общества в целом, обыденные представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов” [Чудинов 2003, 8].

Как отмечают исследователи, “политической” становится любая метафора, реализующаяся в политическом дискурсе. По мнению А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, политическая метафора представляет собой “речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)” [Баранов, Караулов 1991, 189]. По справедливому замечанию Т.Г. Скребцовой, в политической метафоре сочетаются три перспективы: когнитивная лингвистика подчеркивает связь политической метафоры с мышлением и понятийной системой человека, дискурсивный анализ рассматривает ее как орудие политики и власти, риторика акцентирует ее роль в коммуникативном воздействии. Благодаря этому политическая метафора обретает многомерность, становясь продуктом языка, мышления, общества, культуры [Скребцова, <http://filologija.vukhf.lt/6-11/doc/1.2%20Skrebtsova.rtf>].

Описывая функции политической метафоры, И.М.Кобозева отмечает, что “благодаря своей фигуральности, небуквальности метафора выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. И, наконец, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адреса-

та необщепринятые мнения” [Кобозева 2001, 138].

Как показывает анализ ПТ, слово *дорога* развивает метафорические значения, обозначающие социальные изменения, как правило, позитивные. Однако *дорога* для достижения поставленной цели трудна и опасна: ***Грузия и Украина идут дорогой изменений и демократии. Я знаю, что эта дорога нелегка, а потому желаю вам веры*** (из речи В. Ющенко. КИ, 25.11.2005).

Любые изменения политической ситуации характеризуются начальной и конечной точкой, первым шагом и достижением цели. Таким образом, одним из компонентов, организующих метафорическое значение *дороги*, является семантический признак лексической единицы *шаг*, и от того, каким будет этот шаг, в каком направлении он будет сделан, зависит и выбор политической *дороги*, а значит, и тот результат, к которому придет политический деятель, партия, государство или любой другой субъект политического текста: ***Неизменная позиция Главы государства заключается в том, что создание зоны свободной торговли между Украиной и ЕС – это еще один важный шаг на пути украинского государства в его стремлении присоединиться к европейскому сообществу*** (<http://www.president.gov.ua/ru/news/8995.html>, 14.02.2008). ***Киев рассматривает новое соглашение с Брюсселем как шаг на пути к политико-экономической ассоциации Украины с Евросоюзом*** (из Интервью Президента Украины Виктора Ющенко телеканалу “ЕвроНьюс”, 17.03.2007).

При несогласованности целей и направлений в политической деятельности, при отсутствии взаимопонимания и компромисса движение по политической *дороге* может быть затруднено, а иногда может привести в тупик: ***Политический процесс в Абхазии зашел в тупик*** (<http://www.apsny.ge/news/1201371098.php>, 14.02.2009).

Современный политический мир не простой, в нем необходимо твердо и уверенно следовать поставленной цели, “не остаться на обочине политической дороги” (<http://romankovvg.narod.ru/Index.htm?13t01>, 06.04.2008). Контекстный анализ подтверждает, что верную *дорогу* выбрать особенно сложно, когда находишься на *распутье*: ***Президент подчеркнул, что в ситуации, когда 8 млн. избирателей проголосовали за один блок политических сил, а 8,6 млн. – за другой, у Украины есть две дороги. Первая – это противоречия, неопределенность, экономический спад и коллапс экономики. Вторая – стол переговоров и понимания***” (Корреспондент.net, 18.08.2006). ***Китай стоит сейчас на распутье. Пойдет налево [...] – и превратится в самый мощный фактор мирового развития. Пойдет направо [...] – и спровоцирует нарастание напряженности и угрозу дестабилизации [...] И, наконец, третья дорога,***

не предусматривающая никаких кардинальных изменений политического и экономического курса, заведет в трясину социальных и политических кризисов (ЗН, 15-21.07.2006).

Дорога всегда предполагает движение, поэтому для субъектов политической коммуникации бездействие является нежелательным. В приведенном выше примере метафорический образ становится многоаспектным, включая в себя новые элементы структурирования понятийной сферы. Так, от выбора *дороги* зависит не только судьба того, кто ее выбирает, но и других участников совместной коммуникативной деятельности. Политическая *дорога* полна трудностей и опасностей, для преодоления которых нужны попутчики (а еще лучше – надежные партнеры): ***Мы идем по дороге вперед как друзья. Но на этой дороге случаются ухабы*** (МК, 04.06.2007). ***Это та дорога, которую мы пройдем вместе, и один из первых партнеров на этой дороге – польский народ, – сказал Глава Украинского государства*** (НИ, 18.04.2007).

Партнерство, взаимная помощь и поддержка важны не только во внешней, но и во внутренней политике государства, что всегда подчеркивается украинскими политиками в выступлениях, обращениях, интервью: ***На этой нашей дороге нам будет помогать наше единство. То, что мы были и есть вместе, то, что мы поддерживаем друг друга в каждую минуту, – и радостную, и тревожную*** (из речи В. Януковича, mignews.com.ua/articles/249947.html, 17.07.2008). ***Благодарю свою команду, которая работала на победу. Вы, мои дорогие побратимы, были непоколебимы на дороге, пройденной вместе*** (из речи В. Ющенко, www.ukremb.ru/files/rus_dodatok.doc, 09.08.2008).

Украинский политический дискурс отличается многополярностью и многовекторностью. Специфика его интенционального содержания находит свое отражение в моделях коммуникативных процессов. Как показывает контекстный анализ, *дороги* политических лидеров и партий не всегда совпадают. В дискурсивных практиках вербализуются, прежде всего, концептуальные признаки понятийного ядра концепта *дорога* – “место” и “направление”. Это представлено такими словосочетаниями, как: мы идем разными *дорогами*, наши *дороги* пересекаются, свернуть с общей *дороги* и др. Одна из особенностей политической *дороги* заключается в том, что пройти ее вместе от начала до конца очень сложно. Этот факт определяет частотность в политическом тексте метафорического предикативного центра “*дороги расходятся/разошлись*”: ***Наши с президентом Ющенко пути разошлись. Мы пойдем параллельными дорогами, и при этом будем представлять две различные политические силы***” (Корреспондент.net, 29.09.2005). ***Теперь дороги Тимошенко и Ющенко разошлись. На выборы блок имени отставного премьера будет идти отдельно*** (ЗН, 11-17.06.2005).

По замечанию исследователей, в политическом тексте метафоры представляются не набором автономных элементов, а системой, для которой характерны внутритекстовые и внетекстовые связи. Организующим стержнем этой системы становится определенная метафорическая модель. Являясь авторским, каждое новое метафорическое выражение все же соответствует той или иной уже известной читателю метафорической модели и связывается с соответствующими данной модели образами в пределах текста и за его рамками, что приводит к появлению в памяти читателя ментальных ассоциаций. Развернутая в тексте метафора способна обеспечивать связность и цельность текста, усиливать его эстетическую значимость и прагматический потенциал, устанавливая связь с общим политическим дискурсом [Будаев, Чудинов 2006, 108].

Одной из наиболее активных концептуальных реализаций *дороги* является метафорические модели с ключевым словом **транспорт**. Как показал контекстный анализ, для конструктивного решения политических проблем *дорога* должна быть с двусторонним движением, причем возможности, открываемые этой дорогой, должны быть одинаковыми для всех, независимо от статуса или политических позиций: *Это как на дорогах. Есть страны с правосторонним движением транспорта, и есть – с левосторонним. А у нас получается, что все едут по правой стороне, а представители Секретариата Президента – по левой, и каждый их выезд сопровождается авариями* (М.Чечетов, for-ua.com/comments/2007/08/20/093800.html, 11.07.2008). *Все вопросы с Россией – это ведь не дорога с односторонним движением.* (МН, 18.02.2005). *Зленко подчеркнул, что сотрудничество между Киевом и Брюсселем должно быть дорогой с двусторонним движением* (Д, № 216, 24.11.2001). *Украина является мостом между Европой и Россией. Как правило, хороший мост – это дорога с двусторонним движением.* (Д, №164, 28.09.2007).

При реализации в ПТ метафоры **транспорт** значимым является и анализ самих средств передвижения. Как показывает контекстный анализ, метафорические значения выявляются в ПТ через обозначения, связанные с железнодорожным и морским транспортом. Данные лексические единицы несут различные смысловые нагрузки и включают в себя коннотативные компоненты. При экспликации метафорической модели **транспорт** лексемой *паровоз* в ряде текстов проявляется ироничный характер высказывания, а паровоз становится не столько средством передвижения, сколько помехой, не дающей политическому субъекту двигаться с нужной скоростью в необходимом ему направлении: *...если Польша и Чехия ехали в Европу на современном тепловозе, то Украина – на паровозе первой половины XX века* (<http://www.rian.ru/analytics/20051207/42355835.html>,

13.12.2008).

Активной является модель “Государство – это корабль/лодка”. От того, насколько крепким и устойчивым будет этот корабль, зависит безопасность его пассажиров: *Государство сродни лодке. Чем мощнее и сплоченнее общественно политические силы, находящиеся в центре политического спектра страны, тем устойчивее и увереннее движется государственный корабль, обмывая на своем пути всевозможные рифы и препятствия, и тем самым сводя на нет попытки крайних экстремистских сил как с одной, так и с другой стороны раскачать государственную лодку и, тем более, попытаться ее опрокинуть* (День, №46, 14.03.2001). *Если сегодня политический барометр вполне определенно указывает на отметку “ясно”, командному составу корабля под названием “Россия”, уверенному в правильности выбранных маршрутных карт, все же стоит еще раз подумать о том, что предпринять, если на пути следования окажутся серьезные рифы* (<http://www.carnegie.ru/ru/print/48228-print.htm>, 16.07.2008).

Концепт *дорога* может вербализоваться лексемами метафорического пространства с ключевым словом **человек**. Являясь частью человеческого организма, *дорога* представляется артерией, необходимой для жизнедеятельности индивида: *Дороги – артерии нашей экономики!* (КП, 18.10.2008). *Железная дорога – это кровеносная артерия, по которой идет экономика* (<http://www.tuvaonline.ru/2006/02/01/narusova.html>).

Метафорическая модель **спорт** реализуется словосочетанием “беговая дорожка”, где политические конфликты представляются спортивными соревнованиями, в которых победит более подготовленный и целеустремленный участник: *Все более нервные заявления, которые слетают с уст Юлии Владимировны в адрес Партии регионов, могут свидетельствовать об изможденности госпожи Тимошенко на беговой дорожке к цели, – отметила Герман* (ПК, 12.10.2007).

Метафора *дорога* часто реализуется в прецедентных текстах. Как отмечают исследователи, прецедентный текст представляет собой развернутую, преобразованную, гипертрофированную метафору, сравнение. По замечанию В.Б. Кашкина, в политическом дискурсе “прецедентный текст всегда формирует некий концепт, социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью” [Кашкин 2005, 344]. Этот факт подчеркивает особую значимость объективации *дороги* в конструкциях такого типа.

При анализе прецедентных текстов обращает на себя внимание изменение коннотативной оценки прецедентных высказываний. Так, например, средневековая пословица “Все дороги идут в Рим” получает свое явно ироничное продолжение и звучит так: *Все дороги ведут в Рим – а бездорожье к нам* (Д, 18.08.2004). Так же переосмысливаются и популярные военные пес-

ни (*Эх, путь-дорожка фартовая, не страшна нам проверка любая...* (Вечерняя Казань, № 175(2282), 02.11.2007), и названия советских кинофильмов (*Долгая дорога в визовых дюнах* (ЗН, 11-17.11.2006)), и фрагменты классической литературы (*Выхожу один я на политдорогу* (КИ, 06.06.2006)), и библейские речения и высказывания (*Благими намерениями выстлана дорога к стабильному нефтерынку* (ЗН, 15-21.10.2006)).

Таким образом, проведенный анализ подтверждает многокомпонентность структуры концепта *дорога* и возможность его реализации в метафорических значениях. Образы, формируемые признаками данного концепта, многоаспектны и обычно сопровождаются различной оценкой. Изменение семантики слова проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где *дорога* приобретает новые семантические признаки. Эти признаки и помогают открывать в слове метафорические значения. Столкновение политических мнений и убеждений приводит к негативной оценке современных реалий, что подтверждается доминированием лексем с негативной коннотацией.

Исследование метафор в политическом дискурсе намечает новые перспективы раскрытия его когнитивных механизмов и установления доминирующих метафорических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки

динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 3–17.

2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / Баранов А.Н. – М.: Изд. Едиториал УРСС. – 2001. – 360 с.

3. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. – М.: Знание, 1991. – 42 с.

4. Баранов А.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. – М., 1991. – 193 с.

5. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе. Монография / Будаев Э.В., Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006. – 213 с.

6. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 337–353.

7. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Сер.9. Филология. – 2001. – №6. – С. 132–149.

8. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / Серио П. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: [пер. с фр. и португ.]. – М.: Прогресс, 2002. – С. 337–383.

9. Скребцова Т.Г. Современные источники политической метафоры: три источника и три составные части // <http://filologija.vukhf.lt/6-11/doc/1.2%20Skrebtsova.rtf>. – 12.08.2008.

10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена аналізу функціонування метафоричних значень ключових одиниць в політичному дискурсі. Розглянуто когнітивні моделі метафоричних процесів в політичному тексті.

Ключові слова: політичний дискурс, політичний текст, ключове слово, метафора, концепт.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу функционирования метафорических значений ключевых единиц в политическом дискурсе. Рассмотрены когнитивные модели метафорических процессов в политическом тексте.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, ключевое слово, метафора, концепт.

SUMMARY

The article considers the analysis of functioning of metaphorical meanings of key units in political discourse. The cognitive models of metaphorical processes in political text are examined in the article.

Key words: political discourse, political text, key word, metaphor, concept.

УДК81”367.635+811.161.1+81”42

Н.С.Минина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЧАСТИЦ В РУСИСТИКЕ

Цель данной статьи – выделить основные проблемы грамматического описания частиц в русистике XX в. и на современном этапе. В современном языкознании практически не изученным остается вопрос транспозитивных

слов. Функциональная грамматика позволяет рассматривать каждую часть речи с точки зрения теории поля. Полевая структура многих частей речи при этом остается неописанной. К таким частям речи можно отнести и частицы. Прежде чем пе-

рейти к такому исследованию, необходимо выявить проблемы описания частиц как класса слов, которые существуют в современной русистике. Этим, на наш взгляд, определяется актуальность нашей работы. Перспективой данного исследования является описание транспозитивных слов и частиц с точки зрения полевой теории (теории грамматического поля).

Частицы как класс слов упоминались еще в древних грамматиках, однако и в современном языкознании существует ряд проблем, связанных с их описанием. Так, дискуссии в отношении того, выделять ли частицу в отдельную категорию слов, не прекращались вплоть до середины XX в. Ведущие ученые-лингвисты разошлись во мнениях в этом вопросе. Неоднократно в специальной литературе подчеркивалась сложность и таксономическая неясность этого класса. Положение частиц в системе частей речи является двояким: частицы с одной стороны тяготеют к категории слов и словоформ, а с другой – сохраняют черты морфемы.

В конце XIX - начале XX вв. А.М. Пешковский наметил проблему промежуточного статуса частиц, называя их промежуточным классом между морфемами и частями речи. По мнению ученого, в “разрядах частиц (“усилительных служебных слов”) есть много слов, стоящих как бы посередине между частичными и полными словами и заключающих в себе, кроме усиления, еще какой-нибудь самостоятельный оттенок” [Пешковский 2007, 97]. Он называет их “оторвавшимися от основ аффиксами, свободно перемещающимися по поверхности языка” [Пешковский 1938, 67].

Говоря о классификации служебных частей речи, ученый разграничивал несколько разрядов частиц. Так, выделяются “усилительные служебные члены (как “даже”, “ведь” и т.д.), отрицательные служебные члены (“не” и “ни”), повелительные служебные члены (как “ка” в “дай-ка”, “пусть”)” [Пешковский 2007, 97].

Позднее, в 60-х годах XX в. в рамках дискуссии о частях речи, многие другие ученые касались вопроса о статусе частиц. В.В.Виноградов, выделяя “части речи” и “частицы речи” (соответственно знаменательные и служебные части речи в современной терминологии), относит частицы к “частицам речи”. Ученый разграничивает *частицы в собственном смысле* и *частицы-связки*. Описанию частиц он посвящает отдельный раздел в работе “Русский язык (Грамматическое учение о слове)”, где использует термин “частица” в общем и частном значении. “Частицами в собственном смысле” ученый называет “частицы речи”, к которым относятся, по его мнению, “...все классы так называемых “служебных”, “формальных” или “частичных слов”...” [Виноградов 1986, 544].

Частицы в частном значении – это, по словам В.В. Виноградова, “классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вно-

сят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических <...> отношений” [Виноградов 1986, 545].

В.В.Виноградов выделяет восемь основных разрядов частиц:

- 1) усилительно-ограничительные (выделительные);
- 2) присоединительные;
- 3) определительные;
- 4) указательные;
- 5) неопределенные;
- 6) количественные;
- 7) отрицательные;
- 8) модально-приглагольные.

Ученый говорит о размытости границ класса частиц, подчеркивая, что “класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются и развиваются новые, гибридные типы частиц” [Виноградов 1986, 546]. В.В.Виноградов выделяет в отдельную группу модальные частицы, подчеркивая, что некоторые из них “представляют собой переходный тип между модальными словами, наречиями и усилительно-ограничительными частицами” [Виноградов 1986, 599]. Ученый отмечает, “что модальные частицы нередко однородны по своим функциям с лексически полновесными модальными словами и синтагмами. Эта общность функций сближает их в пределах одной грамматической категории” [Виноградов 1986, 601]. Внутри этого класса частиц В.В.Виноградов выделяет девять групп, классифицируя их с этимологической точки зрения (по исходной части речи): образовавшиеся от различных глагольных форм древнерусского языка, местоименного, наречного происхождения, союзно-наречные, срращения различных сочетаний слов с частицами. Процесс образования модальных частиц В.В.Виноградов называет естественным, “так как в нем отражается расширение формально-синтаксических функций категории модальности” [Виноградов 1986, 601].

Как и А.М.Пешковский, В.В. Виноградов выражает мнение о “промежуточном” положении частиц. Ссылаясь на работу В.Н.Сидорова “Очерк грамматики русского литературного языка”, В.В. Виноградов подчеркивает, что “по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами-приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов” [Виноградов 1986, 545]. Рассматривая класс неопределенных частиц, В.В.Виноградов отмечает, что “частицы этого рода в языке являются, в сущности, словообразовательными элементами. Некоторые из этих частиц уже стали агглютинативными морфемами (например: то, либо,нибудь) <...> [Виноградов 1986, 548]. Ученый подчеркивает, что “в грамматическом строе частиц обнаруживается множество переходных

типов от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами, близкими к наречиям, тут встречаются агглютинативные частицы, уже теряющие свою иллюзорную самостоятельность “частичного слова” и почти превратившиеся в прилепы, в агглютинированные префиксы или суффиксы” [Виноградов 1986, 554]. Также В.В.Виноградов подчеркивает, что “превращение частиц в агглютинативные морфемы связано с ограничением свободы их передвижения по предложению. По мнению ученого, “прикрепление частицы к определенному месту и к определенной категории слов является преддверием ее перехода в “прилепу”, в агглютинативную морфему” [Виноградов 1986, 554].

Уделяя внимание проблеме классификации частиц и их положению в языке, В.В.Виноградов, по сути, с одной стороны предложил выделить частицы как отдельную часть речи, разработал их полную классификацию, а с другой – затронул вопрос о промежуточном положении частиц и размытости границ этого класса слов.

Особенность частиц как функционального класса одним из первых выделил Л.В. Щерба. Он отмечает, что “некоторые слова никуда не подойдут, – значит, они действительно не подвоятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, вводные слова, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию... Разные усиительные слова вроде даже, ведь, и (= “даже”), слова отчасти союзного характера вроде итак, значит и т.п. тоже никуда не подвоятся нами и остаются в стороне” [Щерба 1974, 81].

О “промежуточном” положении частиц говорил и В.В. Жирмунский. Ученый также выделил черты частиц, сближающие их как с категориями слов и словоформ, так и с морфемой. В работе “О природе частей речи и их классификация” указывает на то, что “частицы” были выделены уже древними грамматистами и действительно представляют грамматическое образование особого рода, занимающее промежуточное место между служебными словами и морфемами как частями слова (...). С теми и другими они сближаются отсутствием лексической самостоятельности и грамматической функцией; но в отличие от морфемы как части слова они обычно сохраняют известную подвижность и не имеют структурной связи с определенным словом; в то же время, подобно морфемам, они не обладают даже минимумом лексического содержания, которое имеют предлоги и союзы (в, на – и, или и др.) как слова, хотя и служебные.” [Жирмунский 1968, 11].

Н.М. Александров также указывает на промежуточное положение частиц в системе частей речи. Однако он, в отличие от В.В.Виноградова, А.М.Пешковского, В.М. Жирмунского, отмечает, что частицы тяготеют больше к словоформам, нежели к морфемам. По мнению лингвиста, частицы “могут быть заменены полными словами и сочетаниями из них. Тем самым, проявляется свойство частиц, которое мы могли

бы назвать “местоименностью” [Александров 1968, 113].

А.Н. Тихонов выделяет частицу как отдельную часть речи, относя ее к служебным словам. По его мнению, “частицы – это служебные слова, которые сообщают разнообразные смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные значения словам, частям предложения и всему высказыванию” [Тихонов 2002, 436]. Ученый классифицирует частицы как имеющие смысловые значения, эмоционально-экспрессивные частицы и модальные. Кроме этого, частицы классифицировались им как словообразующие и формообразующие. Как и многие его предшественники, которые занимались проблемой описания частиц, А.Н. Тихонов также говорит о связи частиц с другими частями речи и подчеркивает размытость границ данного класса слов: “Границы частиц как особой, самостоятельной части речи пока точно не очерчены. В словарях они сплошь и рядом смешиваются с наречиями, модальными словами, категорией состояния, союзами. Предстоит еще многое сделать, чтобы выявить их существенные черты и отграничить от слов остальных частей речи” [Тихонов 2002, 442].

Говоря об определении частиц в современном языкознании необходимо отметить точку зрения авторов “Русской грамматики-80”. Так, в разделе “Русской грамматики-80”, посвященном морфологии, выделено три служебные части речи – предлог, союз, частица. Частицы определены как “лексически несамостоятельные слова, служащие для выражения синтаксических и модальных значений, а так же для образования аналитических форм” [Русская грамматика, Т1 1980, 643]. Частицы включают классы слов, которые не имеют самостоятельного реального значения, а служат для выражения различных грамматических отношений и вносят дополнительные оттенки в значения других слов, словосочетаний, предложений [Русская грамматика, Т1 1980, 723].

В современной лингвистике принято узкое понимание термина *частица* как одной из служебных частей речи. К частицам относят служебные слова, вносящие дополнительные логико-смысловые, модальные или эмоционально-экспрессивные оттенки в значение отдельных слов, словосочетаний и предложений, а также служащие для слово- и формообразования [Озерская 1989, 43].

Что касается вопроса о грамматическом статусе частиц, то он остается открытым и на сегодняшний день. В разное время к этой проблеме обращались ведущие ученые-лингвисты современности, среди которых В.В. Бабайцева, В.Н. Мигирин, Е.М.Сидоренко, и многие другие. На наш взгляд, наиболее подробные исследования частиц как класса на сегодняшний день принадлежат Т.Н. Николаевой, которая посвятила этой проблеме ряд работ. В статье “Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и

его семантическая цельность (к вопросу о функции русских частиц)» она рассуждает о возможности квалификации частиц как особого функционального класса. При этом отдельное внимание уделяется описанию особых признаков частиц: усилительности, экспрессивности, акцентированию, модальности, свойству частиц как рематизаторов. Автор оспаривает выделение многих из этих признаков как классифицирующих (усилительность, экспрессивность, модальность). При этом Т.Н. Николаева отмечает свойство частиц быть рематизаторами: «Свойство – как бы приписывать к сказанному некоторое необязательно где-то высказанное, но обязательное для данного социума дополнение, столь же явное и коммуникативно общее, хотя бы и имплицитное, можно считать основным функциональным свойством частиц <...>» [Николаева 1982, 53]. Т.Н. Николаева также говорит о «двуликости» частиц, которая выражается, по ее мнению, «в их способности формировать скрытое, «теневое» высказывание, различным образом соотносящееся с исходным» [Николаева 1982, 55]. Промежуточное положение частиц как класса также рассмотрено ученым. Так, подчеркивается возможность контекстуальных ситуаций, когда частица сближается с союзом (когда частица связывает по смыслу два контактирующих высказывания), а также сближение частиц с местоимениями («артиклеобразность и дейксис») [Николаева 1989, 60].

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что проблема статуса частиц на сегодняшний день не разрешена. В языкознании закрепились точки зрения о том, что частицы – это «гибридный класс», располагающийся «между модальными словами и наречиями, с одной стороны, и союзами – с другой» [Озерская 1989, 47]. Соглашаясь с Т.Н. Николаевой отметим, что размытость семантики частиц, обусловленная двумя их свойствами: наличием у них общего инвариантного значения и шкалярности их семантики в тексте, при которой сложно, при плавно переходящих друг в друга значениях, говорить даже о полисемии, не только об омонимии, – предполагает глобально-функциональный подход к анализу данных единиц, при котором слово анализируется в целом, но выявляются контекстуальные проявления семантических различий. По нашему мнению, это может быть од-

ним из возможных продуктивных направлений исследования частиц. Данное же исследование позволяет в перспективе рассматривать частицу как класс с точки зрения полевого и функционального подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н.М. К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках. // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов – Л.: Наука, 1968 – С. 109-110.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : Учеб.пособие для вузов / Отв.ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш.шк., 1986. – 640 с.
3. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации.// Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов – Л.: Наука, 1968 – С. 11-12.
4. Николаева Т.Н. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (к вопросу о функции русских частиц) // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста – М.: Наука, 1982. – 89 с.
5. Озерская В.П. Изучение морфологии на синтаксической основе: Книга для учителей. – М., 1989 – 78 с.
6. Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды: Учеб.пособие/ А.М.Пешковский; Сост. и науч. Редактор О.В.Никитин. – М.: Высшая школа, 2007. – 800 с.:
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
8. Русская грамматика. Т.1. – М.: Наука, 1980.
9. Стародумова Е.А. Акцентуатирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974, 20 с.
10. Тихонов А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). – М.: Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
11. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т.1. – Л., 1958
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена проблемі опису часток як граматичної категорії в русистичі ХХ-ХХІ ст. Подаються точки зору провідних вчених-лінгвістів даного періоду щодо питань функціонування даного класу слів, виділення часток в якості окремої частини мови, визначення їх меж. Окреслені перспективи дослідження часток як граматичного класу.

Ключові слова: частка, граматична категорія, межі частин мови, семантичний аспект, морфологічний аспект, функціональний клас.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме описания частиц как грамматической категории в русистике ХХ-ХХІ вв. Представлены точки зрения ведущих ученых-лингвистов данного периода по вопросам функционирования данного класса слов, выделения частиц в качестве отдельной части речи, определения их границ. Намечены перспективы исследования частиц как грамматического класса.

Ключевые слова: частица, грамматическая категория, границы частей речи, семантический аспект, морфологический аспект, функциональный класс.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of functioning particles as grammatical category in Russian linguistics of 19-20 centuries. Points of view of prominent researchers of the given period as for problems of the given grammatical class functioning, distinguishing of particles as separate part of speech, and defining their boundaries have been presented. The prospects of investigation particles as a part of speech have been outlined.

Key words: particle, grammatical category, boundaries of parts of speech, semantical aspect, morphological aspect, functional class.

УДК 811.161.1+81.42

Е.М.Юрченко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РЕБЕНКА-ЖЕРТВЫ В РАССКАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО “МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ”

Любое художественное произведение, являясь эстетически организованной формой искусства и сферой реализации творческого потенциала писателя, становится ключом к раскрытию художественного мира писателя. И лишь скрупулезный “анализ форм, установление новаторских приемов и принципов изображения, выявление в словесной ткани произведения тех узлов, тех фигур, тех оригинальных черт, которые одновременно манифестируют пережитой опыт и его реализацию” [Гулак 2007, 9], позволит постичь художественный замысел автора.

Анализируя образную систему, созданную автором, можно воссоздать его мироощущение, его картину мира, т.к. любой художественный образ – порождение художественного текста, следствие особого осмысления реалий действительности автором и воплощение его творческого восприятия в рамках художественного произведения. В данной работе мы используем определение художественного образа, предложенное В.В.Виноградовым: “образ, воплощенный в словесной ткани литературно-эстетического объекта, созданный из слов и посредством слов” [Виноградов 1963, 102]. Художественные образы, изучаемые в контексте литературного произведения, могут быть рассмотрены “или в их отношении к строю и композиции литературного произведения, или даже в отношении к целому направлению в развитии литературы или еще шире – в далекой сравнительно-исторической перспективе” [там же].

Задача данного исследования состоит в изучении образа ребенка-жертвы в рассказе Ф.М. Достоевского “Мальчик у Христа на елке”. В перспективе исследования мы предполагаем изучить другие образы детей, реализованных в его художественном наследии. Это позволит нам воссоздать единый художественный образ ребенка в мире писателя, с одной стороны, и выявить отношение автора к теме детства, с другой.

В исполненном драматизма и трагизма художественном мире Достоевского тема детства занимает важное место – она проходит контрапунктом по всему творческому наследию писателя. Воссоздавая детское мировосприятие и самосознание, Достоевский тем самым показыва-

ет другое (детское) мировидение. В художественных произведениях писателя чистый, невинный и наивный мир ребенка противопоставляется деформированному, в силу сурового опыта жестокой жизни, миру взрослых.

Выделенная М.М. Бахтиным идея двоемирия, двоединства и двуликости образной системы Достоевского [Бахтин 1972, 112] ярко прослеживается в детских образах его произведений. Создавая образы детей, Достоевский показывает мир в перспективе. В художественном творчестве мастера слова не представлена архетипическая пара “ребенок – взрослый” (термин Е.Г. Рудневой [Руднева 2008, 21]), а дается развернутая картина параллельного развития взрослого и детского мира и мировосприятия. Образы Достоевского – образы не закрытые, а открытые. Писатель не показывает четко сформированное сознание ребенка, как монолитное вещество, – он показывает предполагаемые пути его развития. В образах детей Достоевский актуализирует те черты характера, которые дадут свое развитие в будущем и сформируют образ взрослого человека.

В рассказе Достоевского “Мальчик у Христа на елке” создается образ ребенка-жертвы и актуализируется идея реальности существования таких детей как результата равнодушия общества. Анализ данного рассказа показывает авторское восприятие детей как существ особенных и неопределенных по сравнению со взрослым человеком, с одной стороны, и авторское понимание жертвы, – с другой.

По своей структуре это произведение представлено двумя взаимосвязанными частями: рассказ о реально существующем мальчике “Мальчик с ручкой” и рассказ об иллюзорно существующем мальчике “Мальчик у Христа на елке”. В экспозиции рассказа “Мальчик с ручкой” представлена авторская характеристика детей:

Дети странный народ, они снятся и мерещатся [Достоевский т.10, 1955, 359]

В данном высказывании выражено исходное представление автора о детях как о чем-то странном и не вполне реальном. Предикат *странный народ* предопределяет ощущение нереальности существования детей, которая выраже-

на семантикой глаголов *снятся* и *мерещатся*, значение которых подразумевает ирреальность существования чего-либо.

Повествование в рассказе “Мальчик у Христа на елке” ведется от первого лица, нарратор – автор-хроникер, который оценивает описываемые события со стороны.

Перед елкой и в самую елку перед рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. ...Он ходил “с ручкой”; это технический термин, значит – просить милостыню. [Достоевский т.10, 1955, 359]

Из первого высказывания видно, что события рассказа разворачиваются в пределах нескольких дней, и затрагивают период Рождества – период радости и чудес: *Перед елкой и в самую елку перед рождеством*. Выбранный автором временной срез событий позволяет показать жизнь детей-жертв в действительном мире, и их существование в ирреальном мире, “у Христа на елке”. Типичность детского нищенства передается несовершенным видом глагола *встречал* значение которого включает семантику повторяемости, и словом *все*, находящемся в препозиции. В следующем высказывании определяется возраст *никак не более как лет семи* и род деятельности персонажа *Он ходил “с ручкой”*. Авторское разъяснение термина *ходить “с ручкой”* находим в части высказывания *значит – просить милостыню*. Авторское сочувствие выражено уменьшительно-ласкательной формой существительного *ручка*.

Образ ребенка-жертвы показан в статике и в динамике. Композиционная модель рассказа позволяет показать жизнь мальчика в настоящем и предположить его жизнь в будущем, представив параллельно жизнь других, ему подобных детей. Как результат, образ ребенка-жертвы не отождествляется с одним персонажем – мальчиком, а становится шире и объемнее. Образ ребенка-жертвы становится собирательным – это и образ реального мальчика “с ручкой”, и образ нереально существующего мальчика “у Христа на елке”, и образы параллельно существующих в художественном пространстве рассказа детей. Данный образ ребенка-жертвы является сквозным – он повторяется в различных художественных произведениях Ф.М. Достоевского (“Братья Карамазовы”, “Идиот”, “Преступление и наказание”). Для описания образа ребенка-жертвы в данном произведении характерно отсутствие конкретизации личностных характеристик персонажа. В изучаемом рассказе нет четких характеристик мальчика: его портрета, имени и т.д.

Я узнал потом, что этих мальчишек тьма-тьмуца: их высылают “с ручкой” хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои [Достоевский т.10, 1955, 360].

Из данного высказывания видно, что подобных детей жертв – множество. Это передано фразеологической единицей *тьма-тьмуца*, (нео-

пределенное множество) Неопределенно-личное предложение *их высылают “с ручкой”*...и выражение *их ждут побои*, которые по сравнению с личными, выражают действие, навязанное со стороны, помимо его воли, передают идею отсутствия выбора у подобных детей.

Жизнь детей-жертв в будущем показана автором в следующем фрагменте:

Когда он подрастет, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но все, что он заработает, он опять обязан приносить к халатникам, а те опять пропивают. Под конец переносят все – голод, холод, побои, – только за одно, за свободу, и убегают бродяжить уже от себя [Достоевский т.10, 1955, 360].

Дальнейшая жизнь мальчика передается автором в первом предложении и конкретизируется личным местоимением *он*. В данном фрагменте наблюдается вариативность числа. В первом предложении местоимение *он* употреблено в обобщенном значении. Во втором предложении значение множественного числа грамматикализуется – находит формальное выражение в множественном числе окончаний глаголов *переносят, убегают*. Это позволяет автору предположить дальнейший способ существования мальчика. Таким образом, автор предсказывает жизнь мальчика в будущем, показывая жизнь других детей в настоящем.

Особый интерес вызывает словосочетание *бродяжить уже от себя*. Именно данное словосочетание позволяет увидеть трансформацию сознания персонажа в пределах данного рассказа. В начале рассказа автор показывает сознание персонажа у истоков бродяжнического образа жизни *...но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза – стало быть, лишь начинал профессию* [Достоевский т.10, 1955, 359]. Семантика наречий *невинно и непривычно и доверчиво* подчеркивает детскость и неосознанность действий персонажа. В конце рассказа мы видим уже другое сознание того человека, в которого может превратиться мальчик – это актуализировано словосочетанием *бродяжить уже от себя*, в котором передана осознанность действий персонажа.

В экспозиции рассказа “Мальчик с ручкой” автор показывает конечный результат подобного типа существования персонажа ребенка-жертвы.

Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли бог, есть ли государь... [Достоевский т.10, 1955, 360]

В данном высказывании автор дает характеризует образ ребенка-жертвы словосочетанием *дикое существо*. Семантика слова “существо” передает идею неопределенности, безликости (автор даже не называет его человеком), а семантика определяющего слова “дикое” передает идею изолированности данного ребенка от общества, и как результат, утрату им всех ценностей и верований.

Во втором рассказе “Мальчик у Христа на елке” при помощи текстовых категорий времени, пространства и в ходе взаимодействия с другими персонажами образ ребенка-жертвы расширяется.

В данном рассказе представлены два типа повествователя – автор-хроникер (повествование ведется от первого лица) и аукториальный автор (повествование ведется от третьего лица), что позволяет увидеть персонаж с разных сторон.

Но я романист, и, кажется, одну “историю” сам сочинил. Почему я пишу: “кажется”, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз [Достоевский т.10, 1955, 360].

В данном фрагменте, который композиционно локализован в зачине рассказа, подчеркивается иллюзорность существования персонажей и явлений, о которых будет вестись дальнейшее повествование. Автор непосредственно указывает на свой род деятельности, *я романист*, что позволяет ему прямо заявлять об вымышленности персонажей и ситуаций, им созданных: *одну “историю” сам сочинил*. Нереальность повествуемых событий подчеркнута глаголами *сочинил* и *мерещится*, значение которых предполагает ирреальность, а также неопределенными местоимениями *где-то, когда-то, каком-то* (автор не называет место и время происходящего).

В рассказе “Мальчик у Христа на елке” персонаж представлен в трех пространственных пластах, что позволяет увидеть жизнь мальчика до, во время и после происходящих с ним событий.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь – господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! [Достоевский т.10, 1955, 361]

В данном фрагменте противопоставляются два места пребывания персонажа. Противопоставление пространств осуществляется при помощи местоименных наречий *там* и *здесь*. Противопоставление актуализируется при передаче автором эмоционального и физического состояния мальчика в различных местах. Эмоциональное состояние восторга от места, в котором мальчик находится в настоящий момент, передано в высказываниях *Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого*. Восхищение передано автором как синтаксически, так и лексически. Пер-

вое высказывание оформлено как восклицательное предложение. Во втором высказывании положительные эмоции мальчика переданы отрицаниями *никогда, ничего* и частицей *не*. Через отрицание передается максимальная степень восхищения увиденным. Место, в котором мальчик находился ранее не вызывало у него такого восторга. Это особенно видно при противопоставлении автором различных мест по признаку света/тьмы *Там ... такой черный мрак, один фонарь на всю улицу \ здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз!* Особенно ярко противопоставляются два различных физических состояния персонажа в высказывании *Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь – господи, кабы покушать!* Противопоставление осуществляется при помощи противительных союзов *а, но* и указательных местоимений *там\здесь*. Данное высказывание отличается тем, что в нем совмещены два типа повествования, – автор-хроникер передает физическое состояние мальчика *ему давали кушать*, а аукториальный автор передает эмоциональное состояние *господи, кабы покушать!* Именно смена повествователей позволяет увидеть мальчика в разное время и с разных сторон.

Анализ языковых средств создания персонажей в рассказе Достоевского “Мальчик у Христа на елке” показал, что образ ребенка жертвы – образ двойкий. С одной стороны – это образ реального мальчика, который создается как семантическими, так и синтаксическими средствами. С другой стороны образ ребенка-жертвы – это образ нереально существующего, выдуманного нарратором мальчика, образ которого связан со спецификой текстовых категорий пространства и времени, а также сменой повествовательных планов. В перспективе исследования – анализ языковых средств создания образа ребенка-жертвы в произведении Достоевского “Братья Карамазовы”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит-ра, 1972. – 468 С.
2. Гулак А.Т. О стилистике русской прозы. К.: 2007. – 212 С.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти томах, Т. 10, М.: Худ. лит-ра, 1958, с. 359-364
4. Руднева Е.Г. Поэзия и поэтика детства в творчестве И.С. Шмелева // Русская словесность. – 2008. – № 6. С 20-22.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджуються особливості створення образу дитини-жертви у оповіданні Достоевського “Мальчик у Христа на елке”. Аналізуються мовні засоби створення образу, виділяються основні художні прийоми письменника та виявляються їх функції у оповіданні.

Ключові слова: художній образ, дитина-жертва, мовні засоби.

АННОТАЦИЯ

В статье изучаются особенности создания образа ребенка-жертвы в рассказе Достоевского “Мальчик у Христа на елке”. Анализируется ряд языковых средств создания образа, а также выделяются основные художественные приемы писателя и их функции в рассматриваемом произведении.

Ключевые слова: художественный образ, ребенок-жертва, языковые средства.

SUMMARY

The article is devoted to the problems of character creation in the story “Мальчик у Христа на елке” by Dostoevsky. The linguistic means of character creation are analyzed in the present work. Individual author's methods and their functions in the story analyzed are also emphasized in the article.

Key words: character, child-victim, linguistic means.

УДК 811.16: 81-115: 81'442: 81'37: 81'28

И. Н. Нечитайло

СЕМАНТИКА РУССКИХ ДЕВЕРБАТИВОВ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Как свидетельствуют многочисленные труды последних десятилетий по славистике, взгляды ведущих специалистов нередко были сосредоточены на архаичной диалектной лексике славянских языков. Так же активно обращались и обращаются к праславянской диалектологии лингвистическая география и этимология [Трубачев 1987; Варбот 1976; Вендина 1998; Куркина 1993; Куркина 1980; Мартынов 1977]. Важнейшей составной частью исследований в этой сфере можно назвать глубокое изучение тех или иных диалектов в общеславянском контексте и выявление их связей с другими славянскими диалектами. Особенно широкие перспективы в изучении истории современных славянских языков, в частности диалектной основы праславянского языка, открывает обработка праславянских элементов в словарном составе отдельных ареалов каждого языка. Ареалогический анализ распространения рефлексов праязыка в определенных диалектах позволяет судить о продолжительных диалектных связях в эпоху, предшествовавшую формированию отдельных славянских языков.

Целью данного исследования является определение корпуса праславянских диалектизмов отглагольного происхождения с субъектным значением, представленных в русском языке, и семантических способов их образования. Опыт работы с архаичной лексикой славянских языков позволяет определить праславянские диалектизмы как присутствующие в периферийных диалектных зонах славянского мира рефлекс праязыка, сохранившие неизменными свои фонетические, морфологические и семантические характеристики [Нечитайло 2007, 156–157].

Обращение к девербативной лексике не случайно. Сложность глагольных основ состоит в том, что их когнитивная модель построена как аналог определенного рода деятельности – биологической, физиологической и т.д. – и содержит элементы: 1) ядерный (вид действия), 2) тот, кто дей-

ствует или является источником этого действия (субъект), 3) средство действия (инструмент), 4) предмет, на который оно направлено (объект), 5) цель действия. Темпоральная локализация (время действия) и пространственные параметры (место действия) являются, согласно теории Е. С. Кубряковой, более отдаленными от семантического ядра глагола элементами [Кубрякова 1999, с. 87–88]. Жестко закреплен в структуре глагольной основы ядерный компонент, а все последующие при метонимической трансформации способны активизироваться и изменять свой статус среди других элементов. Основной механизм семантико-словообразовательной деривации девербативных имен – смена актуализации, т.е. веса одного из элементов. В этом состоит смысл семантических трансформаций глагольных праслов, способных в процессе наименования воссоздавать в сознании более сложные и развернутые структуры.

Этимологический анализ лексем субъектной семантики, образованных в праславянский период от глагольных основ, позволяет установить ареальную отнесенность рефлексов данных архаизмов в русском языке и определить их семантико-словообразовательную специфику. Для изучения особенностей образования данной лексики представляется целесообразным осуществить наблюдение за ней по лексико-семантическим группам исходных глаголов. Специфика праславянских диалектизмов русского языка состоит в семантике глагольных основ, мотивировавших данные имена, и в способах образования отглагольных имен.

Глаголы, мотивировавшие в праславянскую эпоху существительные со значением деятеля, континуанты которых стали принадлежностью северорусских и среднерусских диалектов, условно можно отнести к семантическим группам воздействия, перемещения и состояния.

Например, праславянский глагол воздействия *legati, продолжающий и.-е. *leig- [ЭССЯ,

в. XV, 54–55], проявил словообразовательную активность в направлении формирования названия субъекта действия. Имя праслав. *lega «бедро; лягушка», производное от праслав. *legati по семантическому типу «действие» > «субъект действия» либо, параллельно, «действие» > «орудие действия». По определению этимологов, этот deverбатив является экспрессивной по своей природе лексико-семантической инновацией, основанной на глагольном значении «бить, колотить, колебаться из стороны в сторону» [ЭССЯ, в. XV, 53–54]. Рефлексы праслав. *lega фиксируются в русск. диал. *ляжга* «бедро, ляжка» (тульск., новг., волог., свердл.), *ляжгаж* «лягушка» (тульск., калужск.) [Даль 1981, т. II, 740; СГ, в. 17, 254].

Глагольные варианты праслав. *morskati / *morzgati / m^rЯskati, значившие «стегать, бить» [ЕСУМ, в. III, 517], мотивировали в праславянском периоде субъектное название *morzga, сохранившееся лишь в русских диалектах: русск. *морозга* «бус, бусенец, ситуха, ситовник, самый мелкий дождь» (северн.) [Даль 1981, т. II, 348], *морозга* «мелкий дождик» (арханг.) [Опыт 1852, 116], *морозга* «мелкий с изморозью дождь» (арханг., волог., сев.-двинск., твер.) [Подвысоцкий 1885, 92], «дождь со снегом» (арханг.) [СГ, в. 18, 270; ЭССЯ, в. XX, 5–7]. Общим для всех отглагольных имен является редукция в их структуре ядерного компонента «действие» с актуализацией субъектных элементов, благодаря чему они приобрели значения «тот, кто осуществляет действие», «деятель». Как указывают авторы Этимологического словаря славянских языков, перед нами исключительно русское, причем диалектное, образование. Традиционно эта лексема включается в большую группу родственных дериватов: *mogga (польское название реки Mroga), *mьrgась «мелкий дождь», *mьrgota «туман», *mьrgoliti «моросить». За пределами славянских языков следует отметить обширный балтийский материал соответствий: латышск. megmga, margga, mьrga «тихий дождь», лит. mirge «мигать», margas «пестрый» и др. [ЭССЯ, в. XX, 5].

Благодаря форманту *-eja* от глагола воздействия праслав. *muliti возникло deverбативное имя – название исполнителя действия праслав. *muleja. Его рефлекс выявлен в русском вятском говоре русск. диал. *муляж* общ. р. «тот, кто портит какую-либо вещь или шалит чем-либо» (вят.), «бездельник, заманивающий других на какое-либо плохое дело» [Даль 1981, т. II, 937]. С этим дериватом можно сопоставить укр. *Мулейки* – гидроним, образованный, вероятно, от основы праслав. *muleja, функционировавшего в древних диалектах, предшествовавших украинскому языку.

Семантическое развитие глагола поверхностного воздействия праслав. *mazati «мазать», произошедшего от и.-е. *magm- «месить, обмазывать», обусловило появление очередного deverбатива, зафиксированного в ряде диалектных зон русского языка. Зафиксированные в смоленских говорах русск. диал. *мазик* «льстец, подлиза» [СГ, в. 17,

196] и в Новгороде XVI в. личное имя крестьянина *Мазик* свидетельствуют о том, что именно эти диалектизмы продолжают праформу праслав. *mazikъ, которая происходит от праслав. *mazati и относится к разряду названий субъекта действия.

Ремесленный термин праслав. *tъkati с участием форманта *-aja* обусловил появление названия профессии праслав. *tъsaja. Рефлексы данного deverбатива отмечены Ж. Ж. Варбот в русск. диал. *точеяж* (арханг.), *тчеяж* (нижегор.) [Даль 1981, т. IV, 408; Варбот 1976, 42].

Особое внимание привлекают deverбативы, мотивированные глаголами, принадлежащими одновременно к двум семантическим группам – воздействия и перемещения. Экспрессивным образованием с суффиксом *-yga* от глагола праслав. *loviti «стараться схватить то, что движется» является диалектно ограниченное в настоящее время праслав. *lovuga, объединившее в своей структуре элементы значения «деятель», «объект» и «орудие действия»: русск. диал. *ловыжга* муж. и жен. р. «шумовка, которой вынимают пельмени из бульона» (свердл., перм.), «о ловком человеке, умеющем из всего извлекать выгоду» (нижегор., новг., волог., владим., сев., вост.), «о коне, корове, овце, любящих пастись в поле» (волог.) [СГ, в. 17, 103]. О давнем распространении данного слова на большей территории свидетельствует производное белор. *Лавыгін*, фамилия [Бірыла 1966, 240].

Глагол перемещения праслав. *mesti «крутиться, мести» [Berneker 1925, 40–42; Фасмер 1987, т. II, 611, 614; Schuster-Sewc. в. 12, 926–927] (от первичного праслав. *met-ti с формой настоящего времени *metob), присутствующий во всех славянских языках, выводится из и.-е. *met- «бросать» [ЕСУМ, т. III, 446–447]. Предлагается целесообразным считать наиболее близкими к этим глаголам в семантическом и временном плане имена, сохранившие элементы значения «перемещение» и «воздействие». Именно таким, т.е. унаследованным от праславянского языка (праслав. *metuxa), на наш взгляд, следует считать русск. *метуха* «легкая метель», зафиксированное во владимирском говоре [Даль 1981, т. II, 839; СГ, в. 18, 142].

Результатом семантического преобразования глагола состояния праслав. *botzti при участии суффикса *-unъ* является название субъекта действия праслав. *bъtunъ. Деривативные процессы на базе значения «расти» обусловили значение «тот, который растет», или «субъект действия». Праслав. *bъtunъ отмечено в русском языке как диал. *ботун* «растение Allium altaicum, горный алтайский лук» (сибирск., уфимск.), «растение Allium schoenoprasum, лук-сеянец» (перм.), «лук перечный, иногда стрелчатый» (костр., перм.), *бутун* «мелкий репчатый лук, сеянец» (рязан.) [СГ в. 3, 138].

Как свидетельствуют данные о многочисленных диалектизмах русского языка с субъектным значением, принадлежавших праславянской эпо-

хе, те из них, которые были мотивированы глаголами физического действия, подверглись специфическим деривативным процессам. Сущность семантических преобразований глагольных основ состоит в деактуализации интегральных элементов значения и повышения семантического веса элементов субъекта действия. Основы глаголов физического воздействия, перемещения и состояния при участии соответствующих формантов обусловили появление названий животных и растений, орудий труда, занятий и характеристик человека.

Зонами, демонстрирующими в русском языке наибольшую концентрацию архаизмов с субъектным значением, являются северорусские – вологодские и костромские говоры (с иррадиацией в архангельские, пермские, ленинградские); среднерусские – новгородские, псковские, калининские (с иррадиацией в (точечно) рязанские, тамбовские и томские, новосибирские говоры).

Перспективными направлениями в сфере изучения данного сегмента русской лексики, на наш взгляд, могут стать поиски соответствий праславянским диалектизмам русского языка как в других славянских языках, так и за пределами Славии. Лингвогеографическая характеристика большинства рассмотренных способов образования и распространения праславянских диалектизмов с семантикой деятеля поможет установить позднепраславянские контакты, ставшие следствием совместного проживания или общего происхождения диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
2. Варбот Ж. Ж. Вариантность суффиксальной структуры в однокоренных славянских именах и реконструкция праславянского лексического фонда // Вопросы языкознания, 1976. – № 6. – С. 33–49.
3. Вендина Т. И. Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков / Отв. ред. акад. О.Н.Трубачев. – М.: Наука, 1998. – С. 130–147.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.; М., 1880 (переизд. фотоспособом. – М.: Русский язык, 1981).
5. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7-ми т. // За ред. О. С. Мельничука. – К.: Наук. думка, 1982–2007. – Т. 1–5.
6. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический

анализ языка. Модели действия / Ин-т языкознания РАН / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1992. – С. 84–90.

7. Куркина Л. В. Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка // Славянское языкознание. XI Межд. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. акад. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1993. – С. 36–46.

8. Куркина Л. В. Словенско-западнославянские лексические связи // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 331–338.

9. Мартынов В. В. Семантические архаизмы на южнославянской языковой периферии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 180–185.

10. Нечитайло И. Н. Праславянские диалектизмы отглагольного происхождения в русском языке, их семантика и распространение / Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». – Т. 3. – Варна, 2007. – С. 156–160.

11. Опыт областного великорусского словаря, изданный II-ым отделением Императорской Академии наук. – СПб, 1852. – 275 с.

12. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: II отд. ИмпАН, 1885. – 197 с.

13. СБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе погранічча (1979–1986). – Мінск: Навука і тэхніка. – Т.2.

14. СГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1961–1999. – Вып. 1–33.

15. Трубачев О. Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // Русская региональная лексика XI–XVII вв. – М.: Наука, 1987. – С.17–28.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987.

17. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. I – XXXI. – М.: Наука, 1974 – 2007.

18. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. – B. I. – Heidelberg: Winter, 1925. – 760 s.

19. Schuster-Sewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. – Bautzen: Domovina, 1978–1996. – B. 1–5 (H. 1–24).

АНОТАЦІЯ

У статті розглянуто російські діалектні девербативні імена праслов'янського походження в територіальному, порівняльно-історичному та семантичному аспектах, проаналізовано їхні семантико-словотвірні типи.

Ключові слова: девербативна лексика, семантико-словотвірні типи, семантичні трансформації, праслов'янський діалектизм.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены русские диалектные deverbative имена праславянского происхождения в территориальном, сравнительно-историческом и семантическом аспектах, проанализированы их семантико-словообразовательные типы.

Ключевые слова: deverbative лексика, семантико-словообразовательные типы, семантические трансформации, праславянский диалектизм.

SUMMARY

The investigations of Russian dialectal verbal names of Proto-Slavic origin in territorial, comparative-historic and semantic aspects are presented in the given article. Their semantic and word-building types are analyzed.

Key words: verbal words, semantic and word-building types, semantic transformations, Proto-Slavic dialectism.

УДК 811.161.1'37

И.В. Бойко

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ ВЕРБАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ПОЭМЕ Н.В.ГОГОЛЯ “МЕРТВЫЕ ДУШИ”

Человек и его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения. Особый интерес лингвистов вызывает потенциал оценочной лексики (Н.Д. Арутюнова, Е.М.Вольф, Т.В. Маркелова, Т.А. Космеда и т.д.). Язык как феномен культуры фиксирует и отражает систему ценностей, настроения, оценки и ярче всего это проявляется на уровне лексики, так как “стремление все оценить, приписать всему определенное качество – это неотъемлемое качество русского менталитета, отражающееся и в языковом сознании, и в коммуникативном поведении русских” [Иванова 2005, 213]. И.А. Стернин считает, что русскому человеку свойственна “оценочность, любовь к высказыванию оценок людей и событий в процессе общения” [Стернин 1996, 104]. По мнению К.Касьяновой, “одним из составляющих русского этнического характера является “судейский комплекс”, а это означает постоянную необходимость оценивать свое и чужое поведение с точки зрения определенных эталонов и норм поведения, принятых в нашей культуре, стремление встать на “объективную” точку зрения, рассуждать и оценивать как бы от имени “другого лица” или “дела”, а также от имени некоторого целого, которое включает в себя оценивающего субъекта вместе с “другими лицами” и внешними обстоятельствами” [Касьянова 1994, 220]. Таким образом, оценочная деятельность как специфическая разновидность познавательной деятельности, прежде всего, направлена на человека.

По мнению А. Потебни, осмысление и изучение критериев оценки художественного текста является неотъемлемым фактором в его восприятии. Ученый считает, что в тексте литературного произведения автор выражает свое восприятие

мира и дает свою оценку окружающей действительности, побуждает читателя к рефлексии, оцениванию содержания текста, созданию своего “субъективного настроения”.

В “Авторской исповеди” Н.В.Гоголь так объясняет цель поэмы: “Мне хотелось, чтобы по прочтении моего сочинения, предстал как бы неволью весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно перед всеми другими народами...” и, “чтобы определить себе русскую природу, следует узнать по-лучше природу человека вообще и душу человека вообще: без этого не станешь на ту точку воззрения, с которой видятся ясно недостатки и достоинства всякого народа. С этих пор человек и душа человека сделались больше, чем когда-либо, предметом наблюдений” [Гоголь 1952; VIII, 442].

В поэме “Мертвые души” Николая Гоголя концепт “человек” является одним из ключевых и включает в себя авторскую оценку, в которой автор воплощает свое понимание человека. В тексте главный герой поэмы отвечает многим дескрипциям: *герой наш; господин средних лет; приезжий господин; приезжий гость; коллежский советник; помещик; барин; новое лицо; благонамеренный человек; благопристойный человек; дельный человек; заметный человек; очень порядочный человек; почтенный и любезный человек; приятный человек; хозяин; приобретатель; мошенник; чёртов сын; это был черт, а не человек* и т.д. Различные типы дескриптивных номинаций героя используются автором не только в целях идентификации, они носят частнооценочный характер, сочетающий

дескрипцию и оценку. Среди них мы можем выделить лексемы нейтральной окраски напр.: *поверенный, коллежский советник, помещик и т.д.*, обозначающие человека по профессии или по социальному статусу, из которых мы не можем получить полной информации о человеке. Они связаны с функциональным критерием номинации. Функциональные обозначения обуславливаются тем, что человек (объект оценки) может находиться одновременно в разнообразных отношениях (социальных, родственных, трудовых) с другими людьми и входить в многочисленные группы. Например, Чичиков в поэме предстает в роли *сына, ученика, чиновника, холостяка, покупателя* и т.п. К частным оценкам относим дескрипции, выраженные оценочными прилагательными, напр.: *благонамеренный человек, благопристойный человек, дельный человек, заметный человек и т.п.*, которые характеризуют объект с позитивной стороны и при этом прилагательное переносит акцент с лица на его свойства (*благонамеренный, дельный, заметный*).

Природа оценки бинарна, поскольку она рассчитана на противоположные компоненты: позитивное–негативное, добро–зло, прекрасный–безобразный, хороший–плохой и т.д. В тексте оценка выступает основным доминирующим компонентом значения номинаций человека и выполняет характерологическую и описательную функции. Субъектами и объектами оценивания выступают многочисленные герои “Мертвых душ”. Например, главный герой поэмы Павел Иванович Чичиков выступает в поэме одновременно объектом и субъектом оценки. Чичиков, как объект оценки, может в одном отношении характеризоваться положительными свойствами, а в другом – отрицательными. В речевой коммуникации с помещиками Чичиков дает себе такую самооценку, как *ничтожный человек и больше ничего, незначащий червь мира сего*, которая несет самоуничижительный характер, поскольку так легче расположить к себе малознакомых ему людей и выиграть рискованное предприятие.

Чиновники уездного города NN видят Чичикова как *человека*, обладающего способностями и высокими моральными качествами: *благонамеренный человек, дельный человек, ученый человек, знающий и почтенный человек, почтенный и любезный человек, любезнейший и обходительнейший человек*, “Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек” [Гоголь 1980,45]. В данном случае оценка реализуется оценочными прилагательными (*почтенный, любезный, любезнейший...*), окрашенными экспрессивными оттенками одобрения, восхищения, но которые в контексте приобретают “некую автоматичность и бездушность стереотипа” [Манн 1988, 293]. Полярной оценкой Чичикова является характеристика, данная помещиком Ноздревым “...ведь ты большой мошенник, Экой ты, право, такой! ...двуличный человек!... Дрянь же ты! Фетюк просто!... С

тобой никак нельзя говорить, как с человеком близким... никакого прямодушия, ни искренности!... Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия! Такой шильник, печник гадкий!” Такой тип эмоциональной оценки ориентирован на эмоционально-негативное отношение к объекту оценивания. Отрицательные качества как бы нанизываются одно на другое. Используются бранные слова, которые несут в себе пренебрежительную оценку, данную Чичикову напр.: *фетюк* – прост., устар. разиня, рохля, простофиля. *Фетюк* – слово обидное для мужчины, происходит от фиты, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою [СРЯ, т. IV, 560]; *ракалия* – прост. устар. бран. негодяй, мерзавец [СРЯ, т. III,637]; *шильник* – прост. устар. мошенник, плут [СРЯ; т. IV, 715]. *Экой ты, право, такой* – выражение имеет коннотативную окраску, которая в контексте приобретает семантику разочарования. Коннотативным образом выражена оценка, данная юноше Чичикову его учителем: “*Эх, Павлуша! Вот как переменяется человек! Ведь какой был благонравный, ничего буйного, шелк! Надул, сильно надул...*” [Гоголь 1980, 248] и здесь прослеживается все тот же мотив разочарования, обмана надежд. Отказ Чичикова помочь учителю товарищи по школе квалифицируют как нарушение этической нормы поведения человека. Они дают метко подмеченную, эмоционально выраженную оценку “*Эх ты, жила!*”, где *жила* (прост.) обозначает скупого, прижимистого человека; *скрягу* [СРЯ, т. I, 485].

Одним из важнейших субъектов оценки выступает сам автор, оценивая героя в художественном произведении. Его оценка строится на контрасте внешнего и внутреннего человека, низкого и высокого. Ю.Манн отмечает важность этого приема гоголевской поэтики “Обычные контрасты... Гоголь их обнажает, руководствуясь своим правилом: “Истинный эффект заключен в резкой противоположности; красота никогда не бывает так ярка и видна, как в контрасте”” [Манн 1988,289].

Автор, описывая Чичикова, даёт ему эстетическую, интеллектуальную и этическую характеристику. Н.В. Гоголь подчеркивает поведение на службе героя “*умел сохранить опрятность, порядочно одеться, сообщить лицу приятное выражение и даже что-то благородное в движениях*” [Гоголь 1980, 249] и тут же идет описание коллег “...палатские чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразием...”. Контрастность оценки раскрывает мотивы щепетильного отношения Чичикова к своему внешнему виду “*решился он жарко заняться службою, все победить и преодолеть*” [Гоголь 1980, 249], при этом “*самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное*” [Гоголь 1980, 249] для достижения карьерного роста. Потерпев неудачу на служебном поприще, Чичиков не останавливается. Автор отдает должное непреодолимой силе его характера: “*Надобно отдать справедливость*

непреодолимой силе его характера. После всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, в нем не потухла непостижимая страсть. Он был в горе, в досаде, роптал на весь свет... однако не мог отказаться от новых попыток. Словом, он показал терпение, перед которым ничто деревянное, ленивом обращении крови его. Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтоб набросить узду на все то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе. Он рассуждал...” [Гоголь 1980, 258]. С этой же целью он вырабатывает модель поведения, где оценивается его коммуникативная способность, основанная на знании человеческой психологии, расчетливости и хитрости, напр.: он искусно умел льстить каждому, сказал что-то очень лестное, намекнул как-то вскользь, приятно спорил и т.д. Оценочная коннотация накладывается на основное лексическое значение, выраженное в наречиях и глаголах (*искусно льстить, сказал лестное, намекнул вскользь и др.*).

Н.В.Гоголь часто расценивает поведение героя как поведение хищника: *пронюхал, умел за таить часть деньжонок, у него было просто собачье чутье*, но в тоже время “*Чичиков был самый благопристойный человек, какой когда либо существовал в свете*” в этом контексте *благопристойность* возводится до абсолюта и несет в себе черты гротеска.

Раскрывая “внутренний мир” героя, Н.В. Гоголь говорит о том, что раскрытие тайны души человека позволяет оценить человека совсем по-другому и выявить совсем не привлекательные стороны человеческой природы: “*Не загляни автор поглубже ему в душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает и прячется от света, не обнаружь сокровеннейших мыслей, которых никому другому не вверяет человек, а покажи его таким, каким он показался всему городу, Манилову и другим людям, и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека*”. И здесь роль автора заключается в обнажении человеческой сущности, в бесстрашном обличении пороков человечества “*К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду*” [Гоголь 1980, 265].

Таким образом, на страницах поэмы

“Мертвые души” концепт “человек” представлен целым рядом оценочной лексики, которая входит в его периферию. Объединяя в себе понятия из разных миров человека (реального/ирреального мира, мира ценностей, оценок эмоций и состояний), которые и определяют специфику индивидуально-авторской номинации человека в исследуемом произведении. Мотивом для оценки становится мертвенность души героя, порицание его поведения и поступков, которые нарушают все морально-этические нормы, принятые обществом. Коннотации в тексте “Мертвых душ” дают наиболее точную оценку, характеристику герою (эмоционально, экспрессивно окрашенную), в которой выпукло отражается позиция и оценка автора. Являясь, средством экспрессивной окраски номинативных единиц и способом выражения оценки, коннотация несет дополнительный к денотативному значению компонент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л.Я. Нравственность свободного человека // Лит. газета. – 1989. 11 янв. – С. 7.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души – М.: “Художественная литература”, 1980. – 390 с.
3. Гоголь Н.В. <Авторская исповедь> / Подгот. к печати Л. М. Лотман // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 8. Статьи. — 1952. — С. 432—467.
4. Иванова Г.Ф. Проблемы оценочной интерпретации действительности // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научных трудов. Вып.2. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – 550 с.
5. Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994
6. Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997.
7. Космеда Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики – Львів : ЛНУ ім. І.Франка, 2000. – 347 с.
8. Манн Ю. Поэтика Гоголя – М.: “Художественная литература”, 1988. – 412 с.
9. Словарь русского языка в 4-х томах, изд. 3-е – М.: “Русский язык”, 1985– 1988.
10. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядається зміст концепту “людина” та засоби вираження оцінного компонента у рамках культурологічного підходу до концептуального аналізу художнього тексту М.В. Гоголя.

Ключові слова: концепт, оцінка, суб’єкт оцінки, об’єкт оцінки

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается содержание концепта «человек» и средства выражения оценочного компонента в рамках культурологического подхода к концептуальному анализу художественного текста Н.В.Гоголя.

Ключевые слова: концепт, оценка, субъект оценки, объект оценки

SUMMARY

The article is devoted to the investigation of the contests of such concept “person” and ways of expression of an estimated component within the limits of the culturological approach to the conceptual analysis of the literary text of N.V.Gogol

Key words: concept, appraisal, subject of appraisal, object of appraisal

УДК: 811.161

В.Н.Абашина

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С КОМПАРАТИВОМ В ГЛАВНОЙ ЧАСТИ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ УСТРОЕННОСТИ

Одним из важных научных достижений современной синтаксической науки следует признать утверждение статуса сложного предложения как самостоятельной синтаксической единицы, имеющей собственное грамматическое значение, специфику в аспекте формальной устроенности, собственное назначение в языке и речи. Понимание сложного предложения как отдельной информативной единицы означает, что оно обладает специфическими возможностями в структурировании определенного содержания и тем самым обеспечивает доступ к определенной структуре знаний. В связи с этим изучение сложного предложения оказалось в числе приоритетов науки о языке: получили обстоятельное теоретическое и лингвометодическое описание как основные структурные типы сложного предложения – сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные, так и отдельные структурно-семантические разряды внутри таких типов. И если большинству из структурно-семантических разрядов сложного предложения исследователями уделено достаточное внимание, то некоторые из них еще ждут более углубленного рассмотрения. Среди них сложноподчиненные предложения типа: *Женщины волновали Андрея Белого гораздо сильнее, чем принято о нем думать* (Вл.Ходасевич); *Все прошло еще благополучнее, чем он думал* (Г.Газданов); *Телом она оказалась лучше, моложе, чем можно было подумать* (И.Бунин); *На улицах было гораздо шумнее, чем это помнилось Ипполиту Матвеевичу* (И.Ильф и Е.Петров). Предложения, относимые к данному разряду, нуждаются в специальном анализе не только потому, что необходимо определить их системное место в классификационной схеме, иными словами, заполнить вакантную системную клетку, но также потому, что они, не отличаясь частотностью употребления, все-таки реальны в языковой действительности – встречаются в текстах различной жанрово-стилистической принадлежности. Из этого следует, что создатели таких текстов видят у данных синтаксических структур специфические возможности в передаче внеязыкового содержания. Анализ, направленный на то, чтобы выяснить, как в семантике таких синтаксических

единиц отражается экстралингвистическая реальность, в какой степени их структура изоморфна структуре обозначаемой ситуации, создаст необходимые возможности для получения всестороннего представления об этих сложных предложениях.

Отмеченное позволяет толковать их как объект изучения, целью которого стало описание структурно-семантических показателей и коммуникативных параметров этих предложений. Актуальность заявленной темы обусловлена недостаточной на сегодняшний день изученностью данной проблематики, ее крайней фрагментарным присутствием в существующих изданиях.

По поводу понимания анализируемых синтаксических конструкций единства среди ученых не наблюдается. Различия касались не только толкования присущих им особенностей, но даже наименования. Основоположник структурно-семантического подхода к сложному предложению Н.С.Поспелов не считал их отдельным разрядом сложноподчиненных предложений, а трактовал как особую разновидность внутри класса предложений со сравнительными придаточными частями [Грамматика... 1960, 344]. Причем к данной разновидности ученый относил не только предложения, где опорным словом выступает собственно форма сравнительной степени имени прилагательного или наречия, но и такие, в которых форму наречия затруднительно рассматривать как компаратив, в частности *поиному, по-другому*. Среди примеров, иллюстрирующих выделенную разновидность, оказались конструкции, которые имеют принципиально иную структурную организацию: *Чем на мост нам идти, поищем лучше броду* (И.Крылов). Последователь и продолжатель структурно-семантического подхода Н.С.Поспелова В.А.Белошাপкова вывела рассматриваемые сложные предложения в отдельную группу присловных сложноподчиненных предложений, присвоив им наименование прикомпаративных. Поскольку эти конструкции отнесены к нерасчлененным структурам, ключевое место при их описании занимает характеристика опорного слова главной части. Ученым было отмечено, что место такого компонента кроме компаратива могут занимать “некоторые слова, лек-

сическое значение которых содержит указание на сравнение, подобно тому, которое в компаративе является его грамматическим значением” [Белашапкина 1977, 227]. Здесь также указывается на функцию придаточной части, которая состоит в представлении описательного обозначения одного из объектов сравнения. В синтаксической концепции Л.Ю.Максимова рассматриваемые конструкции, будучи выделенными в отдельный класс сравнительно-объектных предложений, характеризуются как такие, придаточные части которых распространяют нуждающиеся в объектном распространении имя прилагательное, наречие или слово категории состояния в форме сравнительной степени [Крючков, Максимов 1977, 70]. Комментируя их малопродуктивность, исследователь замечает, что объект сравнения может быть выражен иными способами: объектной словоформой (а) или (б) сравнительной придаточной частью: (а) *Он оказался выносливее (меня) своих соперников*; (б) *Он оказался выносливее, чем (я) его соперники*; (в) *Он оказался выносливее, чем мы думали*. Однако предложение (в) нельзя признать тождественным по смыслу предложению (б), поскольку речь в нем идет не о сопоставлении, сравнении некоторых событий, а о степени проявления признака, в частности выносливости. Принципиально важным оказывается и то, что предложения (б) и (в) служат обозначением различных фрагментов действительности. Из этого можно заключить, что назначением прикомпаративных предложений является обозначение степени проявления того признака, который назван в главной части.

Для глубокого познания сущности сложного предложения часто оказывается недостаточным описание преимущественно структурных признаков. Присущий им коммуникативный статус свидетельствует о том, что это динамические структуры, а потому анализ их функциональных особенностей позволяет глубже проникнуть в информационную сторону таких конструкций, уточнить семантические и конструктивные свойства. Не менее значимым оказывается и признание предложения, в том числе и сложного, многоаспектной единицей, имеющей форму, содержание и функциональную предназначенность. Рассмотрение каждого из названных аспектов, особенно в плане их взаимодействия, способно выявить те их признаки, которые позволят понять их место в синтаксической системе языка. Функциональные показатели обнаруживаются через осуществляемое в нем актуальное членение, посредством которого содержащееся в сложном предложении и заключающее определенную цель сообщение разворачивается в определенном направлении, в определенной коммуникативной перспективе.

Анализ показал, что возможности прикомпаративных предложений как отдельной коммуникативной структуры ограничены только единственным типом актуального членения. Темой в таких высказываниях становится именная группа

и предикатный комплекс главной части, ремой – содержащийся в главной части компаратив и придаточная часть. [*Когда он перегибал палку (а он это делал часто) и начинал в самом деле пользоваться ее кротостью, атавистически пытаться уже всерьез подчинить ее своим капризам, она уходила от него.*] *И он страдал от этих разрывов* ^[тема] // *сильнее, чем страдала она* ^[рема] (Н.Берберова); [*Юрий Андреевич стал приводить в порядок то из сочиненного, обрывки чего он помнил и что откуда-то добывал и тащил ему Евграф, частью в собственных рукописях Юрия Григорьевича, частью в чьих-то чужих перепечатках.*] *Хаотичность материала заставляла Юрия Андреевича разбрасываться* ^[тема] // *еще больше, чем к этому предрасполагала его собственная природа* ^[рема] (Б.Пастернак). Такая коммуникативная устроенность всегда оформляется препозицией главной части предложения и постпозицией придаточной. Поскольку других вариантов расположения предикативных частей данные сложные предложения не допускают, они могут быть отнесены к так называемым негибким структурам. В свете этого получает необходимое обоснование содержащееся в Русской грамматике заключение о единственно возможном порядке частей таких предложений: “...придаточное предложение всегда следует за главным” [Русская грамматика 1980, 489]. Указанное расположение частей сложного предложения отвечает его коммуникативной устроенности, основным свойством которой является предназначенность для вербального представления в определенной степени типизированного взгляда на действительность. В поле зрения говорящего находится событие, главной характеристикой которого является констатация его сопоставления с другим, возникшим по ассоциации, неактуализированным в рамках высказывания событием. Смысловой комплекс придаточной части, таким образом, выступает конкретизатором обобщенного и крайне неопределенного, а потому нуждающегося в уточнении сравнения, оказавшегося при определенном стечении обстоятельств важным для говорящего. Исключительно рематичный статус рассматриваемых придаточных частей повлек за собой грамматикализацию этой функциональной особенности, что нашло выражение в линейно-динамической структуре таких предложений.

Обладая рематичной коммуникативной функцией, компаратив главной части достаточной часто помечается модальными частицами с усилительным значением *даже, еще, гораздо, тем (более)*, выполняющими функцию дополнительного средства выражения актуального членения. Названные частицы потенциально могут присутствовать при каждом компаративе, о чем свидетельствует возможность их введения в те предложения, где они отсутствуют в авторском варианте: *В 1922-1923 годах в Берлине Белый говорил о Л.Д.Б.* ^[тема] (*даже, еще, гораздо*) *больше, чем писал о ней впоследствии* ^[рема] (Н.Берберова); *Ее, впрочем, я был склонен обвинять* ^[тема] (*даже, еще, гораздо*)

меньше, чем себя^[рема] (Г.Газданов). Появление модальных частиц не столько сигнализирует о степени усиления признака, обозначенного компаративом, сколько оказывается действенным прагматическим средством, с помощью которого говорящему удается подчеркнуть, акцентировать в высказывании актуальную информацию. Это объясняет приписываемую частицам в коммуникативно-дискурсивной речи, в частности Т.М.Николаевой, роль рематизаторов [Николаева 1990] – компонентов, “у которых, по определению И.М.Богуславского, рема составляет их сферу действия” [Богуславский 1998,12].

Строго закрепленное распределение коммуникативных функций предикативных частей и, как следствие, порядка размещения частей отличает данные предложения от сравнительных сложноподчиненных, отнесение к разряду которых анализируемых конструкций, как уже отмечалось, имеет место в синтаксической традиции. При достаточно ярко выраженной тенденции к расположению сравнительной придаточной части в постпозиции по отношению к главной возможно и допустимо и обратное взаиморасположение, о чем может свидетельствовать сравнение авторских и трансформированных конструкций: *В глубине души маленькая женщина счастлива, как все влюбленные или вообще преданные какой-нибудь страстной мечте люди* (И.Бунин) и *Как все влюбленные или вообще преданные какой-нибудь страстной мечте люди, в глубине души маленькая женщина счастлива; Опять стало тихо и спокойно, как бывает только в теплые дни ран-*

ней осени (Н.Гумилев) и *Как бывает только в теплые дни ранней осени, опять стало тихо и спокойно*. Сложноподчиненные предложения с прикомпаративными придаточными частями подобных трансформаций не допускают, что подтверждает необходимость их рассмотрения как отдельного структурно-семантического класса.

Итак, анализ формального, семантического и коммуникативного устройства рассмотренных предложений позволяет сделать вывод о правомерности их выведения в самостоятельный структурно-семантический разряд сложного предложения и необходимости дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 247с.
2. Богуславский И.М. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып.36 – М.: Русские словари, 1998. – С.8 – 18.
3. Грамматика русского языка – М.: АН СССР, 1960. Т.2., ч.2. – 440с.
4. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения – М.: Просвещение, 1977. – 190с.
5. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой: В 2 т. – М.: Наука, 1980. Т.2. – 709с.
6. Николаева Т.М. Частицы // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Сов.энциклопедия, 1990. – С.580.

АНОТАЦІЯ

В статті розглянуто один із найменш вивчених типів складнопідрядних речень – з компаративом в основній частині, аналізуються його формальні, семантичні та комунікативні параметри.

Ключові слова: синтаксис, складне речення, формальна структура речення, семантичний аспект речення, актуальне членування речення

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из наименее изученных типов сложноподчиненных предложений – с компаративом в главной части, анализируются его формальные, семантические и коммуникативные параметры

Ключевые слова: синтаксис, сложное предложение, формальная структура предложения, семантический аспект предложения, актуальное членение предложения

SUMMARY

One of the least studied types of complex sentences – with the comparative in the main part is considered. Formal, semantic and communicative parameters are analysed

Key words: syntaxes, complex sentence, formal structure of the sentence, semantic aspect of the sentence, actual division complex sentence

ОБРАЗ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В СТИХОТВОРЕНИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Мемуарная литература о поэтах Серебряного века обширна и разнообразна, и каждое свидетельство очевидца по-прежнему вызывает неподдельный интерес и у литературоведов, и у читателей. Любой, даже самый незначительный эпизод биографии дает нам возможность не только лучше понять художественный мир поэзии корифеев символизма, но и острее ощутить самобытную атмосферу духовной и культурной жизни Европы конца XIX – начала XX века. Воспоминания самих поэтов-символистов и их современников высвечивают судьбы поэтов непрочитанных, а порой и незаслуженно забытых, позволяя нам отчетливее увидеть сложную картину эпохи, стремившейся определить человеку новое место в мире.

Каждая эпоха предлагает свое видение человека, вырабатывая новые принципы его художественного изображения и по-своему преломляя в его облике философию и мораль общества. В конце XIX – начале XX века особая роль в истории поэтического языка принадлежит языку символистов, чьи стихотворения современники восприняли как свидетельство о переломе в художественных вкусах общества. Творцы нового литературного течения выработали манеру письма, наиболее отличную от общепринятой. Эта манера помогала не только описывать мир мечты и душевной сосредоточенности, но и передавать едва уловимые движения жизни, создавая настроение, необходимое художнику. Воображение читателя, проникая “за пределы предельного”, должно было воссоздать намеченную мысль автора. Подобное видение мира и отношение к образному слову сближало поэтов-символистов с импрессионистами. Символическая поэзия требовала импрессионистических средств для поэтического воплощения идеи в образе. Ранняя поэзия В. Брюсова, пейзажные стихотворения Вяч. Иванова, импрессионистические зарисовки К. Бальмонта подтверждают это. Свойственная импрессионистам форма воспроизведения окружающего мира получила воплощение и в портретных описаниях поэтов-символистов.

Изучение поэтики портрета, принадлежащего двум видам искусств – словесному и изобразительному, – задача сложная и многоаспектная. В данном исследовании мы сосредоточим внимание не на принципах создания

портрета, а на том, как краски слова служат задаче создания живого, меняющегося образа человека, всестороннему раскрытию его характера и отношений с окружающим миром. Цель данного исследования – выяснить, каким видели поэта Юргиса Балтрушайтиса его современники и соратники по символизму, как раскрываются черты его личности и характер поэта в воспоминаниях, критических выступлениях и поэтических посланиях поэтов-символистов.

Юргис Балтрушайтис вошел в круг поэтов-символистов в 1899 году, когда в доме своего университетского друга С. Полякова познакомился с К. Бальмонтом. В том же году Бальмонт представил Полякова и Балтрушайтиса В. Брюсову, дружба с которым оказалась для начинающего поэта самой важной из литературных знакомств той поры. Брюсов, которого Балтрушайтис считал тогда не только вождем “нового искусства”, но и лучшим поэтом современности, в свою очередь, видел в лице Балтрушайтиса своего соратника и единомышленника. В двух своих посланиях – “Ты был когда-то каменным утесом...” и “Нам должно жить...”, посвященных Юргису Балтрушайтису, Брюсов создал образ молчаливого, отрешенного от земного и погруженного в вечное “поэта севера”: “Ты был когда-то каменным утесом / И знал лишь небо, даль и глубину” [Брюсов 1973, т.1, 198]. Поэт не предлагает нам подробного портретного описания, а лишь несколькими штрихами обозначает внешний облик Балтрушайтиса, изображая его как “дитя стихий”. В данном стихотворении Брюсов так определяет основную направленность поэзии Балтрушайтиса: “Но взор твой видит всюду только вечность, / В твоих словах – прибой быстротечность...” [Брюсов 1973, т.1, 198]. Второе поэтическое послание “Нам должно жить...”, написанное Брюсовым в октябре 1901 года, явилось откликом на стихотворение Балтрушайтиса “Сон”. В стихотворении “Нам должно жить...” Брюсов напоминает о безграничных возможностях человека, пришедшего в земной мир, чтобы познать его тайны: “Нам вверены загадочные сказки, / Каменья, ожерелья и слова, / Чтоб тайна веяла жива” [Брюсов 1973, т.1, 354]. Данное стихотворение выявляет целый ряд различий в мировоззрении Брюсова и Балтрушайтиса, отразившихся в художественной системе обоих поэтов. Так, большинство стихотворений Брюсова имеют реальную жизненную основу, и поэт,

описывая конкретные жизненные проявления, ставит перед собой цель вызвать у читателя определенное настроение. Балтрушайтис намеренно отдалается от реального мира, как бы противопоставляя ему бесконечные и таинственные просторы вселенной: “В тиши ли гор пространство озираю, / Иль глухо слит с волной, / В земную даль я руки простираю, / В простор земной...” (“За круг земной”) [Балтрушайтис 1983, 153].

Человек в поэзии Балтрушайтиса заключен в замкнутый круг, а его жизнь дана на фоне размышления о бесконечности вселенной, поэтому не удивительно, что стихи поэта проникнуты пессимизмом. Балтрушайтис считал, что пессимистом может быть лишь духовно сильный человек, принявший мир как он есть и не строящий иллюзий. Пессимизм в творчестве Балтрушайтиса значительно отличается от декадентского пессимизма, который всегда был чужд Брюсову. Размышляя о поэзии Балтрушайтиса, Б. Тух справедливо отмечает: “Современники усматривали в его поэзии нордическую мощь <...> и в самом деле: символизм Балтрушайтиса по мощи и лаконизму выразительных средств был близок к тому течению, которое внутри искусства модерна носит название “югендстиль” или “северный модерн” [Тух 2005, 92].

Создав в первом своем стихотворении, посвященном Балтрушайтису, образ молчаливого, сдержанного человека скандинавского типа, Брюсов впоследствии так и не отступил ни от выработанных им критериев в оценке художественного мира Балтрушайтиса, ни от своего восприятия поэта как “человека-утеса”, “мрачного, как скалы”. В 1906 году в письме А. Белому В. Брюсов снова обращается к этому образу: “...пока в Москве были вы, чувствовалось веянье живой души. Ныне – кругом видение Иезекииля. А Юргис Балтрушайтис среди мертвых костей как живая, но, увы, безмолвная скала” [Литературное наследство 1976, т. 85, 400].

В посвящении своей наиболее известной книги “Будем как солнце” К. Бальмонт назвал Балтрушайтиса “угрюмым, как скалы”. Во многих воспоминаниях именно эта черта внешнего и внутреннего облика поэта описывается и даже чрезмерно эксплуатируется, хотя при этом сам Бальмонт в своих письмах, отзывах и поэтических посланиях создает более многогранный образ человека, с которым он долгие годы был дружен и особенно ценил за редкую душевную щедрость и большую эрудицию. В стихотворении “Ю. Балтрушайтису”, пронизанном солнечным теплом и ощущением полноты земного бытия, Бальмонт восторженно пишет о радости духовного общения с “гордым Юргисом”, который кажется особенно близким и понятным на фоне неброской красоты

родного ему Балтийского побережья: “Гордый Юргис, ты похитил / Ветер, ветер у меня” [Цит. по: Дауегите 1983, 31].

В стихотворении Бальмонта “Поэты”, также посвященном Балтрушайтису, нет ни развернутого описания его внешности, ни обращения к чертам его личности. Автор как бы дает понять, что лицо не обнаруживает, а скорее скрывает истинную суть человека, тем более, если этот человек – поэт: “Пред нами дышит череда / Явлений Силы и Недужности, / И в центре круга мы всегда, / И мы мелькаем по окружности” [Бальмонт 1990, 175]. В данном стихотворении Бальмонт дает нам возможность при помощи косвенной характеристики художественной системы поэта представить и внешний облик Балтрушайтиса. Своеобразное мировосприятие Бальмонта и характерная его поэтике “импрессионистическая психология личности” отчетливо проявляется в этом стихотворении. Характеризуя его художественную манеру, Л. Колобаева отмечает: “Импрессионистический образ держится на признании самоценности субъективных впечатлений, когда не столько важен сам предмет, сколько отношение к нему, мимолетное его восприятие” [Колобаева 2000, 76]. В стихотворении “Поэты” Бальмонту, мастеру создания едва уловимых ощущений, удастся не только выявить черты мотивно-образной системы поэзии Балтрушайтиса и обозначить основную тематику его стихотворений, но и отразить в художественном мире поэта черты его личности: “И услышав полночный бой, / Упившись музыкой железной, / Мы мчимся в пляске круговой / Над раскрывающейся бездною” [Бальмонт 1990, 175].

Хотя К. Бальмонт и не писал критических рецензий на книги стихов Балтрушайтиса, в своей статье “Поэзия как волшебство”, в письмах друзьям и коллегам по цеху он всегда тепло отзывался о творчестве поэта. Оценивая поэзию двух своих современников, стоявших у истоков издательства “Скорпион”, Бальмонт говорил: “Значителен Брюсов. Люблю Балтрушайтиса” [Мочалова 2004, 23]. Стихи Балтрушайтиса не случайно были понятны и близки Бальмонту. Несмотря на видимые различия художественных систем двух поэтов, нельзя не заметить общность позиции, которую занимает лирический герой в поэтическом мире Бальмонта и Балтрушайтиса. Человек в стихотворениях Бальмонта чаще всего не включен в реальную жизнь. Находясь за ее пределами, он обозревает земной мир сверху: “Пленясь всем далеким, всем безбрежным, / К лесам, к полям, к вершинам белоснежным / Я мчусь в мечтах; как будто дух больной, / Я бодрствую над миром безмятежным...” (“Лунный свет”) [Бальмонт 1989, 23].

Лирический герой Балтрушайтиса также

надмирнен и отчужден от привычной человеку жизни. Оба поэта стремятся наделить каждый символический образ своих стихотворений огромными масштабами, придать им почти космический размах: “Весь преданный жару тоски ненасытной, / Плетусь я по звездам, ночной пилигрим, / Приемля их холод душой беззащитной, / взывая к их пламени сердцем нагим” (“Ночной пилигрим”) [Балтрушайтис 1983, 182]. Представление о времени не как о форме существования материи, а как об объективной реальности также сближает Балтрушайтиса с Бальмонтом: “И не уйти всей яви дней от ловли, / Что в безднах мира длится век и век, / Вошел ли миг, погас ли век, готов ли / Стать трепетной добычей человек...” (“Ночная песня”) [Балтрушайтис 1983, 229]. Лирический герой Балтрушайтиса стремится выйти из времени, приобщиться к тому “вечно-настоящему”, которое может дать человеку мгновение: “Слышен звон освобожденья / В бое медленных часов, / И сдвигает бег мгновенья / Неразгаданный засов” (“Ночная тишь”) [Балтрушайтис 1983, 135]. Культ “мгновенности” характерен и для поэтики Бальмонта. Миг, прожитый интенсивно, краток и обречен на стремительное угасание, но, по мнению поэта, лишь “сказав мгновенью стой”, можно ощутить всю полноту жизни, увидеть “богатство и музыку цветов”, “понять стозвучность голосов” и даже “замедлить бегущую весну”.

Зыбкий свет, неяркий, едва намеченный пейзаж и почти всегда полное безлюдье, символизирующее удаленность людей друг от друга и их неизбежное, часто осознанное одиночество, можно легко ощутить, и анализируя поэтику Бальмонта, и читая стихотворения Балтрушайтиса. При этом, несмотря на некоторое сходство мировосприятия двух поэтов, общие мотивы и образы, нам не следует забывать, что мы имеем дело с совершенно разными художественными системами. Характеризуя отношения Балтрушайтиса с двумя корифеями символистской поэзии, А. Пайман отмечает: “В Москве конструктивная и спокойная отрешенность литовца оттеняла пламенный лиризм Бальмонта, так же, как его сдержанная, примиряющая манера позднее оказалась дополняющей образ “действенного Мефистофеля”, которого любил изображать из себя Брюсов” [Пайман 1989, 153].

Если стихотворение Бальмонта “Поэты”, прежде всего, посвящено описанию художественного мира Балтрушайтиса, а в посланиях Брюсова лишь намечены черты внешнего облика и характера поэта, то небольшое по объему, но необыкновенно емкое посвящение М. Волошина позволяет нам и представить строго сдержанного Балтрушайтиса на фоне сурового северного пейзажа, и ощутить особенности его

поэтического творчества: “К твоим стихам меня влечет не новость, / Не яркий блеск огней: / В них чудится унылая суровость / Нахмуренных бровей” (“Балтрушайтису”) [Волошин 1989, 17]. Это стихотворение написано в 1903 году, когда Волошин уверенно вошел в среду символистов. В дальнейшем взаимное расположение двух, на первый взгляд, совершенно разных людей не ослабевало. Посвящая свой перевод трагедии д’Аннунцио М. Волошину, Балтрушайтис называет его “душой родной”, “стозвучным певцом и другом”. Сопоставляя Волошина и Балтрушайтиса, Вяч. Иванов говорил: “Еще остается два уединенных поэта – Балтрушайтис и вы” [Цит. по: Купченко 1978, 253]. Теоретик символизма не случайно объединяет Балтрушайтиса и Волошина. Оба поэта искали уединения, тревожно и трепетно всматриваясь, вбирали в себя таинственное неброское очарование суровой природы. “Стальная дрема вод”, “угрюмое величье” земли, холмы, покрытые мхом или выжженной на солнце травой, стали источником вдохновенья и для Балтрушайтиса, и для Волошина. Поэт с художественным видением мира, Волошин, раскрывает перед нами величественную картину северной природы, которая напоминала близкую его сердцу древнюю землю восточного Крыма с ее пустынной, почти голой землей и обнаженными скалами. Коктебель, небольшой участок крымской земли, становится для Волошина “духовной родиной”, и сам образный строй его поэзии органичен природе Коктебеля. Вслушиваясь в легенды и сказания, которые нашептывал ему Коктебель, Волошин словами и красками создал целый идеальный мир и рассказал о нем на языке первостихий.

Скандинавские пейзажи, окутанные призрачной дымкой, где все краски приглушены, а тусклый туман уводит человека от сиюминутной реальности, увлекали Балтрушайтиса в бесконечные лабиринты духовных поисков: “Все тот же сон на берегах... / Все те же сосны вековые / Стоят, как стражи на часах, / Все тот же прежний ряд холмов, / Волной сметенных океана, / Все тот же давящий покров / Осенней ночи и тумана” (“Передо мной все тот же шум глухой...”) [Балтрушайтис 1983, 255]. Завершая в своем поэтическом послании портрет Балтрушайтиса, Волошин обращает внимание на важную, по его мнению, деталь внешнего облика поэта. “Горько сжатый рот” – не только характеристика молчаливого, замкнутого человека и знак некой тайны и недосказанности, о которой позднее писал А. Белый в своей книге воспоминаний “Начало века”, но и напоминание о том, что мотив тишины, живительного одиночества является одним из самых продуктивных в поэзии Балтрушайтиса: “И оттого в житейском сне, / Творя вражду и спор, /

Молюсь безмолвно тишине, / Немым обрываю гор” (“Чем больше в мире я живу...”) [Балтрушайтис 1983, 271].

Известно, что беспристрастных портретов не бывает. Так, стихотворение Вяч.Иванова “Петровское на Оке”, посвященное Юргису Балтрушайтису и его жене Марии Ивановне, согрето любовью, дружеским теплом и искренней признательностью поэта по отношению к людям, которые оставались рядом даже в самое тяжелое время, “когда вселенская гроза, / Семейю громами издалече / Заговорила...” [Иванов 2000, 294]. Вяч. Иванов подробно описывает большое имение Балтрушайтиса, где он был частым гостем летом 1914 года. В этом описании мы не видим самого хозяина дачи, но “мужского голоса органные стихи” постоянно напоминают нам о его присутствии. Острый взгляд поэта не пропускает ни одной даже едва различимой черточки. Все увиденное им настолько отчетливо и достоверно, что мы невольно ощущаем и глубокую симпатию автора к Балтрушайтису, и ту радость, которая все еще охватывает его при воспоминании о “семье соседственной поэта”. Изображая дом Балтрушайтиса, его быт, обстановку, в которой он жил, Вяч. Иванов как бы заменяет этим описанием портрет поэта, иносказательно передавая его характер и душевный мир: “Вы снова снитесь мне, приветливые сны! / Я вижу при звездах кораллы бузины / В гирляндах зелени на вечере соседской, / Как ночь, торжественной, – / Как игры Музы детской... / И в облаке дубов, палатой вековой / Покрывшем донизу наклон береговой...” [Иванов 2000, 295]. Вяч. Иванов, автор известной статьи “Юргис Балтрушайтис как лирический поэт”, где он определяет его творчество как “монолог личности, обращенный к Богу”, в своем стихотворении воссоздает не образ Балтрушайтиса-поэта, создателя глубокой, философской лирики, а скорее Балтрушайтиса-человека, который, по мнению многих его современников, был мягок, прост и мил.

В трехчастном стихотворении “Жизнь” А. Белый создает яркий, динамичный образ “бесстрашного помора”, в котором без труда угадываются черты внешнего облика Балтрушайтиса. Так же, как и у Вяч. Иванова, в стихотворении А. Белого важную роль для понимания характера поэта-литовца и созданного им художественного мира играет пейзаж: “Сияя перстами, заря рассветала / Над морем, как ясный рубин. / Крылатая шхуна вдали утопала. / Мелькали зубцы белых льдин” (“Жизнь”) [Белый 1990, т.1, 78]. Грандиозная картина полярной ночи, развернутая в стихотворении, придает мифологизированному образу “поэта севера” особую психологическую глубину. Заря, льдины, море, туман воспринимаются как явления

духовного, а не материального мира, олицетворяя ту красоту, которая лежит за пределами понятий и слов. В мир гармонии и красоты устремляется и “крылатая шхуна”, вариация образа фантастического воздушного корабля “Арго”, на котором отважные “аргонавты” отправляются к солнцу, мечтая о примирении “земного” и “небесного” начал. И пусть “крылатая шхуна” бесследно растаяла в “хлопьях тумана”, а мир гармонии безвозвратно отделился от человека, у него осталась мечта, дающая иллюзию, приносящая страдания, но наполняющая душу живительным теплом и надеждой: “Знакомую песню вдали затянули, / Снежинки мелькали кругом... / Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули... / Наполнили чашу вином...” (“Жизнь”) [Белый 1990, т. 1, 78].

Религиозно-мистическая устремленность, характерная творчеству А. Белого, была присуща и художественному миру поэзии Балтрушайтиса: “К кресту земли, во львиной яме, / Мой дух тоскующий, ты весь / Прикован древними цепями, / Но в вечной жажде ты – не здесь!” (“На берегу”) [Балтрушайтис 1983, 178]. А. Лавров, сопоставляя художественные системы А. Белого и Ю. Балтрушайтиса, отмечает, что “религиозная доминанта их мировидения является основой их внутреннего взаимопонимания и литературно-тактической близости” [Лавров 1999, 50]. Некоторое сходство характерно и для мотивно-образного строя обоих поэтов, и стихотворение А. Белого “Жизнь” подтверждает это: “Пускай же охватит нас тьмы бесконечность – / Сжимается сердце твое? / Не бойся: засветит суровая вечность / Полярное пламя свое” [Белый 1990, т. 1, 78]. В данном поэтическом контексте слышны отзвуки стихотворения Балтрушайтиса “Ночью”: “Чуток бдительный слух, и уносится дух / На бесшумных волнах Бесконечности... / В звездном вихре миров упадает покров / С молчаливого образа Вечности...” (“Ночью”) [Балтрушайтис 1983, 46].

Стихотворение А. Белого “Жизнь” написано в отвлеченной манере, во многом характерной для поэзии Балтрушайтиса. Сложная диалектика души раскрывается сквозь призму северной природы, отражающей мысли и чувства человека. В ином ключе написаны А. Белым поэтические портреты В. Брюсова. В первом стихотворении, посвященном представителю старшего поколения символистов, отразились воспоминания А. Белого об их первой встрече в декабре 1901 года: “Вот бежишь: легка походка; / Вертишь трость – готов напасть. / Пляшет черная борода, / В острых взорах власть и страсть” (“В.Я. Брюсову”) [Белый 1988, 199]. Короткие, логически завершенные фразы, чеканный ритм, внимание к деталям во многом напоминают поэтическую манеру самого В. Брюсова.

По мнению Д. Максимова, одним из основных источников вдохновения для Брюсова был “пафос разумного познания”. Эта мысль находит подтверждение во втором стихотворении А. Белого “Брюсову”, где главный акцент сделан на характеристике поэтического мира представителя старшего “скорпионовского” поколения: “Читал за жизненным порогом / Ты судьбы мира наизусть... / В изгибе уст безумно строгом / Запечатлелась злая грусть...” (“Брюсову”) [Белый 1988, 227]. Единство внутреннего и внешнего в портрете Брюсова освещает его личность извне и изнутри.

Отзвуки поэтических посвящений Брюсову слышны в книге “Начало века”, где индивидуальная манера портретного письма А. Белого проявилась особенно ярко: “Лицо – скуластое, бледное, черное, очень большие глаза, поразила его худоба: сочетание дерзости с напугом; напучены губы; вдруг за отворот сюртука заложил он угловатые свои руки; и белые зубы блеснули мне: в оскале без смеха; глаза ж оставались печальны” [Белый 1990, 171]. Несколько акцентированных деталей, похожих на крупные яркие мазки художника, – и перед нами зримо предстает и Брюсов-человек, обладающий, по мнению современников, очень трезвым и рациональным интеллектом, и Брюсов-поэт, чьи творения отличаются широтой тематики, “волевой напряженностью” и “особой четкостью мысли”.

В книге “Начало века” А. Белый создает целую галерею замечательных портретов своих соратников по цеху, и портрет Балтрушайтиса, который А. Лавров назвал исключительным по своей выразительности, занимает в ней видное место. Создавая цепь, состоящую из запоминающихся, почти говорящих деталей, Белый легко доносит до сознания читателя тот зримый образ, который живет в его собственном воображении. Портрет Балтрушайтиса – это своего рода портрет-биография, где многие детали приобретают символическую окраску: “Казалось, с надбровной морщины несло, точно сосредоточенным холодом – Стриндбергом, Ибсеном (переводил, редактировал); он – переряженный в партикулярное платье Зигурд; цвета серого пара, как скалы Норвегии; глаз – цвета серых туманов Нордкапа” [Белый 1990, 405]. Сравнения, взятые из мира северной природы, как будто расширяются до самостоятельной картины и приобретают собственную эстетическую ценность. Северная природа входит в само существо поэзии Балтрушайтиса, наполняя его художественный мир дыханием первостихий: “Хвала и звездному простору / Пустынных северных полей, / Что дал тоскующему взору / Огни полуночи своей” (“Поклонение земле”) [Балтрушайтис 1983, 45]. В портретных описаниях

А. Белого получило воплощение свойственное импрессионистам яркое, непосредственное видение окружающего мира, сведенное к нескольким акцентированным штрихам. Так, описывая лицо поэта, А. Белый особое внимание уделяет носу Балтрушайтиса и находит для этого емкие, эмоциональные эпитеты, в основе которых лежат неповторимые, часто совершенно неожиданные ассоциации: “И не раздеваясь, садился, слагая на палке свои две руки; и запахивался, как утес облаками, дымком папироски; с гримасой ужаснейшей пепел стрясал, ставя локоть углом и моргая из-под поперечной морщины на собственный нос в красных явственных жилках; то – юмор; взгляните на нос – миротворнейший нос: затупленный, румяный” [Белый 1990, 405]. Образ угрюмого, замкнутого “поэта севера”, канонизированный многими современниками, неожиданно исчезает, и перед нами предстает совсем другой Балтрушайтис, который в непростые времена “богоискательства и богостроительства”, отвергая “дробление души и воли”, смог остаться одной из самых цельных фигур в русской литературе начала XX века.

Портретное мастерство А. Белого наглядно убеждает в том, как много прекрасных неожиданных открытий может сделать тот, кто умеет внимательно вглядываться в лицо человека, угадывая красоту и силу духа, устремленность к свету и жизни. В своей художественной манере А. Белый характеризует и неразговорчивость Балтрушайтиса, который не просто молчал, а “тишел” в “Весях”, но в трудное для издательства время “брался за руль и с ним подводная лодка, “Весы”, всплывала к поверхности” [Белый 1990, 405]. А. Белого восхищает способность поэта “тишеть” и “лить примирений елей” в ту минуту, когда это становится жизненно необходимо. Он усматривает в молчании Балтрушайтиса и напряженное движение мысли, и особую психологическую глубину. Следует отметить и красочность портрета Балтрушайтиса. Поэт предстает перед нами в “желтом пальто”, “желтявой шляпе”, его глаза “голубеют цветочками луга литовского”, а под ногами – “золотеет нива”. Такой портрет ставит под сомнение утвердившееся мнение о том, что в поэтическом мире Балтрушайтиса мало красок. Действительно, его пейзажи часто растворяются в бледной монохромной гамме, но поэт делает все, чтобы читатель мог в цвете представить описываемую картину: “Пустынны в гаснущем наряде / Ряды берез, / Где зыблет ветер мох, как пряди / Седых волос” (“Осенняя песня”) [Балтрушайтис 1983, 136]. Почти не прибегая к краскам, поэт создает зрительный образ увядающей осенней природы, достигая полноты внешнего впечатления и внутреннего ощущения. Тонко различая краски,

Балтрушайтис иногда создает живописные картины природы, вплетая разноцветные нити в ткань своих стихотворений: “Раскрылся к цвету хмурый север, / И снова зимний сон далек... / То в синий лен, то в красный клевер, / Свои холмы простор облек” (“Вешние воды”) [Балтрушайтис 1983, 223]. Создавая красочный портрет Балтрушайтиса, А. Белый, видимо, хотел подчеркнуть особую чуткость поэта к живописи, живописному слову и ярким цветам, которые почти всегда были скрыты “нордкапским туманом”. А. Белый вкладывает в портрет Балтрушайтиса глубокую симпатию к своему единомышленнику и коллеге по цеху, свое личное представление о поэте, свое толкование его характера и, подчиняя читателя своему взгляду, почти не оставляет возможности видеть изображенного им человека иначе.

Если А. Белый, описывая внешний облик и черты личности Балтрушайтиса, выбирает для этого мягкие полутона и теплые краски, то И. Эренбург – автор еще одного словесного портрета Балтрушайтиса – находит для своего небольшого очерка, посвященного поэту, более резкие интонации. Портрет Балтрушайтиса в данном очерке разомкнут, отдельные детали размыты по всему пространству произведения. Автор как будто не видит лица поэта, оно кажется ему “пустынным”. Описание внешности сведено до минимума, а основной акцент сделан на внутреннем состоянии, по мнению писателя, присущем Балтрушайтису. “Горько сжатый рот” – деталь, взятая автором из поэтического послания М. Волошина, и передающая внутреннюю сущность поэта, характеризует созданный поэтом художественный мир. Другой важной деталью представляется И. Эренбургу “черный, наглухо застегнутый сюртук Балтрушайтиса” [Эренбург 2002, 14]. Так костюм приобретает отпечаток личности поэта. Именно в такой одежде, по мнению И. Эренбурга, можно молчать «торжественно, непоколебимо, как будто противопоставляя убожеству и суете человеческих слов ”благое молчание”» [Там же]. Вслушиваясь в многообразие голосов огромного земного мира, поэты часто мучаются невозможностью вместить в слова тихий шепот листвы, грозный рокот моря или глухое завывание ветра. Подобное чувство было хорошо знакомо и Балтрушайтису, обожеествлявшему тишину и считавшему ее истинным благом: “Чем больше в мире я живу, / Тем меньше знаю слов – / Дух – звездный призрак наяву, / Дух – звон колоколов...” (“Чем больше в мире я живу...”.) [Балтрушайтис 1983, 271]. Отношение поэта к тишине отражает его философско-эстетические взгляды, согласно которым сосредоточенное молчание дает возможность слышать Высшие истины и “вести извечный спор с грозным

Вседержителем”.

Представить человека можно не только при помощи прямой характеристики, но и через описание привычек, окружающих его вещей и других деталей интерьера. Так, И. Эренбург находит несколько подобных деталей, отражающих, по его мнению, характер Балтрушайтиса и передающих суть его поэтического мира: “В его кабинете пусто. Только стол рабочий и большое распятие” [Эренбург 2002, 15]. Стихи Балтрушайтиса представляются такими же суровыми и аскетичными, как и его кабинет. Поэт словно отстраняется от всего внешнего, суетного и ненужного и остается наедине с миром: “Среди людей, я средь – чужих. / Мне в этом мире не до них, / Как им в борьбе и шуме дня, / Нет в жизни дела до меня” (“Одиночество”) [Балтрушайтис 1983, 87].

Распятие в кабинете Балтрушайтиса напоминает о том, что образ креста, один из самых частотных в творчестве Балтрушайтиса, является центром его поэтического мира. Бог для поэта – суть и исток всех явлений. Его можно почувствовать, но нельзя изобразить. Человек способен лишь ощутить эту неведомую необозримую силу, раскинувшуюся по всей вселенной. Именно глубокая искренняя вера давала поэту нравственную и философскую опору, помогая выносить и потерю человеком целостности, и его трагическую разобщенность с Богом. Не случайно И. Эренбург сравнивает Балтрушайтиса с крестоносцем, который “гордо несет через пески и дни тайной страстью выжженный на груди крест” [Эренбург 2002, 15]. Человек в поэзии Балтрушайтиса тоже идет путем страдания в надежде порвать замкнутость земного существования перед лицом бесконечной вселенной и вернуть утраченное людьми ощущение единства и единения. Лирический герой в творчестве поэта – властелин всех своих духовных сил. Впитывая в себя красоту и могучую энергию мира, человек предохраняет себя от всего суетного, опустошающего и искривляющего картину бытия. Поэт уверен, что человек должен идти путем отречения от земных радостей и гордо нести “венец суровой боли”. Проблему нравственного долга и назначения человека Балтрушайтис решает в духе христианского мировоззрения. Христос, пребывающий вне времени, – неизменное нравственное начало жизни: “И вещей трепет жизни новой / Возрастит лишь тот, скорбя в пыли, / Кто возлюбил венец терновый / И все изгнание земли” (“Заповедь скорби”) [Балтрушайтис 1983, 221]. По мнению поэта, “терновый венец” всегда сопутствует человеку, как бы напоминая ему о сопричастности мукам Господним. Лишь обращение к вере дарует хотя бы временное успокоение, и тогда человек,

“забыв о грани темной, / Слагает в песню светлые слова” (“Уже в долинах дрогнул трепет томный”) [Балтрушайтис 1983, 260].

Лирический герой в поэзии Балтрушайтиса редко ощущает полноту бытия, для него “сладость – малая минутка”, но именно этим она особенна ценна. Художественный мир поэта редко освещается солнечным светом, также редко “младенческая улыбка, как беглый луч солнца, озаряет на миг его лицо” [Эренбург 2002, 14]. В поэзии Балтрушайтиса нет ярких образов и вычурных выражений, но каждое слово, каждый образ пронизаны глубоко эмоциональным отношением и излучают неяркий, сходный с лунным свет. Видимо, И. Эренбург имел в виду именно эту особенность стихотворений Балтрушайтиса, называя их “гравюрами по дереву”.

Подведем некоторые итоги. Каждый мастер художественного слова наряду с общими закономерностями построения словесного портрета использует и особые, в наибольшей мере отражающие его мироощущение и представление о человеке, которого он изображает. Так, анализируя словесные портреты Балтрушайтиса, выполненные его современниками в поэтической форме и в прозе, находим и обстоятельные описания, когда во внешних чертах раскрывается сложная диалектика души, и портрет-пейзаж, иносказательно передающий характер и судьбу человека, и портрет-очерк, углубленный психологический комментарий, учитывающий не только внешность поэта, его биографию, но и эпоху, когда картина литературного развития была наиболее сложной.

Раскрывая характер Балтрушайтиса в своих поэтических посланиях, А. Белый, В. Брюсов, М. Волошин обращаются к образам, заимствованным из мира суровой северной природы, которая, по их мнению, и питала творчество Балтрушайтиса, чередуясь в нем то заунывными, то жизнелюбивыми нотами.

Воображаемая галерея портретов Балтрушайтиса, созданная его современниками, позволяет нам выявить многообразные возможности и средства портретных характеристик. Острый внимательный взгляд каждого автора портрета не пропускает ни одной важной детали, необходимой для более глубокого понимания поэзии Балтрушайтиса. Все увиденное отчетливо и убедительно, и сходство заключается не столько в форме носа и цвете глаз, а в самой сути характера, выраженной в жестах, позах, поступках, создающих зрительный образ человека в пространстве. Подход к художественному образу Балтрушайтиса как сложному эстетическому единству, где каждый элемент – часть духовного мира поэта, наглядно

демонстрирует портретное мастерство его современников, которым удалось не только передать черты внешнего облика и характера поэта, но и отразить в своих портретных описаниях особенности его художественного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альфонсов В. Н. Слова и краски / В. Н. Альфонсов. – М.: Сов. писатель, 1966. – 241 с.
2. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне / Юргис Балтрушайтис. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 319 с.
3. Бальмонт К. Д. Солнечная пряжа / К. Д. Бальмонт. – М.: Детская литература, 1989. – 239 с.
4. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / К. Д. Бальмонт. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
5. Белый Андрей. Сочинения в 2-х томах / Андрей Белый. – М.: Худож. лит., 1990. – Т.1. – 703 с.
6. Белый А. Стихотворения / Андрей Белый. – М.: Книга, 1988. – 573 с.
7. Белый А. Начало века / Андрей Белый. – М.: В/о “Союзтеатр”, 1990. – 527 с.
8. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах / В. Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1973. – Т.1. – 672 с.
9. Волошин М. А. “Средоточье всех путей...”. Стихотворения и поэмы. Проза. Критика / М. А. Волошин. – М.: Московский рабочий, 1989. – 605 с.
10. Дауетите В. Юргис Балтрушайтис / В. Дауетите. – Вильнюс: Vaga, 1983. – 326 с.
11. Иванов Вяч. Лирика / Вяч. Иванов. – Мн.: Харвест, 2000. – 384 с.
12. Колобаева Л. Русский символизм / Л. Колобаева. – М.: Изд-во МГУ. – 2000. – 294 с.
13. Купченко Вл. Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин / Вл. Купченко // Дружба народов. – 1978. – № 1. – С. 283-284.
14. Лавров А. В. Андрей Белый и Юргис Балтрушайтис / А. В. Лавров // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии. – М.: Наследие, 1999. – С. 45-53.
15. Литературное наследство. Т. 85. – М.: Наука, 1976. – 854 с.
16. Максимов Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция / Д. Е. Максимов. – Л., 1969. – 239 с.
17. Мочалова О. А. Голоса Серебряного века / О. А. Мочалова. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 302 с.
18. Пайман А. История русского символизма / Аврил Пайман. – М.: Республика, 1989. – 415 с.
19. Тух Б. Путеводитель по Серебряному веку / Борис Тух. – М.: Изд-во “Октопус”, 2005. – 208 с.
20. Эренбург И. Портреты русских поэтов / Илья Эренбург. – СПб.: Наука, 2002. – 351 с.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена аналізу образу Юргіса Балтрушайтіса, створеного у віршах та спогадах його сучасників. Особлива увага приділяється засобам побудови словесного портрету та його відповідності художньому світу поезії Балтрушайтіса. У статті встановлено та обґрунтовано зв'язок між рисами особистості, зовнішнім виглядом поета та картиною світу, створеною у його творчості.

Ключові слова: портретна характеристика, образ, символ, художній світ.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу образа Юргиса Балтрушайтиса, созданного в стихотворениях и воспоминаниях его современников. Особое внимание уделяется способам построения словесного портрета и его соответствию художественному миру поэзии Балтрушайтиса. В статье установлена и обоснована связь между чертами личности, внешним обликом поэта и картиной мира, представленной в его творчестве.

Ключевые слова: портретная характеристика, образ, символ, художественный мир.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of Yurgiy Baltrushaitis's image in the poems and memoirs of his contemporaries. The special attention is given to the ways of portrait creation and its conformity to the artistic world of Baltrushaitis's creative activity. The connection between the peculiarities of the poet's personality, his appearance and the model of the world, created in his works, has been determined.

Key words: portrait characteristic, image, symbol, artistic world.

УДК 821.61.1 Пушкин 03=581

Сунь Цзявень

РОМАН А.С.ПУШКИНА “ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН” В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДАХ 1930-1990 гг. В КИТАЕ

Постановка проблемы в общем виде. Влияние поэзии Пушкина на всю литературу Китая очень велико и продолжается по сей день, потому что А.С.Пушкин – не просто величайший поэт, не просто один из российских поэтов. Он воспринимается как воплощение самой национальной культуры России, является истоком величайших идейно-художественных открытий и достижений русской литературы. Вся русская культура впервые вышла из замкнутых пределов и в лице Пушкина приобрела мировое значение. В этом заключается историческое и вечное, непреходящее значение творчества Пушкина для китайского читателя.

Анализ последних исследований и публикаций. После образования Китайской народной республики большинство произведений Пушкина переведено с русского языка на китайский, а некоторые из них имеют уже несколько переводных вариантов. Например, на сегодняшний день существует девять разных переводов “Евгения Онегина” [Алексеев 1987]. В 80-е годы появились новые переводы произведений Пушкина, в частности «Полное собрание лирики Пушкина» под редакцией Гэ Баоцюаня и Ван Шоужэня; «Сборник стихов Пушкина» в переводе Гэ Баоцюаня; «Избранная лирика Пушкина», «Сборник романов и повестей Пушкина» и «Сборник литературных статей и

заметок Пушкина» в переводе Фэн Чуня; «Сборник романов и повестей Пушкина» и «Сборник драматических произведений Пушкина» в переводе Дай Цихуана; «Избранная беллетристика Пушкина» в переводе Сяо Шаня; «Избранные поэмы Пушкина» в переводе Юй Чжэня; «Избранные лирические стихотворения Пушкина» в переводе Лю Чжаньцю; «Пушкин, избранные стихотворения о любви» в переводе Таи Юйцяна и Чэнь Хуаньпин; «Избранные стихи Пушкина» в переводе Ван Чжигэна; «Избранная проза Пушкина» в переводе Тяньчжэня; «Пушкин о литературе» в переводе Чжан Тэфу и Хуан Футуна и другие.

Кроме того, переведены и изданы другие произведения о Пушкине (биографии, романы и воспоминания), написанные русскими и зарубежными учеными и писателями: «Александр Сергеевич Пушкин» Г.П. Гроссмана, «...Я больше люблю твою душу» А. Кузнецовой, «Пушкин» Анри Труайя (Henri Troyat, Pouchkine) и др. В 90-е годы произведения Пушкина стали переводиться и издаваться в Китае в сериях. Особое внимание обращают на себя два издания. Первое из них – «Собрание сочинений Пушкина» (в 7-ми томах), вышедшее в издательстве «Народная литература» под редакцией Лу Юна, второе – «Собрание сочинений Пушкина» в 12-ти тт. в переводе Фэн Чуня.

“Китайские специалисты в области русской литературы традиционно уделяют равное внимание переводу и изучению, почти каждый исследователь переводит художественные произведения, и почти каждый переводчик пишет о русской литературе, хотя не каждый, конечно, может подготовить серьезную научную монографию. Художественный перевод считается предпосылкой и основой научной работы, а исследование – продолжением перевода и руководством для перевода”, – к такому выводу приходит исследователь Лю Вэньфэй [Лю Вэньфэй 2004, 7].

Изучение русской литературы в Китае, как и литературы вообще, подразумевает высокую ответственность перед обществом, но ее исследователи часто чувствуют себя не очень свободно из-за тесной связи с политикой, поэтому в их трудах слабее выражено личное мнение и, может быть, недостает научности. Анализ романа без патины социологизации и политизации остается актуальной проблемой в китайском литературоведении.

Формулировка цели статьи. Цель данной работы – проанализировать особенности литературного перевода романа “Евгений Онегин” китайскими исследователями и переводчиками 1930–1990 гг.

Изложение основного материала исследования. Особое место в творчестве Пушкина занимает его роман “Евгений Онегин”. Многоплановость и полнота изображения эпохи дали Белинскому основание назвать роман Пушкина “энциклопедией русской жизни”. В Китае этот пушкинский шедевр завоевал любовь широких народных слоев любителей поэзии.

Полный перевод “Евгения Онегина” в Китае был сделан и опубликован не сразу. Вначале читающей публике стали известны лишь фрагменты. В главе, посвященной “Евгению Онегину” в “Истории русской литературы” (автор Цюй Цюбо), помещен отрывок из девятой главы романа, пять строф (XLIII – XLVII), монолог Татьяны. После того, как в начале 30-х годов в Китай попадает текст “Евгения Онегина” на японском языке [Мамонов 1984], начинается перевод отрывков романа на китайский язык. Первым поместил перевод 24 строф первой главы Жун Гу в “Сборнике современной эстетики”, затем Ся Сюаньин переводит строфы XLV – XLI из той же главы и помещает в 1936 году в журнале “Шигэ шэнхо” (“Жизнь поэзии”). Монолог Татьяны переводится еще дважды – Линь Хуаньпином и Ши Чэном (1935), в 1937 году появляется перевод Лао Жун. В 1942 году выходит перевод Су Фу шестой главы, и в конце года первый полный перевод “романа в стихах” “Евгений Онегин” был издан (изд. “Сывэнь”, Гуйлинь; перевод Су Фу).

Этот перевод не снабжен надлежащим научным аппаратом, сейчас неизвестно, знал ли переводчик о самом существовании четырнадцатистроичной “онегинской строфы” (хотя в переводе с японского языка ее форма

сохраняется). Су Фу прибег к свободному стилю перевода.

Не лишенный недостатков перевод Су Фу подвергся критике со стороны Люй Ина, автора другого перевода “Евгения Онегина”, который считал, что стиль этого перевода чересчур тяжелый, перевод поверхностный, вплоть до того, что немец Шиллер превратился в англичанина Сюэши. По мнению Люй Ина, автор явно пользовался японским переводом Енэкава Масао, заимствуя у него названия глав: “Онегинская хандра”, “Поэт”, “Дуэль”, “Москва” и так далее. Мы полагаем, что поскольку эти названия представляют собой перевод данных самим Пушкиным названий глав в плане-оглавлении, составленном им в 1830 году в Болдине, то у Су Фу мог быть и независимый источник – какое-либо исследование творчества Пушкина. Разумеется, перевод Су Фу содержит много ошибок, однако это первый перевод “Евгения Онегина” в Китае, ставший фактом огромного духовного значения для китайского народа в военные годы. Сейчас эта книга – большая библиографическая редкость.

Творческая деятельность Люй Ина – одно из самых ярких проявлений глубокого и всестороннего интереса к русской литературе. Талантливый переводчик, теоретик искусства – Люй Ин стал первым, кто перевел “Евгения Онегина” непосредственно с русского языка. Известный китайский писатель Ло Биньдзи дает высокую оценку переводческой деятельности Люй Ина, отмечая, что его переводы поистине блистательны, всегда актуальны. Его работы будут “благодарны” во все времена, так как Люй Ин является нашим “национальным цветком”. Люй Ину также принадлежат фундаментальные работы по вопросам эстетики: “Вопросы эстетики”, “Цветы и человек”, “Направления литературы” и другие.

Принципиальность и твердость, серьезное отношение и требовательность к себе и своей работе четко прослеживаются в его многочисленных переводах, особенно в переводе “Евгения Онегина”. Люй Ин всю жизнь защищал права трудящихся, выступал за справедливость. Когда началась “культурная революция”, Люй Ин был сослан в сельскую глушь для исправительно-трудовых работ, но не изменил своим убеждениям, продолжая горячо отстаивать правду и до конца жизни твердо придерживался своих принципов. Ему принадлежат слова: “Нужно отстаивать истину, и тогда наш народ обязательно одержит победу!”, ставшие лозунгом в Китае.

В это времена в Китае уже существовало несколько вариантов перевода названия пушкинского романа, сделанных на основе принципа фонетического сходства имен собственных в русском и китайском языках:

“Оужэ Аонэдзин” – в переводе Цюй-Цюбо.

“Оугэнь Аонидзинь” – Чжуан Шоуцзы.

“Аонидзинь” – Су Фу.

“Ефугэни Аонидзинь” – Гэ Баоцюань

[Гэ Баоцюань 1949].

“Вечный влюбленный” (“Юнхэндэ лянъжэнь”) – так перевел название романа тайваньский переводчик Чжэн Дзинвэнь. Переводы Чжэн Шоуцзы и Гэ Баоцюаня пользуются наибольшей популярностью в среде переводчиков и исследователей русской литературы XIX века. Люй Ин перевел “Онегина” сначала как “Огэн”, а позже, в 1954 году, он заменил этот вариант перевода на “Эфугайни Аоныцзин”. Последний вариант имеет больше фонетического сходства с оригиналом, что в очередной раз доказывает, как вдумчиво и серьезно исследователь на протяжении жизни ищет соответствие содержанию и форме переводимых им текстов. В послесловии к своему переводу Люй Ин отмечает, что при переводе он пользовался свободной формой стиха и рифмой в широком смысле. Строгое и неуклонное следование системе пушкинской рифмовки, по его мнению, нанесло бы ущерб простоте языка перевода и точности передачи содержания.

Перевод “Евгения Онегина”, сделанный Люй Ином в 1954 году, был дополнен довольно подробными комментариями. Автор основывался, по собственному свидетельству, на русском оригинале текста. Он счел нужным пояснить здесь такие имена, как “Зевес”, “Руслан и Людмила”, объяснить некоторые иностранные слова: “мадам”, “мосье”, “мазурка”, что такое “Летний сад” и др. В послесловии к переводу Люй Ин замечает, что Пушкин разработал оригинальный способ рифмовки строфы, называемой “онегинской строфой”. Каждая такая строфа состоит из четырнадцати строк определенного размера с упорядоченной рифмовкой. Русский поэтический язык обладает иной ритмикой, иными рифмами, чем китайский. И если пытаться добиться полного метрического соответствия, это непременно приведет к утрате выразительности. Достигать совершенства формы в ущерб содержанию, рифмой вредить поэзии, а словом – смыслу – не таков путь Пушкина. По форме оригинал – стихотворный текст, по содержанию же он ближе к прозе (санъвэнь), вот почему при переводе Люй Ин избрал свободный стих, однако, по его мнению, можно использовать и рифму.

Сравним переводы Люй Ина с переводами других авторов: “Аонидзинь” – Су Фу, сделанный с английского языка, а также перевод “Аонидзинь” Жун Гу. Проанализировав и сопоставив эти сравнения, мы хотим показать преимущества перевода с оригинала, а не через языки-посредники.

Жун Гу	Су Фу	Люй Ин
1. Люди начинали наполнять театр	1. Театр уже полон	1. Театр уже полон. Ложи стали яркими и блещут
2. Партер и ложи блещут, стали белоснежными	2. Партер и ложи сияют ярким блеском	2. В партере и у кресел – все кипит
3. Рай такой шумный	3. Рай такой кипучий!	3. В райке нетерпеливо аплодируют

4. Занавес поднимается медленно	4. Занавес приоткрывался медленно	4. И, взвившись, занавес шумит.
5. В таких прозрачных блесках	5. От сильного света темная ночь была прозрачной	5. Блестящая и воздушная
6. Перебирают струны аккомпанемента	6. Выходит под прекрасную музыку	6. Послушна струнной музыке
7. Стоит, красотой окружена	7. Красотой окружена, как утренняя заря	7. Красотой окружена
8. Истомина по полу стучит мягко	8. Истомина, как богиня среди нимфы	8. Истомина там стоит
9. И несравненно кружит	9. Появилась на сцене	9. Она касалась пола одной ножкой
10. Она летает	10. Кружит и прыгает легко	10. Другою медленно кружила
11. Летит, как разлетаются усы над устами Эола	11. Летит, как пух из уст Эола	12. То прыгнет вдруг и летит, как пух от уст Эола
12. То согнется, то разогнется	12. Она то сгибается, то разгибается	12. То стан совет, то разогнется
13. И стучит о кривое место ножкой	13. Наискось бьет ножкой ножку	13. Быстро бьет ножку ножкой

Перечитав “Евгения Онегина” и сравнив его с переводом Люй Ина, мы убеждаемся, что переводчик не изменил ни единого слова и даже порядка слов в предложениях, что соответствовало тексту оригинала. Остановимся на качестве переводов Люй Ина при более подробном анализе: 3 строка, слово “раёк”. У этого слова несколько значений: прямое и контекстуальное. Многие переводчики интерпретировали смысл этого слова неправильно, они опирались только на словарное значение этого слова в уменьшительно-ласкательной форме, в отрыве от контекста. Однако Люй Ину удалось понять и передать контекстуальный смысл этого слова – “театральная галерка”. 11-ая строфа в переводах Жун Гу и Су Фу совершенно не совпадает с оригиналом текста легкостью пушкинского стиха. Последнюю, 13-ю строку отрывка, Жун Гу перевел как “И стучит о кривое место ножкой”; Су Фу – “Наискось бьет ножкой ножку”.

Думается, что таким переводом они пытались передать изображение некоторых балетных поз и фигур, их замысловатое сочетание. В их переводы вкрались и другие неточности. Мы пришли к выводу, что эти несоответствия одинаковы, или, по крайней мере, похожи друг на друга. Можно предположить, что Жун Гу и Су Фу пользовались переводом оригинала на иностранные языки, чтобы впоследствии

перевести на китайский. Они либо повторили ошибки других переводчиков, либо допустили свои собственные, и эти несоответствия могли бы повлечь за собой ошибочную трактовку некоторых строк из произведения.

Безусловно, по прошествии лет в Китае появились и более качественные переводы “Евгения Онегина”, однако для исследователей перевода 30-х– 50-х годов переводы Жун Гу, Су Фу, Люй Ина и других имели большое значение как одни из первых стихотворных переводов произведений А.С. Пушкина.

В период с конца 50-г до конца 90-х годов вышло еще четыре перевода “Евгения Онегина” на китайский язык. Одним из лучших переводчиков Пушкина считался Чжа Лянчжэн (1918–1977). Помимо “Евгения Онегина” он перевел “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, “Домик в Коломне”, “Медный всадник”, “Граф Нулин” и другие поэмы Пушкина (издано четырем отдельными книгами в 1954 – 1955 гг.). Одновременно Чжа Лянчжэн издал том под названием “Лирика Пушкина”. В работе над “Евгением Онегиным” помимо подлинника были использованы английский перевод Дойч, немецкий перевод Теодора Коммихана, а также работа А.Л.Слонимского “О “Евгении Онегине”, снабженная множеством иллюстраций.

Сопоставим перевод Люй Ина с переводом Чжа Лянчжэна, чьи переводы в определенной степени отличаются точностью и выразительностью художественного языка.

Люй Ин	Чжа Лянчжэн
1. А теперь все умы помутились	1. А в нашу эпоху все умы помутились
2. Мораль на нас наводит сон	2. Мораль на людей наводит сон
3. Порок стал тоже милым, и в романе	3. Порок даже интересен в романах
4. Именно там он одерживает победу	4. Ты не слышишь, как он бряцает оружием?
5. Ложь британской музы	5. Сказки, выдуманные музами Англии
6. Тревожит сон девушек	6. Увлекли наших девушек
7. Иль мрачный вампир,	7. Им нравятся коварные женщины
8. Иль милый мельмет, иль бродяга угрюмый,	8. Только загадочный сбогар отвечает их требованиям
9. Иль загадочный сбогар	9. Вот бродяга угрюмый мельмет
10. Теперь стал ее кумиром	10. Или бездомный жид, или корсар
11. (не переведена)	11. (не переведена)
12. Лорд Байрон со своими остроумными иллюзиями	12. Байрон нам создал стандарты
13. С подавленным романтизмом	13. Согласно своим стандартам,
14. Маскировал безнадежный эгоизм.	14. Эгоизму, окутанному унылым романтизмом.

После сравнения станет ясно, что переводы Люй Ина точнее передают смысл и максимально приближены к оригиналу. Например, словосочетание в 8 строке “задумчивый вампир” в оригинале, и “мрачный вампир” в переводе Люй Ина отвечает оригиналу. А Чжа Лянчжэн перевел это как “коварная женщина”, что приобретает совсем другой смысл. Неточности и ошибки иногда приводили к непониманию текста в переводе Чжа Лянчжэна, и это зачастую снижало первоначальную идею произведения.

Шедевр Пушкина продолжал привлекать внимание китайских исследователей. В 1937 году переводчик У Шисе приступил к четвертому переводу “Евгения Онегина” (работа была прервана), который был завершён лишь в 1979 году. В процессе работы переводчик пытается проникнуть в замысел автора, в особенности стремится понять главную идею, и его первоочередная задача – донести эту идею до читателя, сохранить сюжетно-композиционную структуру произведения. Многочисленные сюжетные линии соседствуют с гармоничностью и симметрией композиции (два письма героев, два объяснения), с открытостью финала. Однако “Евгений Онегин” – роман в стихах, а это, по словам Пушкина, “дьявольская разница”. В работе Лу Синя “Сила сатанинской поэзии” читаем: “Пушкин <...> прославил свое имя <... > в творении “Онегин”, где в сжатом виде описано русское общество того времени, поэтическое мастерство Пушкина достигает вершины” [Лу Синь 1907].

Пушкинское определение “дьявольская разница” указывает не просто на стихотворную форму романа, но и на его жанровую специфику. Роман “Евгений Онегин” – роман лиро-эпический. Роман строится на пересечении двух сюжетов: эпического (судьбы Онегина, Ленского, Татьяны) и лирического (главный герой – Автор, рассказчик, от чьего лица ведется повествование). Автор – один из главных героев романа наряду с Онегиным и Татьяной; все события реальной жизни даются сквозь призму авторского восприятия, авторской оценки. Автор-рассказчик – систематизирующий центр романа, он обуславливает единство его композиции [Краснухин 1987].

Первоочередную задачу – донести до китайского читателя идейно-художественный замысел романа, духовные и житейские факты биографии Пушкина, раскрыть трагедию декабристского поколения – У Шисе выполнил. А копирование стиля, полагал он, должно быть на втором месте; только в этом случае можно говорить о подлинном “претворении”. Автор перевода У Шисе подчеркивает, что если переводчик стремится к точной передаче авторского стиля, но “своевольничает” с рифмой, он не достигает цели, однако полного соответствия добиться необычайно трудно.

Представляет интерес и перевод “Евгения Онегина” У Чжисина. Первый вариант перевода он сделал еще в 50-е годы, с тех пор более десяти

раз перерабатывал и в 1982 году закончил работу над текстом. Он также отмечал в качестве одной из основных трудностей перевода “онегинскую строфу” и решал эту трудность по-своему, полагая, что необходима большая исследовательская работа, связанная с процессом творческого воссоздания художественного своеобразия подлинника. Важно верно передать содержание, но необходимо все-таки дать, наконец, возможность широким кругам любителей поэзии, не знакомым с русским поэтами в оригинале, насладиться “онегинской строфой”. Разумеется, в силу лингвистических различий между русским и китайским языками невозможно в полной мере передать все оттенки “онегинской строфы”. Но надо приложить усилия и сохранить оригинальную схему рифмовки *абббввггддееджжж*. Вместе с тем следует стремиться к сохранению в каждом стихе четырех пауз для передачи ритма четырехстопного ямба. В процессе перевыражения европейской метрики средствами китайского языка эти две задачи являются основными. Ритм и схема рифмовки – главное в метрике стиха и, сохраняя их, мы добиваемся передачи формы (чуаньсин). Если удастся полностью донести до читателя содержание подлинника, а также приблизиться к его форме, – переводчик достигает своей цели.

Фэн Чунь всю жизнь мечтал о переводе всех произведений Пушкина на китайский язык, но успел перевести “Руслана и Людмилу”, “Повести Белкина”, опубликовал “Поэмы Пушкина”. В Шанхае в 1982 году был издан перевод романа “Евгений Онегин”. Фэн Чунь также говорит о трудности перевода и как бы продолжает мысль У Шисе о сути стихотворного перевода. Прежде всего, это проблема копирования. В данной работе предпочтительна более свободная форма, чтобы по возможности передать метрику оригинала. Главное – сохранить идею и эмоциональную атмосферу подлинника. Если же говорить о такой строгой форме, как “онегинская строфа”, то переводчик от нее отклонился – возможности переводчика, однако же, не безграничны.

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские переводчики “Евгения Онегина” стремились к всестороннему, систематическому и

комплексному изучению романа, старались передать пушкинский художественный стиль, отличающийся искренностью, простотой, естественностью и ясностью, столь соответствующий эстетическому вкусу китайских читателей.

Выводы. Изучению русской литературы в Китае помогала и в то же время мешала как социологизация, так и политизация литературы. Однако эти две тенденции в последнее время значительно менее ощутимы: по мере развития социальной демократии и проведения экономической реформы, вместе с появлением нового поколения переводчиков и исследователей, изучение русской литературы в Китае, в частности, творчества А.С.Пушкина, все больше и больше сосредоточивается на художественности, на эстетических аспектах литературы, все больше внимания уделяется научности и независимости литературоведческого исследования. Каждый перевод — не только плод долголетней работы переводчика, но и результат общественного развития (выходу в свет “романа в стихах” “Евгений Онегин”, конечно же, препятствовал некороткий период “культурной революции”). Без благоприятных условий никакой, даже самый талантливый переводчик не добился бы успешного результата. Сегодня качество перевода целиком зависит только от мастерства переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Разноязычный “Евгений Онегин” // Пушкин и мировая литература. – Л.: Наука, 1987. – С. 360–361.
2. Гэ Баоцюань. Книги Пушкина в Китае // Огонек. – 1949. – № 24. – С 14.
3. Красухин Г. Г. Жанровые особенности “Евгения Онегина” А. С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 20 с.
4. Лу Синь. Моло ши ли шо (Сила сатанинской поэзии) // Хэнань. – 1907. – № 2. – С. 3.
5. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – С. 1–8.
6. Мамонов А. И. Пушкин в Японии. – М.: Наука, 1984. – 328 с.

АНОТАЦІЯ

Статтю присвячено аналізу роману О. С. Пушкіна “Евгеній Онегін” в дослідженнях і перекладах 1930–1990 рр., зроблених у Китаї. Проаналізовано художні особливості роману, художні прийоми та своєрідність „онегінської строфи”, які завдають складнощі для китайських дослідників.

Ключові слова: роман, переклад, китайські дослідники, художні особливості.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин” в исследованиях и переводах 1930–1990 гг., проведенных в Китае. Проанализированы художественные особенности романа, художественные приемы и своеобразие “онегинской строфы”, которые представляют трудность для китайских исследователей.

Ключевые слова: роман, перевод, китайские исследователи, художественные особенности.

SUMMARY

The article is devoted to the analyses of A.S.Pushkin’s novel “Evgeniy Onegin” in the researches in 1930 – 1990 in China. The peculiarities of the novel’s fiction, the methods of fiction, the Onegin’s strophes, the difficulties of the translation for the Chinese researchers are analyzed in the article.

Key words: the novel, the peculiarities of the novel’s fiction, the Chinese researchers.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 81:378.147

В.В.Цыганенко

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ “ПРИЧАСТИЕ” В ГРУППАХ СТУДЕНТОВ, ГОВОРЯЩИХ НА АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

На кафедре гуманитарных наук теме “Причастие” уделяется особое внимание, поскольку она находит наиболее широкое применение в научном стиле речи в практике преподавания русского языка как иностранного. Изучая эту тему еще на подготовительном факультете, и далее, встречаясь с ней практически на всех курсах, иностранные студенты, говорящие на английском и французском языках, имеют возможность сравнить функции этой части речи в своих языках с ситуациями в русских предложениях. Задача преподавателя – помочь студентам в практическом овладении этой сложной темой.

Причастие в английском языке представляет собой неличную форму глагола, которая соответствует в русском языке причастию и деепричастию. В английском и русском языках причастие обладает свойствами прилагательного и выполняет в предложении функцию определения к существительному. Н-р: We visited one of the largest plants *producing* medicines in our country./ Мы посетили один из крупнейших заводов, *производящих* лекарства в нашей стране. Кроме того, английское причастие, как и русское деепричастие, обладает свойствами наречия и выполняет в предложении функцию обстоятельства, определяющего действие, выраженное сказуемым. Н-р: He sat at the table *thinking*./ Он сидел у стола *задумавшись*. В функции определения русским причастиям на *-щий* и *-вший* в английском языке соответствует **Present Participle (Причастие 1)** в следующих случаях:

– перед существительным (как отглагольное прилагательное). Н-р: *Плавающее* тело вытесняет некоторое количество воды. / A *floating* body displaces some water;

– после существительного в причастных оборотах, соответствующих определительным придаточным предложениям. Н-р: Посмотрите на девушку, *стоящую* у окна./ Look at the girl *standing* at the window;

– причастие на *-вший* от глаголов НСВ может выражать действие, одновременное с действием, выраженным глаголом-сказуемым. Н-р: Он поднял письмо, *лежавшее* у окна. / He picked up the letter *lying* on the floor.

Present Participle (Причастие 1) в функции определения может образовывать определительный причастный оборот (всегда без

предлога): Н-р: Атом содержит некоторое количество электронов, *вращающихся* вокруг ядра./ An atom contains a number of electrons *revolving* around the nucleus.

Русскому пассивному причастию настоящего времени на *-мый* и прошедшего времени на *-нный*, *-тый*, а также активным страдательным причастиям на *-шийся* и *-вшийся* соответствует **Past Participle (Причастие 2) Passive** в следующих случаях:

– перед существительным (как отглагольное прилагательное со страдательным значением). Н-р: *Описанный* метод широко применяется в фармацевтическом производстве. / The *described* method is widely used in pharmaceutical production;

– после существительного в причастных оборотах, соответствующих определительным придаточным предложениям с глаголом-сказуемым в страдательном залоге. Н-р: Эта фирма интересуется покупкой лекарств, *выпускаемых* нашими заводами. / This firm is interested in the purchase of medicines *produced* by our plants. // Вещество состоит из мельчайших частиц, *называемых* молекулами. / A substance is composed of tiny particles *called* molecules. // Газ, *помещенный* в сосуд, заполняет его полностью. / A gas *placed* in a vessel fills it completely;

– в причастных оборотах для выражения обстоятельства причины. Н-р: *Упакованные* в крепкие ящики, лекарства прибыли в хорошем состоянии. / *Packed* in strong cases, the medicines arrived in good condition.

Participle present во французском языке имеет признаки глагола и прилагательного. Как и глагол, он обозначает действие, происходящее одновременно с другим действием, с которым он связан по содержанию, и которое может происходить в настоящем, прошедшем и будущем времени. Эта форма переводится на русский язык активным причастием НСВ. Н-р: Я вижу (видел, увижу) поезд, *прибывающий* на вокзал. / Je vois (j'ai vu, je verrai) le train arrivant a la gare. Как и глагол, **Participle present** может иметь дополнения и обстоятельства. Н-р: Я знаком с юношей, *разговаривающем* на трех языках. / Je connais un jeune homme *parlant* trois langues; У человека, *разговаривающего* с самим собой, всегда смешной вид./ Un homme *parlant* seul a toujours l'air ridicule. **Participle present**, как и прилагательное, обозначает качество предмета и является в предложении определением. В отличие от прила-

гательного, он никогда не согласуется в роде и числе с определяемым существительным. Н-р: Эта девушка, *любящая* музыку, часто ходит на концерты. / Cette jeune fille *aimant* beaucoup la musique va souvent aux concerts. **Participe present** с зависимыми словами (причастный оборот) может заменяться придаточным определительным предложением. Н-р: Я вижу мальчиков, *играющих* в шахматы. / Je vois les garçons *jouant* aux echecs.

Активные причастия СВ могут переводиться на французский язык с помощью **Participe passe compose**. Н-р: Ученик, *сделавший* успехи. / Un eleve *ayant fait* des progres; Женщина, воспитавшая этих детей. / La femme *ayant eleve* ces enfants; Дети, *искупавшиеся* в реке. / Les enfants *s'etant baignes* dans la riviere. **Participe passe** без вспомогательных глаголов avoir и etre употребляется для выражения признака предмета. В этом случае он имеет употребление, как у прилагательного, является определением, стоящим после определяемого слова, согласуется с ним в роде и числе. Н-р: *Выученный* текст. / Le texte *etudie*; *Написанные* письма. / Les lettres *ecrites*. // Мерным цилиндром емкостью 25мл отмеривают настойку ландыша по верхнему мениску и помещают в заранее *подобранный* флакон темного стекла емкостью 30мл. / On mesure la teinture de muguet a l'aide du cylindre a mesurer avec la capacite de 25ml sur le menisque superieur et on le met dans le flacon en verre sombre, *prepare* d'avance avec la capacite de 30ml. **Participe passe** переходных глаголов соответствует в русском языке пассивному причастию настоящего и прошедшего времени. Н-р: Les lettres *envoyees* par avion arrivent toujours vite. / Письма, *отсылаемые (отосланные)* посредством самолета, всегда приходят быстро. // Вносят с помощью пипетки или бюретки пробы 2см³ раствора в пробирки для опытов, *пронумерованные* от 1 до 11, и в пробирку, *обозначенную* С. / On verse, a l'aide d'une pipette ou d'une burette des echantillons de 2cm³ de la solution dans des tubes a essais *numerotes* de 1 a 11 et dans un tube *numere* С. // Если мы рассматриваем обратную реакцию, ион этаноата основания, *соединенный* с этановой кислотой, присоединяет протон, *отданный* ионом Н₃О⁺, который играет роль кислоты. / Si nous considerons la reaction inverse, l'ion ethanoate CH₃CO₂⁻, base *conjuguee* de l'acide ethanoique, accepte un proton *cede* par l'ion Н₃О⁺ qui joue le role d'acide. **Participe passe** непереходных глаголов в русском языке соответствуют активные причастия прошедшего времени. Н-р: Voici la preparation *arrivee* ce matin. / Вот препарат, *прибывший* сегодня утром. **Participe passe**, употребленный со вспомогательным глаголом avoir, не согласуется с подлежащим, но согласуется в роде и числе с прямым дополнением, стоящим перед глаголом. Н-р: Il parle de l'experience qu'il a *vue*. / Он говорит об *увиденном*

опыте.

Adjectif verbal переводится на русский язык активным причастием или обычным прилагательным, называется отглагольным прилагательным, а также выполняет определительную функцию в предложении и согласуется с определяемым существительным в роде и числе. Н-р: Nous etudions attentivement les substances *toxiques*. / Мы изучаем внимательно *отравляющие* вещества. // Il parlait d'une firme *productrice*. / Он говорил о *производящей* фирме. **Adjectif verbal** выражает продолжительное состояние или постоянное качество. Н-р: Il a eu une experience tres *interessante*. / У него был очень *интересный* опыт.

Таким образом, на практических занятиях по русскому языку иностранные студенты сравнивают употребление русских причастий с соответствующими формами в родном языке и убеждаются в том, что в английском языке **Причастие 1** является неличной формой глагола, в которой не выражены категории лица и числа; оно не способно самостоятельно выполнять функции сказуемого и дополнения. В то же время эта форма имеет признаки глагола и прилагательного и может характеризовать предмет/лицо в его отношении к действию. **Причастие 2** является также неличной глагольной формой, которая не может самостоятельно выступать в функции сказуемого, а способна лишь входить в состав сказуемого в формах **Perfect** и **Passive**. Обладая свойствами прилагательного и наречия, эта форма выполняет определительные функции как перед, так и после определяемого существительного.

Русское причастие переводится французскими **Participe present**, **Participe passe** и **Adjectif verbal**, причём **Participe present** не согласуется с существительным.

Студенты усваивают, что в русском языке причастием является глагольная форма, выражающая признак предмета по его отношению к выполняемому действию или действию, направленному на предмет. Ему свойственны грамматические категории времени, вида и залога. Как и прилагательное, причастие выражает признак предмета и согласуется в роде, числе и падеже с определяемым существительным. В отличие от глагола, причастие имеет только настоящее и прошедшее время. Вид причастия зависит от вида глагола, от которого оно образовано. Причастия бывают активными и пассивными. Активные имеют только полную форму и выражают признак активного производителя действия, а пассивные имеют полную и краткую форму, выражают признак предмета, на который направлено действие. Краткие пассивные причастия изменяются по родам в единственном числе и числам, но не изменяются по падежам, в предложении они обычно бывают сказуемыми.

АНОТАЦІЯ

В статті вивчена тема “Дієприкметник” в практиці викладання російської мови як іноземної в групах іноземних студентів подовженого етапу навчання, які розмовляють англійською та французькою мовами. Наведені паралельні приклади використання активних та пасивних дієприкметників в російській, англійській та французькій мовах, визначені їх синтаксичні функції в реченні під час вивчення дисциплін медично-фармацевтичної спрямованості у науковому стилі мовлення.

Ключові слова: дієприкметник, паралельні приклади, синтаксичні функції, науковий стиль.

АННОТАЦИЯ

В статье изучена тема “Причастие” в практике преподавания русского языка как иностранного в группах студентов-иностранцев продвинутого этапа обучения, разговаривающих на английском и французском языках. Приводятся параллельные примеры употребления активных и пассивных причастий в русском, английском и французском языках, определяются их синтаксические функции в предложении при изучении дисциплин медико-фармацевтического профиля в научном стиле речи.

Ключевые слова: причастие, параллельные примеры, синтаксические функции, научный стиль.

SUMMARY

In the article a theme is studied “Participle” in practice of teaching of Russian as foreign in the groups of students-foreigners of the advanced stage of teaching, speaking on the English and French languages. Parallel examples of the use of active and passive participles are made in the Russian, English and French languages, their syntactic functions are determined in suggestion at the study of disciplines of medical-pharmaceutical type in scientific style of speech.

Key words: participle, parallel examples, syntactic functions, scientific style.

Е.С. Пархомова, Т.В. Самосенкова

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В РАМКАХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

На сегодняшний день человек является центром притяжения и точкой отсчета всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека.

В конце XX века антропоцентризм признан одним из ведущих направлений лингвистики. И если в прошлом веке лингвисты в основном изучали только язык как таковой, в отвлечении от конкретного носителя, то теперь они повернулись “лицом” к человеку, “поскольку нельзя изучать человека вне его языка” [Караулов 1997, 3], а язык вне человека. Поэтому вопрос о рассмотрении человека в концепции “язык и культура” является актуальным. В этой связи лингвокультурологическое направление (изучение языка в культуре и культуры в языке) обучения русскому языку неотделимо от антропологической лингвистики.

Антропоцентрический подход к изучению языка определяет, прежде всего, предназначение языка для человека, ведь все объекты и явления внешнего мира ориентированы только на человека, кроме того “большая часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, общению с другими людьми, оценке обстоятельств” [Воробьев 1997, 38].

Антропоцентрический принцип связан с исследованиями широкого круга проблем, касающихся связи человека и языка (язык и мышление, язык и сознание; язык и ценности человека; язык и культура; язык и коммуникация и др.).

Законы развития языка не могут рассматриваться обособленно от человека, его де-

ятельности, его мышления, сознания и мировидения. Язык помогает понять особенность человека, его духовность. Язык – “дом бытия духа” (Ю.С. Степанов). Он “раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке” [Арутюнова 1997, 5], а духовное начало, как известно, связано с культурой, обусловлено ею и неотделимо от нее. Человек как носитель языка и культуры, с одной стороны, – это выразитель (творец) культуры, а с другой – пользователь, влияющий на развитие этой культуры, (его фоновые знания, поведенческие нормы, делающие индивида представителем данной культуры, членом общества, в котором язык функционирует). Поэтому “русский язык” как предмет духовный является проводником культуры народа.

Ряд отечественных и зарубежных ученых: лингвистов, психологов, психолингвистов и методистов (Д. Брунер, Е.А. Быстрова, П.Я. Гальперин, Т.К. Донская, И.Б. Игнатова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, М.Р. Львов, Ж. Пиаже, Т.В. Самосенкова, Г.М. Шипицина и др.) считают, что человек обладает знанием мира в том виде, в котором оно представлено национальной культурой, родной речью, родным языком, который находит свое выражение в фонетике, словообразовании, лексике, морфологии, синтаксисе и в речи как продукте речемыслительной деятельности языковой личности, изучающей родной язык в школе.

Под национальной спецификой культуры мы понимаем “наличие специфических признаков языковых единиц, которые могут отражать как интралингвистические (фонетические, лексические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (социальные, исторические,

культурные, психологические, этнические) факты, свойственные носителям языка той или иной национально-культурной общности” [Маслова 2001, 23-24]. Национальная специфика проявляется в следующих компонентах культуры:

- традициях, которые определяются как устойчивые элементы культуры, обычаях и обрядах, которые выполняют функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований

- повседневном поведении и речевой деятельности (т.е. нормы общения, принятые в некотором социуме);

- национальных особенностях мышления;

- художественной культуре, отражающей культурные традиции этноса.

Таким образом, антропоцентризм лингвокультурологического подхода в процессе обучения русскому языку раскрывается при анализе национальной специфики, реализующейся в особенностях культурно-языкового взаимодействия.

Лингвокультурологическое направление в свете антропоцентризма обучения признано одним из перспективных направлений модернизации школьного курса русского языка и методики его преподавания. Об актуальности проблемы свидетельствует также включение региональной программы “Язык и культура” в обязательный минимум содержания образовательных программ по русскому языку проекта Федерального компонента Государственного образовательного стандарта общего образования.

Проблема антропоцентрической и лингвокультурологической направленности обучения родному языку опирается на теоретическую разработку проблем: “Язык и культура”, “Языковая личность”, “Языковая картина мира”, “Межкультурная коммуникация”, “Стереотипы общения”, “Социокультурная ситуация”, “Прецедентные имена и тексты”, “Родной язык”, “Региональный компонент образования по русскому языку” (работы Р.А. Будагова, А.А. Брагиной, Г.Д. Гачева, А. Вежицкой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, В.В. Воробьева, Ю.Е. Прохорова, Д.Б. Гудкова, С.Т. Тер-Минасовой, В.А. Масловой, В.М. Шаклеина, Л.К. Лыжовой, Т.В. Майоровой и др.).

Теперь обучение языку через культуру представляет собой “не предмет соизучения” последнего, а является составной частью предмета “русский язык”, цель преподавания которого – научить школьников пользоваться русским (родным) языком как средством общения, средством познания мира и себя в этом мире [Прохоров 1996, 96].

В связи с новыми целями качественно изменилось и значительно продолжает изменяться преподавание предмета “Русский язык” в общеобразовательной школе (наряду с другими учебными предметами гуманитарного цикла): расширяются содержательные рамки предмета, претер-

певают изменения организационные и методические основы урока, приоритетными становятся задачи развития и воспитания духовно-нравственной личности, уважающей культуру и историю своей страны.

Новая концепция образования, современные требования к преподаванию русского языка ставят перед школой цель – формирование языковой личности школьника. При этом предполагается не только практическое овладение языком и основами лингвистики (формирование языковой, лингвистической компетенции), но и осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц (лингвокультурологической компетенции).

Учащийся должен “...догнать человечество в его культурном развитии, “обжить” дом культуры как родной дом и создать себя по законам культуры” [Доманский 2002, 8], вступить во взрослую жизнь, имея не только багаж необходимых знаний, но и осознавая, что он хранитель и творец культуры, понимая свою роль как участника межкультурной коммуникации в отечественной культуре различных временных пластов.

В свете антропоцентрической теории в рамках лингвокультурологического подхода обучение и воспитание “человека культуры” (или “человека в культуре”) реализуется через приобщение учащихся к национальной культуре, постижение которой будет проходить в тесной взаимосвязи с процессом обучения родному языку на широком фоне культуры, истории России и родного края. В центре внимания такого обучения – культураносная, духовная, “человекоформирующая” сущность языка. Поэтому познание человека через язык и культуру приобретает особую актуальность и значимость на уроках русского языка как предмета духовного и гуманитарного.

Антропоцентрический принцип в рамках лингвокультурологического направления в обучении родному (русскому) языку мы реализуем через использование интерпретации художественных и учебных текстов краеведческого содержания. Суть этого подхода заключается в том, что культура рассматривается нами как совокупность текстов, представляющих собой вместилище информации, результат культурных достижений человечества. Использование на уроках русского языка краеведческих текстов является одним из эффективных средств приобщения школьников к национальной культуре. Текст краеведческого содержания содержит высокий познавательно-воспитательный потенциал и несет эмоционально-эстетический заряд. Тематика текстов может быть самой разнообразной (“Описание истории национального костюма”, “Тайна улиц города и его жителей”, “Наш губернатор” и т.д.). Главная цель таких уроков – формирование языковой личности учащихся, обладающей, помимо лингвистической, еще и коммуникативной и культурологической (лингвокультурологической) компетенцией.

Использование текстов краеведческого содержания показывает, что тематика текстов вызывает интерес у пятиклассников, содержание им доступно и понятно, свое внимание они теперь заостряют не только на содержании текста, но и его форме, элементах; у детей возросло стремление к общению, увеличился познавательный интерес не только к истории города, края, но и к русскому (родному) языку, а системная и целенаправленная подача краеведческого материала способствует формированию лингвокультурологической и коммуникативной компетенций.

Таким образом, решение проблемы соизучения языка и культуры в свете антропоцентрического подхода в обучении родному языку мы связываем с осознанием обучения не только как средства накопления знаний и формирования необходимых умений и навыков учащихся, но и как средства становления личности растущего человека – знатока и носителя национальной культу-

ры, гражданина и патриота своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. – М., 1997.
3. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного текста //Лингвистика текста. – М., 1976
4. Доманский, В.А. Литература и культура: Культуроведческий подход к изучению словесности в школе: Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2002.
5. Караулов, Ю.Н. Языковая личность// Рус. яз.: Энциклопедия. – М, 1997.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.
7. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.

АНОТАЦІЯ

Автор описує технологію формування міжкультурної компетенції учнів середньої школи, зосереджуючи основну увагу на антропоцентричному принципі навчання.

Ключові слова: лінгвокультурологічний підхід, антропоцентризм, національна специфіка.

АННОТАЦИЯ

Автор описывает технологию формирования межкультурной компетенции учащихся средней школы, сосредоточивая основное внимание на антропоцентрическом принципе обучения.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, антропоцентризм, национальная специфика.

SUMMARY

The author in his article describes the technology of formation of linguacultural competence of pupils of secondary school, paying special attention to the anthropological principal of training.

Key words: linguocultural approach, anthropocentrism, national peculiarity

Е.В.Толмачёва

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПОЗНАНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современная лингвистика всё в большей степени становится ориентированной на человека, поскольку именно человек создаёт мир посредством органов чувств и на этой основе создаёт систему представлений о мире.

Известно, что у каждого индивида, являющегося представителем социокультурного и лингвокультурного сообщества, имеется своя собственная концептуальная картина мира и

языковая картина мира. Картина мира определяется как совокупность знаний человека о мире, система жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, эстетических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое. Она проявляется в общих представлениях людей о действительности, в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях. А языковая картина мира –

это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определённом этапе развития народа. Она может создаваться различными средствами языка, в том числе и номинативными – лексемами, устойчивыми номинациями, пословицами, афоризмами, поговорками, обеспечивающими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц. Концептуальная и языковая картины мира находятся в тесной взаимосвязи и формируются под влиянием некоторых факторов: религии, обрядов и обычаев, существующего экономического строя, способа производства материальных ценностей, миграции и т.д.

Из этого можно сделать вывод о том, что в процессе обучения русскому языку как иностранному в большинстве случаев у студентов возникает “культурологический шок”.

Поэтому целью обучения русскому языку как иностранному и является формирование коммуникативной культуры языковой личности, включающей в себя языковую, речевую, логическую, информационную, эмоциональную культуру.

Одним из эффективных средств, позволяющих успешно познать и адекватно понять русскую языковую картину мира, считаем такой продуктивный материал, как пословицы и поговорки.

Они – прекрасный материал, т.к. в них отражён богатый исторический опыт русского этноса, его культура; моральные и нравственные принципы, представления, связанные с трудовой деятельностью народа, его хозяйственным укладом. Они обладают, во-первых, житейской мудростью и высоким идейно-эстетическим потенциалом, во-вторых, лингвистическими достоинствами.

Этот материал полон здравого смысла, содержателен и афористичен. Он отражает наиболее существенные стороны народного мышления, хозяйственного уклада и быта, морали и нравственности.

Пословицы и поговорки являются ценным материалом не только потому, что они – элементы национальной культуры, но и потому, что в них проявляются свойства языка.

Во-первых, хорошо известно, что значение многих пословиц представляет собой универсалии. Это означает, что в языке двух народов можно найти синонимичные пословицы. Например, такие русские пословицы как “Цыплят по осени читают”, “По одежке протягивай ножки” имеют в английском языке эквиваленты, практически полностью совпадающие по значению с английскими пословицами “Don't count your chickens before they are hatched”, “Cut your coat according to your cloth”.

Хотя, с другой стороны, существует множество пословиц и поговорок, в которых для выражения одной и той же мысли используются разные образы, разные конструкции, не идентичные по внутренней форме и компонентному составу. Существование таких отличий и приводит к

непониманию общего смысла высказывания, даже если известно значение каждого слова и ясна грамматическая конструкция. Например, дословный перевод английской пословицы “The pot calls the kettle black” звучит как “Горшок называет этот чайник чёрным” и совершенно не понятен для русского человека. Русский эквивалент этой пословицы – “Чья бы корова мычала, а твоя – молчала”. Несовпадения связаны с различиями коннотативных и ассоциативных структур русского и английского языков.

Характерная для пословиц и поговорок метафоризация усиливает образность и выразительность высказываний.

Пословицы и поговорки лаконичны. В них нередко отсутствуют второстепенные члены предложения, а в тех, где они присутствуют, употребляются лишь крайне необходимые и наиболее точные члены для характеристики лиц, явлений, событий. Это способствует быстрому и лёгкому усвоению пословиц.

Пословицы и поговорки мелодичны. В них используются преимущественно одно-, двух- и реже трёхсложные слова с преобладанием “музыкальных” звуков – гласных, сонорных и звонких согласных.

Высказывания часто рифмуются, что обращает пословицу в двустишие и усиливает ритмичность и складность изречения (“Любишь кататься – люби и саночки возить”). Пословицы и поговорки обычно имеют эмоционально и семантически чёткую пунктуацию, особенно при бессоюзной связи предикативных единиц в составе сложного предложения.

Всё это обуславливает использование пословиц и поговорок в качестве доступного материала для изучения русской языковой картины мира. Материал не из лёгких, но весьма эффективный.

Таким образом, учитывая культурологическую и практическую ценность русских пословиц и поговорок, отметим наиболее часто используемые и лёгкие для восприятия и употребления единицы:

1) пословицы, которые характеризуют русский характер (Глаза боятся, а руки делают. Волков бояться, в лес не ходить);

2) пословицы, которые показывают отношение к труду (Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Семь раз отмерь, один отрежь. Делу время, потехе час. Терпение и труд всё перетрут);

3) пословицы о дружбе (Друг познаётся в беде. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Старый друг лучше новых двух);

4) пословицы, о знаниях и учёбе (Век живи, век учись. Учиться никогда не поздно. Ученье – свет, а неученье – тьма).

Мы пришли к выводу о том, что использование такого материала возможно на различных ступенях изучения русского языка.

На начальном этапе обучения можно ис-

пользовать пословицы уже при проведении фонетической зарядки. При работе над произношением выделяем трудные звуки, буквосочетания. Например, “учиться – всегда пригодится”. При знакомстве со степенями сравнения прилагательных приводим следующие пословицы: “Утро вечера мудренее”. Например, при знакомстве с пословицей “Век живи, век учись” стараемся связать её содержание с ментальностью студента.

Итак, работа над пословицей может проходить в несколько этапов:

- 1) презентация;
- 2) работа над произношением;
- 3) работа над содержанием;
- 4) употребление пословицы в устной речи.

На этапе презентации можно написать пословицу на доске, затем прочитать её вслух.

При работе над произношением можно выделять трудные для произнесения звуки, буквосочетания. Сначала студенты читают отдельные слова с этими буквосочетаниями, потом всю пословицу, затем пословица читается хором, потом индивидуально.

При работе над содержанием можно раскрыть значение некоторых слов при помощи синонимов или переводом на родной язык (с использованием словаря).

Каждую новую пословицу записываем в словарь. При работе с новыми пословицами студенты могут выполнить следующие задания:

- 1) найти для русской пословицы эквивалент на родном языке;
- 2) сравнить значение русской пословицы с её эквивалентом на родном языке;
- 3) придумать маленький рассказ и закончить его пословицей;
- 4) подчеркнуть пример изучаемого грамматического явления;
- 5) придумать фразу со словом из послови-

цы;

6) разрезать текст пословицы на части и собрать вместе;

7) описать (назвать) ситуацию, где можно использовать пословицу;

8) согласны ли вы со смыслом пословицы;

9) найти правильный вариант из предложенных изменённых вариантов.

Таким образом, делаем вывод о том, что пословицы и поговорки играют особую роль в познании языковой картины мира. А их использование на занятиях русского языка как иностранного способствует:

1) снятию культурологического (национально-специфического) барьера;

2) облегчению вхождения в пространство данной культуры, пониманию и усвоению ценностей и идеалов данного народа, усвоению чужого образа жизни или поведения;

3) расширению “индивидуальной картины мира” за счёт приобщения к языковой картине мира носителей языка;

4) билингвистическому и бикультурному развитию личности.

Всё это, повышает мотивацию и интерес студентов к русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. – М., 2003.
2. Дубровин М. П. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. – М., 1993.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
4. Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. – М., 1990.
5. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 2002.

АННОТАЦІЯ

У статті розглядаються такі ефективні засоби відображення російської мовної картини світу, як прислів'я та приказки. Їх вивчення дозволяє студентам-іноземцям більш глибоко познайомитись з історичним досвідом та культурою російського народу.

Ключові слова: прислів'я та приказки, білінгвізм, простір культури.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются такие эффективные средства отражения русской языковой картины мира, как пословицы и поговорки. Их изучение позволяет студентам-иностранцам глубже познакомиться с историческим опытом и культурой русского народа.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, билингвизм, пространство культуры.

SUMMARY

In the article such an effective means of cognition of Russian linguistic picture of world as proverbs and sayings is under consideration. It allows to cognize successfully and understand adequately Russian linguistic picture of world since in proverbs and sayings the rich historical experience of Russian nation, Russian culture are reflected.

Key words: proverbs and sayings, bilingualism, the space of culture.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ФРАНКОГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Общеизвестно, что появление ошибок в речи человека, изучающего второй язык, обусловлено во многом интерференцией со стороны его родного языка, которая соотносится со стадией некоординированного билингвизма, т.е. такого состояния языковой компетенции говорящего, когда два кода и две системы норм – родного языка и изучаемого – не дифференцированы полностью. Интерференция есть не что иное, как подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо видоизменение первых по образцу вторых.

Цель данной работы заключается в том, чтобы на базе сопоставительно-типологических исследований различных аспектов русского и французского языков выявить схождения и расхождения в использовании языковых средств в этих языках, что имеет важное методическое значение в обучении русскому языку как иностранному, ибо знание расхождений позволяет преодолевать языковую интерференцию.

Сопоставительное изучение языков должно вестись для выявления не только лингвистических универсалий, но и отличительных черт русского языка по сравнению с родным языком учащегося (или языком-посредником). Таким образом, сопоставление языков должно завершаться выявлением трудностей русского языка и возможной интерференцией. Следовательно, сопоставительное описание двух языков опирается не только на языкознание и русистику, но и на дидактику и методику. Такое описание по праву называют лингводидактическим, или русским языком как иностранным – особой теорией и учебным предметом. Н.М.Шанский, говоря о возможности лингводидактических описаний для методики преподавания русского языка как иностранного, справедливо подчеркнул, что “даже самые серьёзные и основательные сравнительно-типологические исследования нуждаются в “переизложении” для применения их в методике” [Шанский 1976, 50].

Явления языковой интерференции уже давно привлекают внимание психологов, лингвистов и методистов. И хотя в этой области за последнее время достигнуты значительные успехи [Гак 1976; Вагнер 1995; Алимов 2005; Кузьмина 2008] приходится всё же констатировать, что учение об интерференции пока ещё не оказало существенного влияния на практику обучения русскому языку как иностранному.

Собственно лингвистический аспект интерференции связан, прежде всего, с сопоставительным анализом контактирующих языков и основывается на данных их сопоставительного описания. Задача соответствующих сопоставительных исследований заключа-

ется в выявлении и анализе языковых соответствий разных типов: тождества, частичного различия и полного различия. С этой целью необходимо описать языки в одинаковых терминах и с единых теоретических позиций. После такого описания возможно наложение систем или подсистем языков, находящихся в контакте, и определение сферы потенциальной интерференции. Далее необходимо предсказать конкретные типы речевой интерференции путём установления бинарных отношений между отдельными единицами и правилами их функционирования в обеих языковых системах или подсистемах на основе универсальных законов переноса навыков и межязыковой идентификации. На этом заканчивается собственно лингвистическая часть исследований и появляется возможность экспериментальной проверки данных, полученных на предыдущей стадии анализа, с привлечением информантов (учащихся). В результате такого психолингвистического эксперимента не только проверяются и уточняются данные теоретического прогноза, но и устанавливается вероятность появления конкретных типов интерференции в речи определённого контингента учащихся.

Полученные в результате такого многоступенчатого анализа данные относительно типов интерференции позволяют разместить все факты изучаемого языка по степени убывающей трудности, что может быть использовано при создании учебников и учебных пособий в процессе практической (аудиторной) работы преподавателя.

Как известно, механизмы межязыковой интерференции действуют на протяжении всего периода обучения русскому языку как иностранному. Одним из путей интенсификации и оптимизации процесса овладения русским языком является использование механизмов положительного переноса и нейтрализации, ограничения интерферирующего влияния родного или первого иностранного языка.

На начальном этапе обучения русскому языку франкоговорящих учащихся одним из первых интерферирующих “сигналов” является ударение. Во французском языке оно фиксированное, окситональное, то есть оно всегда падает на последний слог отдельного слова, ритмической группы, системы или всей фразы. В русском языке ударение разноместное и может относиться к любому слогу в слове и слову в предложении. Второстепенное ударение во французских словах определяется чисто ритмически и падает на каждый нечётный слог от конца: *une' cata' strophe*. В русском языке такое ударение встречается реже. Оно носит смысловой характер и падает на соответствующий слог компонента сложного слова: *после-во-енный*.

В русском языке ударение играет важную

смысловую роль: оно дифференцирует слова и их формы: *руки – руки́, сколько сто́ит – стол стои́т, еду́ на автобусе – пригото́вить еду́*, в предложении оно самостоятельно выделяет логический предикат – рему. У французского ударения более ярко выражена синтаксическая функция. Оно объединяет слова в ритмические группы и синтагмы в предложении и нередко вместе с ритмомелодикой служит для дифференциации синтаксических связей. Ср.: *Le docteur a trouvé cet enfant malade. – Доктор нашёл этого больного ребёнка и Le docteur a trouvé cet enfant | malade. – Доктор нашёл этого ребёнка больным.*

Сравнительный анализ французского и русского языков позволяет выявить сходства и различия в использовании лексических средств в обеих языковых системах и, соответственно, возможные зоны скрытой и явной интерференции на лексическом уровне. Общность многих парадигматических знаков и грамматических категорий является опорой при изучении русского языка. Так, в русском и французском языках имеется примерно одинаковая система частей речи (такие классы слов, как существительные, глаголы, союзы и другие), одинаковые грамматические категории (например, число, род, время, лицо).

Знание расхождений дает возможность определить источник интерференции на лексическом уровне в русском языке франкоговорящих учащихся. При контакте русского и французского языков наблюдается несколько зон лексической интерференции. Французский язык различает два рода: мужской и женский; русский три: мужской, женский и средний. У существительных одушевленных категория рода значима, семантически: она отражает различия пола. У существительных неодушевленных категория рода асемантическая, она не отражает никаких свойств обозначаемых объектов и является лишь частью внешней формы слова. Во французском языке в этом случае различаются две формы (м. и ж. род), в русском – три (м., ж. и ср. род). Ошибки в употреблении рода гораздо чаще связаны с существительными второй категории, где форма рода не имеет опоры в значении слова.

В русском языке внешнее выражение рода у существительных более определено, чем во французском. У подавляющего большинства существительных неодушевленных род опознаётся по форме именительного падежа. Существительные, оканчивающиеся на *-ь*, несклоняемые (кофе) и некоторые другие отходят от этого правила, но их общий процент невелик.

Во французском языке формальных признаков рода нет. Но есть косвенные признаки, помогающие определить род. Например, суффиксы. Так, в русском языке все слова с суффиксом *-ость* – женского рода, с суффиксом *-тель* – мужского рода. Во французском языке суффиксы *-tion, -ure, -ance* – ж.р.; *-ateur, -ier, -age, -isme* – м.р.

Таким образом, зону межъязыковой интер-

ференции составляет большой пласт существительных, различающихся в роде и числе. Например, *classe (f) – класс, systeme (m) – система, probleme (m) – проблема, groupe (m) – группа, les mathematiques – математика, les meubles – мебель*. Таких слов в обоих языках много, и они представляют известную трудность при изучении русского языка: оформление этих слов происходит по характеристикам французского языка. Этот вид интерференции можно рассматривать как собственно транспозицию интернациональных слов с приспособлением к особенностям склонения русских слов, но с сохранением таких морфологических характеристик, как род, число французского языка. Вот почему особую значимость приобретает работа над морфологическими характеристиками существительных при обучении русскому языку франкоговорящих учащихся.

Наблюдаются многочисленные ошибки на лексико-семантическом уровне из-за несовпадения, расхождения в объеме понятия. Во французском языке чаще, чем в русском, в одном слове заключается родовое и видовое значение. Например, *homme – человек, мужчина; etranger – иностранец, иностранный; manifestation – выступление, событие, демонстрация, забастовка, митинг; mesure – размер, мера* и др. При овладении русской речью франкоговорящие учащиеся располагают только одним словом, которое нейтрализует оппозиции русского слова. Отсюда типичные ошибки: “Я видел человека и женщину”, “Иностранные плохо знают город” и т.п.

Французские слова, особенно глаголы, чаще по своему значению оказываются шире русских. Например, *savoir – знать и уметь, reussir – успеть и удасться, perdre – потерять и утратить*. Отсюда типичные ошибки франкоговорящих учащихся: “Я не знаю говорить по-русски”, “Я не знаю танцевать”, “Я утратил учебники”.

Усвоению слов изучаемого языка часто мешает так называемая омонимия – случайные звуковые совпадения. Звуковой образ какого-либо слова родного или первого иностранного языка составляет зону межъязыковой лексической интерференции. Так, *figure – образ, magazine – иллюстрированный журнал, banderole – вымпел, флажок* и другие слова являются образцом такого вида лексической интерференции. Десигнаторы слов (их внешний облик) в обоих языках совпадают (или почти совпадают). Интерференционный сдвиг происходит в силу звуковых совпадений, особенно при восприятии речи на слух, в процессе аудирования.

Основная особенность французской морфологии – её аналитизм, т.е. расчлененное выражение значения слова и его грамматических признаков. Значение (семантика) выражается в знаменательных словах, а грамматические признаки – специальными служебными словами при них.

Общее семантическое содержание глаго-

лов в русском и французском языках совпадает: они обозначают действие, состояние, отношение. В обоих языках выделяются аналогичные лексико-грамматические группы глаголов: знаменательные и служебные, личные и безличные, переходные и непереходные. Здесь необходимо отметить, что ни во французском, ни в русском языках нет особых служебных глаголов, но некоторые знаменательные глаголы в определенных условиях могут подвергаться десемантизации и играть строевую роль.

В русском языке служебными глаголами являются глаголы *быть* (иногда относят и *стать* – в видовых конструкциях), *давать* – в императиве. Во французском языке система служебных глаголов шире: а) *être* (*быть*), *avoir* (*иметь*) – в русском языке глагол *иметь* такой функции не выполняет; б) глаголы движения *aller* (*идти*), *venir* (*приходить, приезжать*); в) глаголы *faire* (*делать*), *laisser* (*оставлять*), образующие каузативные конструкции; глагол *voir* (*видеть*), который приобретает служебную залоговую функцию; г) модальные глаголы *pouvoir* (*мочь*), *vouloir* (*хотеть*), *devoir* (*долженствование*), образующие сложный предикат с модальным значением.

В обоих языках различают группы глаголов в зависимости от их способности сочетаться с субстантивными членами предложения. Различают четыре группы глаголов по их валентности и в русском и во французском языках.

1) Авалентные (безличные) глаголы – эти глаголы часто мотивированы, т.к. обозначают бес-субъектные процессы или психофизические состояния. Но расхождения здесь велики! Например, французским безличным *il pleut, il neige* в русском языке соответствуют формально личные конструкции *идёт дождь, идёт снег*.

2) Одновалентные глаголы в обоих языках указывают на состояние и движение субъекта. Например, *il dort – он спит, il marche – он ходит*.

3) Двухвалентные глаголы в обоих языках реализуются в двух синтаксических конструкциях: переходной и непереходной. Переходность – непереходность – немотивирована: один и тот же по семантике глагол в одном языке – переходный, в другом – непереходный. Но французский язык характеризуется большей численностью переходных глаголов. Например, глаголы *изменять, помогать, обещать, верить, платить, мешать* во французском языке являются переходными глаголами.

4) Трёхвалентные глаголы в обоих языках обозначают передачу (непередачу) или получение материальных объектов или информации.

При сопоставлении французского и русского языков наибольшие структурные расхождения и различия значений в системе глагола касаются категорий времени, вида и способа действия. Эти категории теснейшим образом переплетаются между собой и могут быть интерпретированы как различные аспекты общей широкой семантической

категории – свойства действия.

Во французском языке ведущей является грамматическая категория времени. Способы действия почти не имеют регулярного морфологического выражения.

В русском языке большей грамматизации достигло выражение видовых значений. По сравнению с французским языком, в русском языке способ действия находит более регулярное выражение с помощью префиксов и суффиксов.

В русском языке формы времени теснейшим образом переплетаются с формами вида, образуя систему из пяти единиц: несовершенный вид – настоящее, прошедшее и будущее; совершенный вид – прошедшее и будущее. Общая система времён индикатива французского глагола включает в свой состав от 8 до 20 форм. Система глагольных времён во французском и русском языках существенно различается.

Основным значимым противопоставлением, свойственным обоим языкам, является противопоставление трех временных планов – прошедшего, настоящего, будущего. Временные формы, соответствующие им, называются абсолютными временами, они показывают время действия по отношению к моменту речи. Основные значения форм трех временных планов во французском и русском языках совпадают. Так, настоящее время в обоих языках может выражать:

1) точное настоящее (*present momentane*) – я читаю;

2) расширенное настоящее (*present duratif*) – он живёт здесь уже два месяца;

3) привычное или повторяющееся настоящее (*present a'habitude*) – он приходит по четвергам;

4) потенциальное настоящее (*present potentiel*) – он умеет рисовать.

Прошедшее и будущее время в обоих языках выражает аналогичные значения: единичное, потенциальное, повторяющееся и обобщенное действие в прошлом или будущем.

Внутри основной оппозиции временных планов французский и русский языки фиксируют различные виды более частных оппозиций, несоответствие которых и предопределяет значительные расхождения в использовании форм. Поскольку система глагольных времён во французском языке содержит большее число форм, частных оппозиций в системе французского глагола больше и они выражаются противопоставлением специальных форм глагола. В русском языке частные оппозиции выражаются употреблением тех же грамматических форм, которые передают основные оппозиции временных планов, либо различными видовыми формами.

Можно указать следующие аспекты методической работы, для которых сопоставление дает важный материал. Во-первых, снятие ложных, хотя и распространенных, представлений об исключительной трудности русского языка. Ведь многие

специфически трудные явления русского языка, составляющие его центр, обычно типологически также представлены хотя бы на периферии родного языка учащихся. Во-вторых, выявление тех участков и характеристик системы русского языка, которые, будучи в основном изоморфны соответствующим явлениям в родном языке учащихся, не составят особых трудностей для изучения. Такова, например, категория времени в русском и французском языках. В-третьих, выявление таких участков и характеристик, которые особенно трудны для изучения в той или иной аудитории. При этом сопоставительное изучение русского языка четко показывает, в чем именно будет состоять эта трудность: в формировании соответствующих понятий, или в непривычности оформления обычных для учащегося понятий, или в том и в другом. В-четвертых, сопоставление русского и родного языков повышает общекультурный уровень учащихся, способствуя при умелом руководстве со стороны преподавателя формированию материалистических взглядов на связь между объективной действительностью, мышлением и языком, универсальным и национальным в языках.

Осознавая все то ценное, что дает изучение русского языка в сопоставительном плане, не следует, однако, и преувеличивать роль такого изучения для методики преподавания русского языка как иностранного. В процессе обучения нефилологов с установкой на коммуникативную компетенцию данные сопоставительного изучения остаются обычно “за кадром”. Они, как правило, не эксплицированы для учащихся, а служат лишь ориентиром для преподавателей, для авторов учебников и учебных пособий, определяя характер и количество заданий и упражнений на формирование тех или иных знаний, навыков и умений. А при обучении формам речевого этикета, например, материалы по сопоставлению русского и других языков обычно и вовсе излишни, поскольку здесь совпадение формальных структур часто приводит к грубому нарушению узуса.

Иное дело обучение студентов-филологов, для которых важно не только практическое владение русским языком, но и глубокое понимание особенностей его “устройства”. Создание вузовских курсов русского языка в сопоставлении с иными языками, курсов, которые могут быть на разных основаниях и иметь различные задачи, – актуальная задача русистов всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: Учебное пособие. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
2. Бурлаков М.А. Обучение активному владению иноязычной лексикой в вузе. – Львов: Вища школа, 1988. – 247 с.
3. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим. Фонетика. Графика. Части речи. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 324 с.
4. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
5. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 264 с.
6. Заговканюк М.Н. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) // Русский язык за рубежом. – 1973. - №2. – С.74-77.
7. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
8. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 286 с.
9. Кузьмина С.Е. Языковая интерференция: Учебное пособие. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2008. – 98 с.
10. Шанский Н.А. Русская лингводидактика и языкознание // Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы. Тезисы докладов и сообщений на III Конгрессе МАП-РЯЛ. – М.: Русский язык, 1976. – С.43-58.

АНОТАЦІЯ

Однією із центральних проблем, що виникають у процесі навчання іноземній мові та взаємодії мовних систем, є проблема інтерференції. Виявлення різноманітних зон і типів інтерференції на базі порівняльно-типологічних досліджень на прикладі російської і французької мов може бути використано при створенні навчальних посібників, що буде сприяти підвищенню ефективності навчання російській мові як іноземній.

Ключові слова: порівняльна типологія, білінгвізм, міжмовна інтерференція.

АННОТАЦИЯ

Одной из центральных проблем, возникающих в процессе обучения иностранному языку и взаимодействия языковых систем (родного и изучаемого), является проблема интерференции. Вывявление различных зон и типов интерференции на базе сопоставительно-типологических исследований на примере русского и французского языков может быть использовано при создании учебных пособий, что будет способствовать повышению эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: сравнительная типология, билингвизм, межъязыковая интерференция.

SUMMARY

One of the main problems raising the learning process of foreign language and language systems interaction is interference problem.

The revelation of different interference zones and types on the typical comparison researches base using russian and french example can be used in writing educational textbooks, that results promotion of “russian language teaching as a foreign language” effectiveness increase.

Key words: comparative typology, bilanguage, interlinguistic interference.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ РУССКИМ МЕСТОИМЕНИЯМ)

Обучение способам выражения определительных отношений в русском языке является одной из важнейших задач, стоящих перед преподавателем РКИ, во-первых, потому что без овладения ими студент просто теряет возможность в полном объёме воспринимать предлагаемый ему учебный материал. Во-вторых, обучение любому предмету предполагает развитие сложных мыслительных процессов. Однако без овладения способами выражения определительных отношений это становится невозможным, так как само мыслительное действие, которое даёт нам возможность раскрыть сущность того или иного понятия, и есть его определение.

Важным инструментом в обучении иностранных студентов способам выражения определительных отношений в русском языке является сравнительный анализ как языковых составляющих определительных отношений, так и способов и реализации в речи. Сопоставление грамматических категорий русского и иностранного (в данном случае английского) языков позволяет естественным образом избежать возможной интерференции а также выявить примеры положительного переноса в процессе обучения русскому языку как иностранному.

При построении определительных конструкций как в русском, так и английском языках используются практически все части речи обоих языков (существительные, прилагательные, числительные, наречия, причастия, глаголы, предлоги), языковые категории (число, лицо, падеж, род). В сопоставляемых языках существует пре- и постпозиция определительных конструкций по отношению к определяемому слову. Однако на этом полное соответствие между данными конструкциями в анализируемых языках заканчивается.

В рамках данной статьи представляется уместным дать сравнительное описание способов выражения определительных отношений в русском и английском языках на примере местоименных прилагательных, так как именно с них начинается знакомство с языком (*наш преподаватель, моя группа; этот стол; следующее упражнение; человек, который стоит на улице; самая красивая картина и т.д.*).

Притяжательные местоимения в русском и английском языках практически эквивалентны.

Однако следует помнить, что в английских притяжательных местоимениях сохранилась одна из наиболее сложных для англоговорящих студентов категорий русского языка – категория рода. Такое соответствие позволяет не только упростить подачу и усвоение этого грамматического материала, но и на основе лингвистического и методи-

ческого опыта наметить способы предупреждения интерференции (родовой) в дальнейшем. Так, например, если при введении нового лексического и грамматического материала предварительно сравнить с ним хорошо усвоенный предыдущий, то возможность языковой интерференции значительно снижается.

Построение простых определительных конструкций в русском и английском языках

<i>М.р.</i>	ОН – ЕГО – ЕГО ДОМ –	HE – HIS – HIS HOUSE –
<i>Masc.</i>	БОЛЬШОЙ ДОМ	BIG HOSE
	ДОМ БОЛЬШОЙ	HOUSE IS BIG
<i>Ж.р.</i>	ОНА – ЕЁ – ЕЁ КАРТИНА –	SHE – HER – HER PICTURE –
<i>Fem.</i>	БОЛЬШАЯ КАРТИНА	BIG PICTURE
	КАРТИНА БОЛЬШАЯ	PICTURE IS BIG
<i>Ср.р.</i>	ОНО – ЕГО – ЕГО ПОЛЕ –	IT – ITS – ITS FIELD –
<i>Neut.</i>	БОЛЬШОЕ ПОЛЕ	BIG FIELD
	ПОЛЕ БОЛЬШОЕ	FIELD IS BIG
<i>Мн.ч.</i>	ОНИ – ИХ – ИХ ПЛАНЫ –	THEY – THEIR – THEIR PLANS –
<i>Plural</i>	БОЛЬШИЕ ПЛАНЫ	BIG PLANS
	ПЛАНЫ БОЛЬШИЕ	PLANS ARE BIG

Иными словами, дифференцированные личные английские местоимения третьего лица единственного числа подсказывают иностранным студентам о возможности родового несоответствия и у других частей речи. Данный феномен также возможно продемонстрировать студентам, предложив заменить некоторые имена существительные местоимениями.

Например: *The ship has reached the destination port in time – She has reached the destination port in time.*

Однако даже в таком на первый взгляд “адекватном” грамматическом материале, как личные местоимения, также имеются моменты, способные породить языковую интерференцию. Речь идёт о форме английского местоимения второго лица множественного числа – *your*. Совпадение форм второго лица единственного и множественного числа значительно “упрощает жизнь” людям, говорящим на английском языке, потому что они, не задумываясь, употребляют в речи единственно доступную языковую форму. Но данное, уже состоявшееся, языковое умение усложняет не только процесс презентации на начальном этапе обучения (в силу того, что студенты по аналогии с английским эквивалентом как бы опускают различие данных форм в русском языке), но и затрудняет формирование устойчивого речевого умения корректного употребления данной языковой единицы на последующих этапах обучения. Проведённые экспериментальные исследования указывают на то, что в 75 процентах

случаев, когда студенты в незнакомой для себя речевой ситуации сталкиваются с необходимостью использования местоимения *You*, то:

а) “первичное” (английское) речевое умение заставляет студента не задумываясь использовать спроецированное по английскому эквиваленту местоимение *твой*;

б) студенты с более высоким уровнем сформированности умений самоконтроля делают вынужденную остановку в речи для того, чтобы выбрать правильную форму местоимения.

Перейдем к рассмотрению следующего типа местоимённых прилагательных – указательных.

Указательные местоимения *это(m)* и *то(m)* очень часто встречаются в русскоязычной речи. Прямыми английскими эквивалентами данных лексических единиц являются местоимения *this* и *that*:

Сравните: *Этом (том) дом белый – This (that) house is white.*

Определение “прямыми” было введено специально, так как наличие в английском языке определённого артикля часто “оставляет без работы” указательные местоимения.

Например: *Этом дом белый – The house is white.*

При этом семантическое поле этих двух предложений в английском языке совершенно идентично.

Интересен факт, что в определённом контексте указательное местоимение *том* также может передаваться с помощью определённого артикля.

Например: *На холме стоит дом. Том дом белый – There is a house on the hill. The (that) house is white.*

В русском языке указательные местоимения *это(m)* и *то(m)* имеют категорию числа (*эти, те*). Это один из редких случаев наличия у английских эквивалентов сохранившейся категории числа (*these, those*).

Например: *Эти (те) дома белые – These (those) houses are white.*

Сравните: *следующий дом, следующие дома – next house, next houses.*

Подобные примеры целесообразно использовать при объяснении англоговорящим студентам механизма построения согласованных определительных конструкций в русском языке.

Часто встречаются в русском языке и местоимения, которые обозначают количество предметов – *много, мало*. В отличие от английских эквивалентов данные местоимения в русском языке употребляются как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными. Такое существенное различие между языковыми явлениями на первый взгляд только облегчает процесс усвоения и использования студентами определительных конструкций с местоимениями *много, мало*. Однако опыт работы с данным грамматическим материалом показал, что

многообразии английских эквивалентов часто негативно сказывается на правильном употреблении соответствий в русском языке.

Так, например: *У него много книг – He has many books.*

У него много смелости – He has much courage.

Иностранные студенты по аналогии с английским языком начинают искать местоимение, которое бы можно было употребить с неисчисляемым существительным. Такой процесс приводит к тому, что, во-первых, у студентов возникают заминки и остановки в речи, которые негативно сказываются на вербализации мысли, а, во-вторых, провоцирует использование неправильного эквивалента в русском языке.

Сравните: *У него мало смелости – He has much courage.*

Неверное использование местоимения *мало* выявляется при просьбе воспроизвести ту же мысль на английском языке.

Такого рода ошибки нередки, поэтому следует обратить особое внимание на их профилактику особенно на начальном этапе обучения.

Подобные ошибки распространяются и на местоимение *мало*, потому что, как и в случае с местоимением *много*, здесь имеются разные английские эквиваленты для исчисляемых и неисчисляемых существительных.

Например: *У него мало друзей – He has few friends.*

У него мало свободного времени – He has little free time.

Ошибка, связанная с использованием вместо местоимения *мало* местоимения *мало* и наоборот, является достаточно серьёзной, так как ведёт к неверному истолкованию передаваемой информации, иными словами, к ошибке в самом акте коммуникации.

Довольно интересная ситуация складывается и с использованием синонимов местоимения *мало* – *немного, недостаточно, небольшое количество*. В русском языке синоним местоимения *мало* представлен либо антонимом с отрицательной приставкой *не*, либо другой лексической единицей, а иногда и целым словосочетанием.

В английском языке для передачи близкой по смыслу информации с местоимениями *few* и *little* используются определённый и неопределённый артикли. В зависимости от использования того или иного артикля изменяется и семантическая окраска всего высказывания.

Например: *Студент дал мало информации по заданному вопросу.*

Приведённый выше пример довольно прост, однако его двусмысленное восприятие англоговорящими студентами выявляется при просьбе перевести данное предложение на английский язык.

Как правило, студенты дают два варианта

перевода:

а) The student gave **little** information on the question asked;

б) *The student gave **a little** information on the question asked.*

После зеркального (обратного) перевода оказывается, что студенты, которые перевели *мало* как *little*, вкладывают в высказывание следующий смысл: *Студент дал мало информации по заданному вопросу – Студент дал мало (недостаточное количество, практически не дал) информации по заданному вопросу.*

А студенты, использовавшие при переводе местоимение *a little*, передавали следующую информацию: *Студент дал мало информации по заданному вопросу – Студент дал мало (немного, небольшое количество) информации по заданному вопросу.*

Данное несоответствие выявляется и при использовании студентами местоимения *мало* как с исчисляемыми существительными, так и в случае, когда вместе с местоимением *мало* используются указательные местоимения *те* или *то*.

Например: *те немногие преподаватели, то небольшое количество информации.*

В этом случае указательным местоимениям в русском языке соответствует определённый артикль английского языка.

Местоимения *много* и *мало* также часто используются в словосочетаниях с предлогом *из*.

Например: *многие из студентов, мало кто из участников.*

Предлогу *из* в русском языке в этих случаях соответствует английский предлог *of*.

Конструкции с такими наречиями степени как *так*, *слишком*, *довольно*, как встречаются в русском языке довольно часто.

Например: *У тебя довольно много друзей; В нашем университете так много интересно.*

Английскими эквивалентами подобного рода конструкций в русском языке являются:

You have **so (rather) many** friends.

There are **so much** interesting in our university.

Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что ввод данного грамматического материала с опорой на “прямые” эквиваленты из родного/смежного (английского) языка может привести к возникновению отрицательного переноса, что впоследствии негативно сказывается на использовании студентами таких определительных конструкций в речи. Решение проблемы интерференции в данном случае видится в использовании на начальном этапе преподавания синонимов английских эквивалентов, которые могут использоваться как с исчисляемыми, так и с неисчисляемыми существительными.

В процессе знакомства студентов с местоимениями *много* и *мало* следует опираться на английские выражения *lots of, a lot of, plenty of, a great or small number of*.

Например: *много студентов – a lot of students;*

много информации – a lot of information;

мало вопросов – a small number of questions;

мало снега – little snow.

Из примеров видно, что при такой презентации данного грамматического материала возможность языковой интерференции минимизирована, таким образом оптимизируется как процесс первичного ввода местоимений-определителей, так и его закрепление, и последующее использование в речи.

Определительное местоимение *весь* также имеет в английском языке не один эквивалент, но в отличие от определений *много* и *мало*, такой универсализм лишь упрощает процесс усвоения.

Относительная сложность передачи понятия “*весь*” в английском языке заключается в том, что часто с прямыми эквивалентами *all* и *whole* употребляется определительный артикль.

Например: *все книги – all the books;*

всё утро – all (the); the whole morning;

весь университет – the whole university.

В русском языке местоимение *все* довольно часто употребляется в сочетании с личными местоимениями *мы, вы, они*.

Например: *Все они сидели в классе;*

Все мы из одной группы;

Вы все сдали экзамен на “отлично”.

Заметим, что препозиция местоимения *все* по отношению к личному местоимению не является обязательной.

Англоговорящие студенты довольно часто “страдают” оттого, что строгий порядок слов в английском языке, к которому они так привыкли, не является правилом в русском. На примере употребления местоимения *все* и его прямого английского эквивалента – местоимения *all* с личными местоимениями, можно указать на видимое сходство между двумя языками, что впоследствии даст необходимую базу для того, чтобы иностранные студенты быстрее и легче усваивали и использовали в речи более сложные и несхожие с английским языковые и речевые реалии русского языка.

Например: *Все мы часто ходим на концерты – All (all of) we (us) often go to concerts.*

Мы все часто ходим на концерты – We all often go to concerts.

Все они любят наш университет – All (all of) they (them) like our university.

Они все любят наш университет – They all like our university.

Рассмотренные выше примеры описания некоторых типов местоимений русского и английского языков, выступающих в роли определений, указывают на то, насколько важно в процессе преподавания РКИ его контрастивное начало. Более того, сравнительный анализ построения определительных конструкций русского и английского языков может применяться не только при обуче-

нии студентов, чьим родным языком является английский, но и тех студентов, которые изучали английский язык как иностранный ранее. Таким образом, принцип введения и закрепления лексико-грамматического материала с опорой на родной/смежный (английский) язык является одним из основных принципов методики РКИ, особенно на начальном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 "Иностр. языки" / В. Д. Аракин. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1989. – 254 с.

2. Арутюнов, А. Р. Коммуникативная методика русского языка как иностранного и иностранных языков : конспекты лекций / А. Р. Арутю-

нов, И. С. Костина ; Ин-т рус. яз им. А. С. Пушкина. – М. : Изд-во ИРЯП, 1992. – 147 с.

3. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка = A Course in theoretical English grammar : учеб. для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. пед. вузов / М. Я. Блох. – М. : Высш. шк., 1983. – 383 с.

4. Вагнер В. Н. Обучение сознательному конструированию речевых высказываний / В. Н. Вагнер // Русский язык для студентов-иностранцев. : сб. метод. ст. – М., 1981. – Вып. 20. – С. 147-155.

5. Иевлева, З. Н. Отбор грамматического материала для начального этапа обучения русскому языку иностранцев : автореф. дис. ... канд. пед. наук / З. Н. Иевлева. – М., 1977. – 23 с.

6. Thomson, A. J. A practical English grammar / A. J. Thomson, A. V. Martinet. – 4-th ed. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 1991. – 383 p.

АНОТАЦІЯ

Стаття присвячена лінгвометодичному опису означень у російській та англійській мовах з метою виявлення критеріїв відбору мовного та мовленнєвого матеріалу для підготовчого етапу навчання. У статті наводиться порівняльний аналіз засобів вираження означальних відносин для виявлення складностей, що виникають у англомовних студентів під час засвоєння та використання даного матеріалу у мовленні.

Ключові слова: лінгвометодичний опис, критерії відбору мовного та мовленнєвого матеріалу, засоби вираження означальних відносин у російській та англійській мовах, підготовчий етап навчання.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена лингвометодическому описанию определений в русском и английском языках с целью выявления критериев отбора языкового и речевого материала для подготовительного этапа обучения. В статье приводится сравнительный анализ способов выражения определительных отношений для выявления сложностей, возникающих у англоговорящих студентов при усвоении и использовании данного материала в речи.

Ключевые слова: лингвометодическое описание, критерии отбора языкового и речевого материала, способы выражения определительных отношений в русском и английском языках, подготовительный этап обучения.

SUMMARY

The article is devoted to linguomethodical observation of attributes in Russian and English languages in order to determine the criteria of language and speech material choosing for pre-university level of education. It comparatively analyses ways to express attributes in order to detect difficulties English-speaking students face.

Key words: linguomethodical observation, language and speech material choosing criteria, ways to express attributes in Russian and English languages, pre-university level of education.

УДК 81.27 (07)

Д.И. Ромеро Интриаго

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ "КУЛЬТУРА – ЯЗЫК – ЛИЧНОСТЬ" В ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время как в собственно лингвистических, так и в прикладных (лингвометодических) целях осуществляются широкие исследования национально-культурной специфики языковых единиц, то есть изучение зафиксированного в языке отображения особенностей духовной и материальной культуры того или иного народа.

В лингвистическом плане национальные особенности семантики языковых единиц представляют интерес с точки зрения выявления отраженной в них специфики языковой картины мира, присущей тому или иному народу. В лингвомето-

дическом плане такие исследования позволяют выявить языковой материал, актуальный для лингвокультурологического описания в учебных целях, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ценным источником страноведческих и культурных знаний являются пословицы. Они тесно связаны с историей и культурой русского народа. Русские пословицы позволяют иностранным студентам в процессе изучения русского языка получить информативные картины русской жизни и русского быта, представления о национальном характе-

ре, религиозных представлениях, традициях, обычаях, праздниках русского народа, так как их “можно назвать хранилищем многовекового коллективного опыта людей, народной мудрости и национальной культуры” [Буслаев 1992, 51].

Изучение паремий в иностранной аудитории и овладение ими способствует переходу на другую знаковую систему, необходимую для формирования “вторичной” языковой личности иностранных студентов-филологов и, таким образом, формирует у них лингвокультурологическую компетенцию. Лингвокультурологическая компетенция определяется как система знаний о культуре, воплощенная в определенном национальном языке, личностные качества, приобретаемые в процессе освоения системы культурных ценностей, выраженных в языке и регулирующих коммуникативное поведение носителей этого языка

Известный тезис о том, что обучение иностранному языку понимается как обучение общению (В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, Ю.Е. Прохоров и др.), применительно к лингвокультурологическому подходу означает, что изучающие язык вынуждены находиться в измерениях двух различных социокультурных общностей, рефлектируя на специфику двух различных лингвосоциумов (И.И. Халеева). При этом следует подчеркнуть, что усвоение языка – это не только овладение средствами межкультурной коммуникации, но усвоение языка – это, прежде всего, овладение средствами социальной коммуникации через усвоение инокультурной картины мира, в том числе и иноязычной картины мира.

Эффективное овладение русским языком будет зависеть от того, насколько успешно будет усваиваться информация национально-культурного характера, выраженная национально-культурной семантикой языковых единиц (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

В последние годы во всех дисциплинах, так или иначе связанных с языком, не только в лингвистике, но и в психолингвистике, философии, лингвометодике существенно повысился интерес к личностному аспекту изучения языка (О.И. Блинова, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, Р.И. Павеленис, Р.М. Фрумкина, И.И. Халеева и др.).

Сегодня целью обучения иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному, признается воспитание “вторичной” языковой личности, способной проникать в “дух” изучаемого языка, в “плоть” культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация (И.Б. Игнатова, И.И. Халеева). Процесс формирования такой личности связан с формированием в сознании обучающегося языковой картины мира, присущей носителям изучаемого языка. Следовательно, базисным для современной концепции формирования “вторичной” языковой личности является понятие “картины мира”, в которой отражается вся целостность жизни народа – природа, стихия, фольклор, язык, соотношения пространства и времени, т.е. выявляется об-

разный набор, основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов. При этом картина мира понимается как система представлений народа о бытии, которое выражается через философию, литературу, мифологию и т.д., как система ценностей, парадигма познания и допустимых способов действий человека. Каждому народу присуща своя картина мира, и в каждом случае можно говорить о национальной картине мира, которая всегда своеобразна.

В рамках процесса обучения русскому языку как иностранному формирование представлений о картине мира осуществляется посредством формирования в сознании иностранных учащихся *языковой картины мира*, являющейся компонентом картины мира народа, закодированном в системе его языка, т.е. в лексиконе и грамматике.

Формирование в сознании иностранных учащихся объективного представления о выраженном в изучаемом языке образе мира, является одной из основных целей лингвокультурологического подхода к обучению, который позволяет а) изучать совокупность культурных ценностей (Н.Д. Арутюнова, Ю.Е. Прохоров); б) исследовать живые коммуникативные процессы (В.Н. Телия, Ю.М. Лотман); в) дает системное описание “языковой картины мира” и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения (В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.).

Введение понятия “*вторичной языковой личности*”, признание парадигм отношений “различных речевых личностей в рамках одной языковой личности” (Ю.Н. Караулов) позволило установить принципиальную конгруэнтность уровней организации “*вторичной языковой личности*” этапа формирования *лингвокультурологической компетенции* этой личности как представителя иной лингвосоциокультуры (И.Б. Игнатова). Эти этапы формирования и развития “вторичной” языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный, прагматический) определяют цели, содержание лингвометодической модели, направленной на формирование базовых лингвокультурологических умений и навыков “вторичной” языковой личности обучающихся в процессе овладении пословицами и поговорками на занятиях по русскому языку.

Лингвометодический анализ русских паремий позволил раскрыть особенности взаимодействия системы “культура – язык – личность”, выявить специфику культурно-значимых единиц языка как сложных знаковых образований, описать виды и типы паремий, включаемых в экспериментальную программу формирования лингвокультурологической компетенции “вторичной” языковой личности иностранного студента-филолога.

Так, например, пословица “*Волков бояться – в лес не ходить*” была переведена китайскими студентами следующим образом:

不入虎穴，焉得虎子

– Не забравшись в логово тигра, не поймешь тигренка”. Немецкие студенты дали русской поговорке “Два медведя в одной берлоге не живут” следующий перевод: “Zwei Naehne taugen nicht auf einem Mist – Два петуха не могут кормиться из одной кормушки”. Этой же поговорке соответствует следующий эквивалент на английском языке “Two dogs over one bone seldom agree – Две собаки редко могут разделить одну кость”, в испанском языке “Dos rivales juntos no pueden vivir – Два соперника не могут жить вместе”. Приведенные примеры указывают на разницу восприятия действительности разных народов и показывают, что животные в различных языковых сознаниях вызывают разные ассоциации. Кроме того, употребление названия того или иного животного в поговорках объясняется тем, что понятия тесно связаны с действительностью и образом мира. Восприятие русских паремий тесно связано с ее дальнейшим употреблением в различных речевых ситуациях. Человек воспринимает поговорку, которая несет в себе информацию в форме образов и понятий. В процессе восприятия происходит расшифровка знаков на образном и понятийном уровнях. Интерпретируя поговорку, учащийся как бы создает ее заново: соотносит услышанное с действительностью, со своими знаниями, со своим опытом. В процессе восприятия человек активен, он черпает информацию из своего сознания и осуществляет смысловые замены. Таким образом, поговорка может меняться в зависимости от человека, который ее произносит. При этом следует учитывать, что адекватное общение возможно лишь при единстве понимания реального мира согласованности действий в нем. Русские поговорки и поговорки являются отражением своеобразных особенностей в процессе познания данным народом реальности на языковом уровне. Следовательно, обучение русским паремиям обеспечивает иностранным студентам познание русской языковой картины мира и формирует новое языковое сознание.

Последние исследования понятия “вторичная” языковая личность говорят о том, что ее формирование невозможно без учета всех видов речевой деятельности. В процессе слушания, говорения, чтения и письма осуществляется перекодирование одной языковой системы на другую. Но на начальном этапе процесс усвоения вторичного кода основывается на базе первичного кода родного языка. В процессе перехода с родного языка на другой возникает помимо положительного переноса еще и интерференция родного языка и родной культуры. Проблема снятия интерференции родного языка и родной культуры является одной из важнейших проблем в психологии обучения иностранным языкам, без успешного решения которой нельзя говорить о повышении эффективности их преподавания.

В научной литературе выделяется фонетическая, грамматическая, лексическая, а также культурная интерференция (Б.В. Беляев,

У Вайнрайх, С.Г. Тер-Минасова и др.). Одна из причин возникновения интерференционных явлений – наличие фоновых знаний о реальности в сознании учащегося. Например, в Китае по лунному календарю в день, когда наступает весна, готовят чжунбин (в буквальном переводе: весенние блины). К чжунбин обычно подают блюда из разных зеленых овощей. Когда китайские студенты знакомятся с поговоркой “Первый блин комом”, у них часто появляются ассоциации, связанные с признаками китайских чжунбин, что вызывает культурную интерференцию [Лю Хун 2001, 24].

В немецком языке этой поговорке соответствует следующий вариант “Der erste Versuch geht immer daneben – Первая попытка неудачна”, в котором слово “блин” вообще не употребляется. В этом случае тот же смысл передается другими словами.

Русская поговорка “После драки кулаками не машут” также может вызвать появление культурной интерференции. В этой поговорке проявляется эпоха, ее породившая. Решать вопросы дракой, а зачастую и развлекаться таким образом (кулачные бои) было принято на Руси. Примером этому может служить поговорка “Попадайся по рукам, легче будет волосам”, которая берет свое начало в XVI веке, когда на Руси существовал обычай решать судебное дело поединком на специально отведенном для этого месте [Аникин 1957, 17]. Правильное понимание и интерпретация поговорки “После драки кулаками не машут” требует знания истории и подчеркивает некоторые черты характера русского человека того периода. Смысл этой поговорки был передан китайскими студентами следующим образом “事后英雄 Герой после драки”. Представители стран Латинской Америки поняли ее, но не привели эквивалента в родном языке.

В английском языке русской поговорке “После драки кулаками не машут” соответствует поговорка “To lock the stable – door after the horse is stolen – Запирать дверь конюшни, после того, как лошадь украли”, в немецком языке “Was soll der Dudelsack, wenn der Bar tot ist”. Таким образом, русская поговорка “После драки кулаками не машут” имеет эквиваленты в других языках, но эти эквиваленты передают лишь общий смысл, теряя национальную окраску.

Примером этому может служить русская поговорка “Любопытной Варваре на базаре нос оторвали”. Студенты из стран Латинской Америки передали следующим образом – “La curiosidad mato al gato – Любопытство убило кошку”. В английском языке этой поговорке соответствует следующий вариант: “Curiosity killed a cat – Любопытство погубило кошку”. Китайские студенты не дали эквивалента предложенной поговорке в родном языке. В составе русского варианта поговорки все слова имеют национальную окраску: Варвара – русское имя; базар или ярмарка являются яркими примерами русской национальной жизни и русского быта; слово нос в составе этой погов-

вицы переключается с другими русскими выражениями, характеризующими любопытного человека – *He sui свой нос в чужие дела; иметь длинный нос*.

Можно отметить, что все эти слова не вошли в состав пословиц-эквивалентов сопоставляемых языков.

Пословицы и поговорки доказывают, как по-разному люди воспринимают действительность. Так, к пословице *“Лучше синица в руке, чем журавль в небе”* были даны следующие варианты: в английском языке *“A bird in the hand is worth two in the bush – Одна птица в руке лучше, чем две в кустах”*; в немецком языке *“Better ein Spatz in der Hand als eine Taube auf dem Dach – Лучшие воробей в руке, чем голубь на крыше”*, в испанском языке: *“Mas vale una paloma en mano que cien volando – Лучшие один голубь в руках, чем стая в небе”*. Или, например, русской пословице *“В семье не без урода”* соответствует в английском языке следующий вариант *“Many a good father has but a bad son – У хороших родителей бывают плохие дети”*, в китайском языке *“家家有本难念的经 – У хороших родителей бывают плохие дети”*, в испанском языке *“Hasta en las mejores familias existe una oveja negra – Даже в самых лучших семьях бывают черные овцы”*; в немецком языке *“In jeder Herde findet sich ein ein schwarzes Schaf – В каждой отаре найдется черная овца”*. Можно отметить, что в немецком и в испанском языках встречается вариант этой пословицы с включением в ее состав сочетания *“черная овца”*, что не характерно для русского языка. В русском языке можно встретить выражение *“белая ворона”*, которое является характеристикой необычному, неординарному человеку.

Но в любом языке есть пословицы, которые несут в себе общечеловеческие ценности и понимаются они одинаково любым народом. Например, русская пословица *“Друзья познаются в беде”* точный эквивалент в немецком языке *“Den Freund erkennt man in der Not”*, в английском языке *“A friend is never known till needed”*, в испанском языке *“Amigo es aquel que cuentas en las buenas y las malas”*, в китайском языке *“患难见真情”*. Подобным примером может служить следующая русская пословица *“Большому кораблю большое плавание”*, которая не вызвала особенных затруднений в иностранной аудитории. Эта пословица была переведена следующим образом на испанский язык *“A grandes aspiraciones grandes logros”*, на немецкий язык *“Grosse Schiffe machen grosse Fahrt”*, на английский язык *“A great ship asks deep waters”*. И только китайские студенты дали не совсем точный эквивалент предлагаемой единице: *“Работа по способностям”*. Этот вариант соответствует скорее русской пословице *“Каждому по способностям, каждому по труду”*. Таким образом, китайские студенты в пословице *“Большому кораблю большое плавание”* не выделили черты человека способного, талантливого и выразили эту мысль китайской поговоркой, содержащий лишь

общий философский смысл.

Таким образом, переход с родной системы на систему изучаемого языка выражается в перекодировании семантических связей родного языка на связи изучаемого языка. От объема и качества лексического запаса “вторичной” языковой личности иностранного студента зависит эффективность такого перехода.

Проблемы организации внутреннего лексикона разработаны А.А. Залевской. Развивая идею многократного перекодирования, автор считает, что в процессе формирования мысли в речи “лексикон должен включать единицы всех этапов этого процесса, т.е. иначе говоря, его можно интерпретировать как систему кодов и кодовых переходов (термин Н.И. Жинкина, 1964), обеспечивающую реализацию процессов смыслоформирования и смыслоформулирования” [Залевская 1987, 21]. А.А. Залевская также подчеркивает, что “слово сохраняет непосредственную связь со своей чувственной основой” [Залевская 1977, 23], хотя данная связь может не актуализоваться в речевой деятельности. К.К. Григорян, по итогам экспериментального исследования операциональной структуры образного мышления приходит к выводу, что предъявляемое испытуемым слово вызывает восстановление огромной системы связей, отображающих ситуации, эмоциональные состояния, представления ощущений, комплексы образов предметов, действий, понятий и слов, которые встречались человеку в его опыте, однако в сознании пробиваются лишь отдельные обрывки такой “разбуженной” системы [Григорян 1972, 192]. Этот вывод подтверждают исследования Н.И. Жинкина, который считает, что “грамматическая структура сама по себе не несет никакой новой информации, интересующей партнеров” [Жинкин 1982, 192]. Данные положения подтверждают, что именно лексика несет содержательные связи в речемыслительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Учебное пособие для педагогических институтов по специальности “Русский язык и литература”. – М.: Просвещение, 1992. – 511 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 154 с.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999. – 167 с.
4. Игнатова И.Б. Учет родного языка студентов при формировании коммуникативной компетенции // Пути интенсификации процесса обучения иностранных студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1995. с. 125-137
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Отв. редактор Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 216 с.
6. Лю Хун. Формирование лингвострановедческой компетенции китайских студентов-русистов в работе с художественным текстом. // Русский язык в диалоге культур народов России в год А.С.Пушкина.

Материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999. – С. 304-307

М., 2001. – 203 с.

8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – С. 51-86

7. Маслова В.А. Лингвокультурология. –

АНОТАЦІЯ

У статті розглядаються проблеми дослідження національно-культурної специфіки мовних одиниць, а також проблеми аналізу російських паремій, що дозволяє розкрити особливості взаємодії системи “культура – мова – особистість”, виявити специфіку культурно-значущих одиниць мови, які включені до експериментальної програми формування лінгвокультурологічної компетенції “вторинної” мовної особистості іноземного студента-філолога.

Ключові слова: лінгвокультурологічний підхід, лінгвокультурологічна компетенція, мовна картина світу, “вторинна” мовна особистість, навчання російським прислів’ям іноземних студентів, процес засвоєння вторинного коду, національно-культурна специфіка мовних одиниць.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы исследования национально-культурной специфики языковых единиц, а также проблемы анализа русских паремий, который позволяет раскрыть особенности взаимодействия системы “культура – язык – личность”, выявить специфику культурно-значимых единиц языка, включаемых в экспериментальную программу формирования лингвокультурологической компетенции “вторичной” языковой личности иностранного студента-филолога.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, лингвокультурологическая компетенция, языковая картина мира, вторичная языковая личность, обучение русским пословицам иностранных студентов, процесс усвоения вторичного кода, национально-культурная специфика языковых единиц.

SUMMARY

In article problems of research of national-cultural specificity of language units, and also problems of the analysis of Russian proverbs which the culture - language - the person” allows to open features of interaction of system “are considered, to reveal specificity of cultural-significant units of the language included in the experimental program of formation culturological-linguistik of the competence of the «secondary» language person of the foreign student.

Key words: the culturological-linguistik approach, the culturological-linguistik competence, a language picture of the world, the secondary language person, training to Russian proverbs of foreign students, process of mastering secondary when, national-cultural specificity of language units.

НАШИ АВТОРЫ

Абашина Виктория Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Львовского государственного университета имени Ивана Франко

Бойко Ирина Витальевна – аспирант Нежинского государственного университета имени Н. Гоголя

Горлачева Виктория Владимировна – аспирант Запорожского национального университета

Заморева Анастасия Владимировна – преподаватель Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова

Калинина Лидия Вячеславовна – аспирант Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина

Камышников Яна Сергеевна – преподаватель Академии внутренних войск МВД Украины

Козлов Евгений Дмитриевич – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Лаврухина Вера Леонидовна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Лапшина Ольга Александровна – аспирант Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

Литвин Ольга Владимировна – аспирант Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Логвиненко Ирина Анатольевна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Мрртиросян Арсен Гагикович – кандидат педагогических наук, доцент Белгородского государственного университета

Мельник Светлана Семеновна – преподаватель Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Минина Нина Сергеевна – соискатель Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Нечитайло Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Киевского национального лингвистического университета

Пархомова Елена Сергеевна – аспирант Белгородского государственного университета

Ромеро Интриаго Дина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент Белгородского государственного университета

Самосенкова Татьяна Владимировна – доктор педагогических наук, профессор Белгородского государственного университета

Сегал Наталья Александровна – аспирант Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

Сунь Цзявень – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Толмачёва Елена Владимировна – преподаватель Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова

Цапко Тамара Петровна – кандидат филологических наук, доцент Национального фармацевтического университета (Харьков)

Цыганенко Вера Владимировна - старший преподаватель Национального фармацевтического университета (Харьков)

Щербина Виктория Владимировна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Юрченко Елена Михайловна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды

Ярошенко Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент Донецкого национального университета

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Горлачева В.В. Особенности семантического поля русскоязычных рекламных цветообозначений.....	3
Калинина Л. В. Соматические метафоры как средство вербализации нравственной оценки человека в говорах русского языка	6
Камьшишникова Я.С. Прониминальные субстантиваты в стихотворениях А.Блока.....	11
Лаврухина В.Л. Языковая реализация образа-символа воды в лирике К.Бальмонта.....	14
Лапшина О.А. Семантическая категория подобия в современном русском языке.....	18
Литвин О.В. Неологизмы в российских СМИ.....	22
Логвиненко И.А. Параллелизм образов “город” - “женщина” в стихотворении Б. Пастернака “Марбург”	25
Ярошенко Н.А. Номинации лица в толковых словарях русского языка под редакцией Г.Н.Скляревской: динамика состава.....	29
Заморева А.В. Концепт “общая оценка” в русской языковой картине мира.....	32
Козлов Е.Д. Грамматическая родовая доминанта в стихотворениях Юнны Мориц.....	36
Мельник С.С. Социальная характеристика портрета персонажей в романе Л.Н.Толстого “Анна Каренина”	40
Сегал Н.А. Ассоциативно-образная семантика ключевых единиц в политическом тексте	42
Минина Н.С. Некоторые проблемы описания частиц в русистике.....	46
Юрченко Е.М. Языковые средства создания образа ребенка-жертвы в рассказе Ф.М. Достоевского “Мальчик у Христа на елке”	50
Нечитайло И.Н. Семантика русских девербативов в общеславянском контексте.....	53
Бойко И.В. Человек как объект вербальной оценки в поэме Н.В.Гоголя “Мертвые души”	56
Абашина В.Н. Сложноподчиненное предложение с компаративом в главной части: особенности структурно-семантической и коммуникативной устроенности.....	59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Щербина В.В. Образ Юргиса Балтрушайтиса в стихотворениях и воспоминаниях современников	62
Сунь Цзявень Роман А.С.Пушкина “Евгений Онегин” в исследованиях и переводах 1930-1990 гг. в Китае.....	69

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Цыганенко В.В. Изучение темы “Причастие” в группах студентов, говорящих на английском и французском языках.....	74
Пархомова Е.С., Самосенкова Т.В. Антропоцентризм обучения русскому языку в рамках лингвокультурологического подхода.....	76
Толмачёва Е.В. Пословицы и поговорки как одно из средств познания русской языковой картины мира на уроках русского языка как иностранного.....	78
Цапко Т.П. Проблемы интерференции при обучении русскому языку франкоговорящих учащихся на начальном этапе.....	81
Мартиросян А.Г. Сравнительный анализ способов выражения определительных отношений в русском и английском языках (на примере обучения англоговорящих студентов русским местоимениям).....	85
Ромеро Интриаго Д.И. Взаимодействие системы “культура – язык – личность” в лингвометодическом аспекте.....	89

НАШИ АВТОРЫ.....	93
------------------	----

Научное издание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. УКРАИНСКИЙ ВЕСТНИК

Республиканский научно-методический журнал. – 2009. – № 2 (39)

Научные редакторы И.П.Поборчая
Е.А.Скоробогатова

Технический редактор Н.Ф.Цап

Компьютерный макет Д.И.Степанченко

Художник Е.П.Растриполко

Корректор А.Е.Юрковская

Сдано в набор 10 апреля 2009 г. Подписано к печати 15 апреля 2009 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл печ.л. 11,75. Тираж 500. Рег. серия КВ № 1234. Заказ № **479**. Цена договорная.

ООО «Альманах». 16500, Бахмач Черниговской обл., РУС. а/я 13.

Бахмачская типография. 16500, Бахмач Черниговской обл., ул Луначарского, 4.